

Т.Д. Тулешов

Евразийская интеграция

Построение будущего

Москва
2013

Автор: Тохтар Джусипович Тулешов — Председатель Экспертного совета по экономическому сотрудничеству России, Казахстана, Беларуси, Комитета по экономической политике и предпринимательству Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации V созыва.

Научные рецензенты:

В.В.Каширин — профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, д.э.н.;

А.К.Шуркалин — профессор Российского государственного университета нефти и газа им. И.М. Губкина, д.э.н.

Т.Д.Тулешов. Евразийская интеграция. Построение будущего. — Москва: Издание Вольного экономического общества России, 2013. — 244 с., илл.

В книге анализируются интеграционные процессы на постсоветском пространстве: их динамика, идейная основа, приоритеты. Работа носит общественно-политический, научно-просветительский характер.

Издание адресовано специалистам-международникам, ответственности стран СНГ, а также широкому кругу читателей, интересующихся актуальными проблемами современных многосторонних отношений на евразийском пространстве, связанных с интеграционной тематикой.

ISBN 978-5-94160-165-3

ISSN 2072-2060

© Т.Д.Тулешов, 2013

© Вольное экономическое общество России, 2013

Содержание

Предисловие5

Часть I.

Тенденции глобализации и интеграции

1. Глобальность проблем и решений
в современном мире13
2. Глобализация и регионализация25
3. Интеграция и ее преимущества35
4. Пространство евразийской интеграции
в контексте мировых тенденций.....47

Часть II.

Организационный каркас евразийской интеграции

1. Таможенный союз — локомотив общей
евразийской экономики59
2. Предпосылки евразийской общей политики ..82
3. Государство и суверенитет
под прицелом глобальных тенденций106
4. Интегративная роль государства.....113

Часть III.

Общество и интеграция

1. Социальная динамика
и евразийские ценности123
2. Евразийская интеграция как проект141
3. Идентичность и культура
в зеркале интеграции.....163
4. Продвижение евразийской культуры176

Часть IV.

От общих интересов

к Евразийскому экономическому союзу

1. Интеграционные интересы Украины	185
2. Дорожная карта азиатской интеграции.....	194
3. Глобальный резонанс	206
Послесловие	221
Избранная библиография	239

Предисловие

Идея интеграции постсоветского пространства предложена Президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым главам стран СНГ еще в 1994 году. В течение последующих лет принимались практические решения о создании межгосударственных интеграционных структур, прорабатывались подходы и методы, выстраивались уровни интеграции. Ускоренную динамику важнейшие международные проекты (ЕврАзЭС, ТС, ЕЭП, ЕЭС) приобрели только в кризисные годы.

Поддержка интеграционных проектов в интеллектуальной среде, в рядах общественных деятелей необходима для раскрытия различных сторон и аспектов интеграции. Интеллектуальная поддержка евразийских интеграционных процессов явно недостаточна, в то время как опыт становления европейских сообществ, процесс их слияния в общий рынок, согласование вопросов валютного регулирования изучены европейскими профессионалами досконально и широко растиражированы.

Когда в реальном времени разворачивались два типа геополитических процессов: интеграция в Европе и — с не меньшим энтузиазмом — дифференциация на постсоветском пространстве, важно было правильно определить, которая из этих тенденций является исторически перспективной. Решить подобную задачу даже строго научными методами невероятно сложно, поскольку исследователю в его восприятии даны предметы в их незавершенном виде. В последние десятилетия интеграционная компонента мировой геополитики стала реальностью. В мире возникли различные виды региональных моделей содружеств, успешно адаптирующихся к внешним и внутренним условиям, стремительно изменяющимся в процессе

глобализации. Безусловное первенство в интеграционном процессе имеет Европейский союз, достигший уже тех целей, которые на пространстве СНГ только прорабатываются. Европейский союз уже испытал многие трудности и решил проблемы, которые здесь еще не проявились.

Вдумчивый анализ европейской интеграционной модели, существующей в реальной жизни и работающей на благо народов Европы, не избавляет от необходимости создания собственной модели. При этом необходимо учитывать имеющийся опыт Европы, опыт собственного продвижения по пути интеграции и концептуальную сторону эволюции социума. Эта работа отвечает необходимости осмысления пути в будущее в понятиях перспективных теорий и на языке конкретной общественной практики.

Мощный практический сдвиг интеграция на евразийском пространстве получила в октябре 2011 года, когда газета «Известия» опубликовала статью Владимира Владимировича Путина «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня». Роль В.В. Путина в продвижении России к интеграции на постсоветском пространстве трудно переоценить: его инициативы и решения придают интеграционным процессам новую динамику и рассеивают скепсис в отношении продуктивности интеграционных проектов.

Содержание известинской публикации как нельзя лучше отражено в ее названии. Последовательность шагов и результатов межгосударственного сближения выстроилась в логику возрастания степени интеграции из прошлого через настоящее в будущее. Таможенный союз Беларуси, Казахстана и России, который стал уже фактом; Единое экономическое пространство стран ТС, решение по которому принято и целеустремленно реализуется; и ближайшее будущее — появление в 2015 году Евразийского экономического союза (ЕАС) стран ЕЭП

как логичное оформление глубокой и последовательной региональной интеграции в Евразии.

Основной посыл данной книги — показать ту значимую для народов наших стран цель, которая не видна из окон домов и предприятий, но лежит в основе их благополучия в будущем. В.В. Путин еще раз подчеркнул, что сложение ресурсов и капиталов на межгосударственном уровне странами-союзниками позволит Евразийскому союзу быть конкурентоспособным в индустриальной и технологической сферах, в соревновании за инвесторов, за создание рабочих мест, передовых производств.

Упомянув, что есть страны, желающие присоединиться, как есть и подумывающие об этом, В.В. Путин заметил, что подобная заинтересованность есть и условия создаются, но «никто никого не неволит». Говоря о формировании Евразийского союза, В.В. Путин избегает категоричности и заданности в планах, не форсирует события, оставляя простор для обсуждения и естественного встречного движения России, Казахстана и Беларуси к Евразийскому союзу.

По существу, в этой программной статье Владимир Владимирович Путин определил последовательную интеграцию на постсоветском пространстве как ведущий тренд российской стратегии в ближнем зарубежье.

Президент Республики Беларусь Александр Григорьевич Лукашенко в статье «О судьбах нашей интеграции» (опубликована 17 октября 2011 года в российской газете «Известия») принял эстафету интеграционного манифеста и подтвердил схожесть белорусских и российских взглядов на интеграцию.

Белорусский президент отметил в статье В.В. Путина главное — заботу о будущем России и стратегическую линию на общее будущее с соседями по СНГ, а особенно в тройке лидеров по межгосударственному сближению. Подчеркнул президент и принципиальную основу этого

сотрудничества: взаимная заинтересованность и равноправие.

Залогом серьезности намерений партнера Президент Беларуси видит открытость провозглашенной стратегии, обращенной не только к электорату, соседям, но и ко всем мировым центрам силы, для которых, по мнению А.Г. Лукашенко, вести о формировании нового мощного единого рынка с серьезнейшим производственным, ресурсным, интеллектуальным потенциалом не прибавляют оптимизма.

Показательны задачи, отмеченные Президентом Беларуси как первоочередные на пути реализации проекта: согласованно искать механизмы интеграции, которые бы удовлетворяли бы интересам всех ее участников и давали бы реальную отдачу; уходить от конкуренции между союзными странами на внешних рынках; вдумчиво и прагматично подходить к вопросу о введении единой валюты в странах союза; стимулировать интеграционную активность всех уровней чиновничества.

Но на первое место по важности Президент Беларуси поставил задачу на деле показать, какие преимущества простым людям дает новый союз, и поэтому ясно выразил свою мысль о том, что интеграция — не самоцель, а инструмент достижения наивысшей цели — роста благосостояния и качества жизни людей.

Общим для двух лидеров стран-союзников является и понимание более широкого контекста евразийской интеграции. Отгалкиваясь от ближайшей цели — закрепления статуса ЕАС как ключевого регионального игрока, который поможет выстраивать отношения с ведущими мировыми экономическими структурами, Евразийский союз в представлении А.Г. Лукашенко мыслится неотъемлемой частью общеевропейской интеграции. Масштаб этих целей действительно велик: «...возможность работы по одинаковым правилам на рынке от Атлантики до Тихого океана».

Правда, конкретика международной стратегии поведения Беларуси читается в другом тезисе: «... для Беларуси глубокая, продуктивная интеграция с наиболее близкими соседями была, есть и будет естественным путем развития», — о чем не упустил возможности сообщить ее президент. А это замечание немаловажно. Оно означает, что Беларусь не связывает и не будет связывать себе руки одним конкретным интеграционным проектом, но в зависимости от внутренней мотивации и внешних стимулов готова откликаться на интеграционные инициативы соседей как с Востока, так и с Запада.

Не остался в стороне от заочной конференции лидеров стран-союзниц по ЕЭП о судьбе Евразийской интеграции и Президент Казахстана — Нурсултан Абишевич Назарбаев. И это неудивительно, ведь он является признанным идеологом интеграционных процессов на постсоветском пространстве, родоначальником новой — евразийской концепции международной интеграции, основоположником принципов совместного строительства многосторонних межгосударственных отношений, принятых в практике интеграционных образований России, Казахстана и Беларуси.

Статья Президента Казахстана Н.А. Назарбаева «Евразийский союз: от идеи к истории будущего» (опубликована 26 октября 2011 года в российской газете «Известия») расширяет представление о евразийской интеграции на наиболее важном ее направлении — практическом.

Подтвердив единство лидеров интеграционного процесса в следовании принципам экономического прагматизма, равенства, взаимной выгоды и уважения интересов друг друга, Президент Казахстана снял опасения общестественности участников ЕС и ближайших соседей по СНГ в том, что дальнейшая интеграция предполагает передачу политического суверенитета в наднациональные

органы ЕС, и призвал преодолеть страхи от слова *союз* и пресловутого *наступления империи*.

Хотелось бы обратить особое внимание на то, что эти слова исходят от Нурсултана Абишевича, а потому залогом их весомости является в первую очередь то, что суверенитет Казахстана для их автора остается непреложной ценностью. Кроме того, именно Президент Казахстана поддерживает непрерывный евразийский диалог с общественностью стран СНГ уже более пятнадцати лет, и нет никаких сомнений, что идея Евразийского экономического союза, впервые выдвинутая им в 1994 году, сейчас адекватно воспринимается и в элитной среде, и широкими массами казахстанцев, россиян и белорусов. Поддерживают ее и в ряде других стран СНГ, отметил Президент.

Обращая внимание на практическую сторону интеграции, Президент Н.А. Назарбаев констатировал прогресс в формате Таможенного союза трех стран, на основе которого возникают отраслевые ассоциации производителей, и предложил разработать совместную программу евразийской инновационно-технологической кооперации на 10–15 лет.

Интересующиеся евразийской тематикой привыкли к тому, что евразийские цели Н.А. Назарбаева ожидаемо выходят далеко за рамки достигнутого, и если Президент пишет о необходимости избавиться от узкой перспективы быть периферией догоняющей модернизации, то существует замысел более высокого порядка. И выражается он в планах формирования самостоятельного регионального финансового объединения, создания общей платежной системы, а затем и единой валюты на всем Евразийском пространстве.

В статье Президента Н.А. Назарбаева получила отдельное освещение культурно-информационная плоскость евразийской интеграции. Ее актуальность Президент

обозначил предельно четко: создание ЕС возможно и без общественной поддержки, благодаря административной воле, но его существование без нее обречено. Это означает, что межгосударственное сотрудничество, производственная кооперация должны идти рука об руку с культурным обменом и созданием новых общих культурных связей, информационной базой которых может стать уже сегодня предложенный президентом Н.А. Назарбаевым круглосуточный канал «Евразия 24».

Указав на конкретные результаты: предметно работающий Евразийский Медиафорум, активную объединяющую деятельность Евразийской академии телевидения и радио, фестивали, конференции, молодежные форумы, образование, функционирующее взаимно открытое информационное пространство двух стран, — Президент Казахстана отметил, что наши народы все более ощущают себя частью формирующейся евразийской идентичности с ее многообразием, и что это новое ощущение необходимо укреплять и поддерживать.

Таким образом, открытый обмен мнениями лидеров стран-участниц ТС о судьбе Евразийской интеграции, прошедший в конце 2011 – начале 2012 года определенно показал:

- а) стратегическое единство лидеров интеграции на постсоветском пространстве;
- б) общее понимание принципов и политики продвижения к стратегической цели;
- в) согласованность целей, задач и алгоритмов осуществления этой политики;
- г) работоспособность механизмов обсуждения и достижения разумного баланса интересов стран с разной степенью интеграции в евразийское пространство.

Характерной особенностью настоящего периода евразийской интеграции является понимание того, что

именно культурно-информационная среда способна сгенерировать условия, которые позволят добиться новых прорывов во всех сферах сотрудничества и взаимодействия в Евразии. Поэтому на повестке дня поиск мер, способных обеспечить непрерывность интеграционных процессов и связать сегодняшние задачи с долгосрочными интересами евразийской интеграции.

Часть I. Тенденции глобализации и интеграции

1. Глобальность проблем и решений в современном мире

В начале XXI столетия стало модным говорить о «глобальных вызовах» как неких объективных следствиях нового — глобального миропорядка, к которым необходимо адаптироваться, а это хороший повод для обновления внутривнутриполитических и внешнеполитических доктрин. Несколько ранее с подачи интеллектуалов Римского клуба эти вызовы еще именовались «глобальными проблемами» мирового развития. Деятели этого космополитического неформального объединения европейских интеллектуалов — Аурелио Печчеи, Деннис Медоуз, Джей Форрестер и другие — поставили перед международной общественностью вопрос о необходимости управляемых изменений развития социума с учетом тенденций истощения ресурсов, роста народонаселения, экологических деформаций, которые и получили статус глобальных проблем. Эта концепция дала импульс развития общественных движений экологического направления и в целом стала основой формирования экологического сознания современного общества.

Кроме этого, многие интеллектуалы, осмысляя наиболее общие тенденции западного мира, стали говорить

о способе существования западной цивилизации как проблеме для всего человечества. В частности, Эрих Фромм в книге «Иметь или быть?» показал ущербность повседневной практики западного обывателя, ориентированной на «обладание». Потребительская гонка за новыми и новейшими материальными подтверждениями своего существования стала образцом массового поведения, сконструировав потребительское общество «золотого миллиарда».

Мыслители 70-х годов XX века довольно точно указали ключевые тенденции и следствия происходившей в последней четверти XX века глобализации, но создать международные инструменты управляемых изменений не удалось. Поэтому в XXI веке проблемы из будущего пришли в настоящее, став вызовами, отвечать на которые необходимо немедленно. Дефицит природных ресурсов, ухудшение экологии, трансграничный терроризм стали касаться всех.

Еще недавно большинство глобальных проблем воспринималось на уровне нации-государства как нечто внешнее и достаточно далекое от обыденной жизни, но сегодня человек сталкивается с последствиями этих проблем ежедневно. Если не реально, то, включаясь в информационный поток, человек ощущает состояние перманентной угрозы своему существованию. Всемирный экономический кризис 2008 года способствовал переходу от умозрительных догадок к чувственному ощущению того, что отклики таких явлений, как крах фондовых показателей или чрезвычайное происшествие регионального масштаба, растекаются по планете столь быстро, что впору говорить о зарождении единой кровеносной системы человечества, по которой циркулируют потоки мировых финансов.

Современная система всеобщей коммуникации — это общественное сознание, которое прочными невидимыми

ниями связывает все человечество. Средства массовой информации, расположенные на узловых моментах этой коммуникации, посылают нервные импульсы, актуализируя человеческие эмоции, переживания и страхи. Вольно или невольно контент (содержательный ряд) массовой информации, составленный соответствующим образом, становится резонатором локальных проблем, придавая им глобальное значение.

Основная характерная черта современности — главенствующая роль взаимосвязей и взаимозависимостей между странами, народами, экономическими системами, что, собственно, и есть глобализация. Ее вектор, ее суть и ее процесс — приведение к общему экономическому знаменателю всех ранее самостоятельных рынков, включение их в общий глобальный рынок, в одну суперсистему разделения труда, а итог — единый мировой рынок, экотасса.

Изоморфизм общества дал состоятельному человеку свободу находиться повсюду с одинаковым стандартом условий комфорта и безопасности. Высокий уровень мечтаний человечества, кажется, был достигнут. В качестве художественной метафоры данной иллюзии можно вспомнить кинофильм «Матрица»¹, где компьютер воспроизводил в сознании спящих людей образный и чувственный мир конца XX века как вершину в развитии человечества. Однако эволюция имеет свои внутренние законы, и пытаться задержать ее ход, дабы почитать на лаврах прогресса, бессмысленно. Можно называть это не эволюцией, а непрерывностью развития, необратимостью движения, но суть от этого не меняется.

Институционально глобализация начала оформляться с создания надгосударственных институтов регулирования международных вопросов: Организации Объединенных

¹ The Matrix, Warner Bros (production), USA, 1999 (L.Wachowski, A. Wachowski).

Наций, ГАТТ (Генерального Соглашения о Тарифах и Торговле, преобразованного во Всемирную торговую организацию — ВТО), Международного валютного фонда и Всемирного банка. Доллар США в 1946 году (на основе Бреттон-Вудской валютной системы) получил статус мирового платежного средства, что привело к значительному расширению мировой торговли в 50–80-е годы XX века.

Параллельно экономическому шел процесс гуманитарной глобализации. Принятие Генеральной Ассамблеей ООН Всеобщей декларации прав человека в 1948 году выделило базовую универсальную совокупность качеств во всем социальном разнообразии мировых обществ, тем самым права человека были отделены от его гражданских прав вне зависимости от места нахождения.

Сам термин «глобализация» введен в научный оборот в 1983 года для обозначения процессов расширения рынков, а в 1996 году, после обсуждения на Давосском форуме темы «Глобализация основных процессов на планете», он стал мировым терминологическим хитом. Окончательное утверждение его как характеристики исторически значимого цивилизационного явления произошло в период азиатского кризиса 1997–1999 годов.

В конце 80-х годов мировые финансовые организации для того, чтобы изменить защитные меры, применяемые странами для регулирования деятельности своих финансовых рынков, составили ряд предложений — так называемый «Вашингтонский консенсус». Конечной целью соглашений является полная отмена ограничительных мер со стороны государства для действий финансовых рынков.

Десять лет последующей практической глобализации сформировали ее облик, позволили вкостить ее преимущества и испытать негативное воздействие. Однако была уверенность в том, что глобализация способна решить проблемы, ею же создаваемые. Единственное, что требовалось, — не жалеть для нее свободы.

Консультант по управлению с мировым именем — Кеничи Омае в своей книге «Мир без границ» утверждал, что в эру глобализации все главные процессы оказываются подчиненными либеральному рыночному пространству; наступает новая эпоха в истории человечества, когда традиционные нации-государства теряют свою естественность и становятся непригодными как партнеры в бизнесе. Триумф либерального фундаментализма, казалось, обеспечен исторической объективацией, то есть все предшествующее развитие либеральных институтов было исторически предрешено как единственно верное. По крайней мере, его экономический базис презентовался как наиболее прогрессивный.

Как всякое неуправляемое явление, глобализация безразлична к тому материалу, который изменяет, что оправдывает наличие международных институтов с их регулирующей функцией. Но интересно, что призыв к управлению глобальными процессами прозвучал из самой ООН. Кофи Аннан, будучи Генеральным секретарем ООН, признал разрушительный характер глобализации: «миллионы и миллионы граждан убеждаются на собственном опыте, что глобализация не подарок судьбы, а сила разрушения, подрывающая их материальное благополучие или их привычный образ жизни». «Растущая взаимозависимость между странами и те вызовы, которые несет с собой этот процесс, ставят перед нами вопрос об организации более эффективного управления глобализацией — управления, которое будет отличаться новыми уровнями сотрудничества между субъектами общественного и частного секторов, между государствами и глобальными рынками», — отмечал администратор Программы развития ООН Кемаль Дервиш, выступая на экономическом форуме в Давосе в 2009 году.

Эффективная организация управления глобальным миром как целым — задача не из легких. Но возможно ли управлять глобализацией вообще? Это ключевой вопрос,

поставленный историей перед человеческим разумом, и на него пока нет однозначного ответа. В начале XX века распад колониальных империй на национальные государства был обусловлен не только освободительной борьбой угнетенных народов за свою независимость, но и в значительной мере неразвитостью методов управления. Вполне возможно, что в начале XXI века глобализация становится неуправляемой, поскольку она превысила управляющие возможности человечества. Согласно кибернетическому закону «необходимого разнообразия» Уильяма Эшби, параметры управляющей системы — ее сложность, количество обрабатываемых сигналов и т. п. — должны быть больше или, по крайней мере, равны аналогичным параметрам системы управляемой.

Либеральная теория гласит, что универсальным регулятором является рынок. Действительно, глобализация — это экспансия рынка, подчинившего другие формы организации жизни и альтернативные рынки. В рамках эволюции общества можно описать это как победу социального принципа над природным. Научно-технический прогресс подчинил стихию общественного сознания, превратил его в творимое явление, то есть в артефакт.

Развитие социума долгое время тормозилось биологическими возможностями человека, так как ограниченность возможностей прямой коммуникации мешала племени, государству расширяться безгранично. Эта проблема была решена средствами массовой коммуникации, и новая глобальная империя оккупировала весь мир. Границ, непреодолимых для империй Кока-Колы, Майкрософта, Гугла и им подобным, ставших символами социального стандарта, фактически нет. Северная Корея, некоторые исламские страны, Куба — последние крепости «закрытого» мира. Страны же Центральной Африки, племена Амазонии, Аравии, Юго-Восточной Азии настолько бедны, что динамика современной коммуникации никак на них не влияет.

Однако правомерен и вопрос о том, кто управляет рынком. Ответ на него более конкретен: экономист, академик РАН Сергей Глазьев называл Уолл-стрит основным двигателем глобализации, чем и объясняется тот факт, что идеология глобализации в реальности оказалась идеологией преимуществ одной страны, одной системы, одной культуры. Глобальные интересы Соединенных Штатов стали фундаментом «глобализационных стратегий» и, как следствие, появившихся институтов мирового доминирования, таких как НАТО, ВТО, МВФ, и т.п. Об этом недвусмысленно говорил бывший госсекретарь США Генри Киссинджер в 1999 году в Дублине: «...то, что обычно называют глобализацией, на самом деле просто другое название господствующей роли Соединенных Штатов».

На этом классические теории заканчиваются, как закончились неосвоенные территории обитаемого мира, рост господствующей роли США и рост рынка. Но сам рынок при этом существует, и если не прибавляет в росте, то это не значит, что внутренние процессы в нем остановились. Эти процессы переходят в другую фазу — фазу перераспределения внутри глобального рынка.

Идея открытого и глобального рынка подкупает своей простотой: кто-то лучше работает в одной сфере, кто-то в другой, все более глубокое разделение труда дает новый рост его производительности. Английский экономист Давид Рикардо в свое время доказал это положение как теорему: концентрация на успехе дает приращение и количества и качества товарной массы, совершенствует предмет обмена, гармонизирует партнерские отношения.

Однако классикам экономической теории (теоретикам свободного рынка Адаму Смиту и Давиду Рикардо) возражал немецкий экономист Фридрих Лист. Согласно его исследованиям, если при открытых рынках в равных

условиях оказываются бедные и богатые государства, то бедные еще больше беднеют, а богатые все больше богатеют. Вместе с тем территориально крупные страны, по мнению Фридриха Листа, могут развиваться независимо и быть самодостаточными. Он выдвинул теорию автаркии больших пространств, отмечая, что крупные страны способны к самообеспечению, могут минимизировать внешнюю торговлю, организовать внутреннюю среду культурных связей и т. п. Тем самым немецкий экономист полагал, что экономически интегрированные пространства дают входящим в них странам и народам возможность менее болезненно реагировать на конъюнктуру внешних рынков.

Само слово *автаркия* часто используется как синоним изоляционизма стран, что нередко подается с негативной стороны, символизируя стагнацию их развития. Однако при этом упускается из виду, что внешний мир для любого организма — это еще и источник агрессивного воздействия. Без надежных мер защиты экономики страны от глобального рынка государства приходят в состояние более жалкое, чем стагнация. Поэтому стихия, которой является глобальный рынок, не может восприниматься ни как абсолютное зло, ни как абсолютное благо, меры защиты национальной экономики необходимы, и баланс между открытостью и защитой и есть умная политика.

Примеры адаптации стран к воздействию внешнего рынка различны. Это и автаркия, и максимальная рыночная открытость, лидерство в глобализации, попытки выборочно установить заградительные барьеры и т. д. Сохранение целостности Китая и рост его экономики свидетельствуют в пользу того, что мировой глобальный тренд можно максимально обернуть себе на пользу, избежав его разрушительных последствий.

Общества, которые не находят путей для интеграции, рискуют попасть в жернова глобализации и испытать все

ее последствия. Как выразился «администратор» оккупированного Ирака Пол Бремер: «...глобализация создает огромные богатства, но в краткосрочном периоде население развивающихся стран страдает, поэтому их согласие нужно обеспечить необходимыми средствами». Как можно наблюдать, в избранных для Ирака средствах «обеспечения согласия» просматривается тревожная тенденция. В этом и проявляется ущербность либеральной модели — рыночная вседозволенность торжествует над международным правом и правом сохранения своей идентичности.

Британский историк Эрик Хобсбаум отметил, что «в конце XX века национальное государство пытается защититься от влияния мировой экономики, которую оно не в состоянии контролировать, а также от международных институтов, созданных ради преодоления его внешнеполитической слабости»². Тем самым можно заключить, что в условиях глобализации международные институты, созданные как средства защиты национальных государств, приобрели самостоятельное значение и стали оказывать давление на государства, а это значит, что они больше не могут рассматриваться в качестве гарантов национальной безопасности.

Более того, как заметил известный финансист Джордж Сорос, невзирая на то, что финансовые институты внимательно отслеживают ситуацию на финансовых площадках всего мира, для них главной задачей является поддержание стабильности внутри своей страны и стремление к ее экономическому процветанию, потому что они ориентированы прежде всего на финансовые центры у себя дома. При этом, несмотря на широкий размах их деятельности, финансовые обвалы предотвратить им еще не удавалось. Институты регулирования финансо-

² Эрик Хобсбаум «Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991)». — М. Издательство Независимая Газета, 2004.

вых рынков действуют уже *a posteriori*, для зачистки последствий; если же поставить целью создание финансовых институтов, действующих *a priori*, то возникает альтернатива: либо создание единого международного центрального банка и единой международной денежной единицы, либо освоение пути регионализации, связанного с формированием экономических союзов, укрупненных региональных валют и соответствующих финансовых институтов.

Очевидно, что в настоящее время второй путь более доступен, прежде всего в силу меньшего числа заинтересованных субъектов — он-то и становится методом комплексного ответа на современные «вызовы». Если отвлечься от несколько высокопарного выражения «глобальный вызов» и посмотреть, чем же конкретно обусловлена тенденция к регионализации, то первым претендентом на звание основной причины становится финансовый кризис. Финансовые кризисы не просто участились, они стали причиной политических кризисов в отдельных странах (Индонезия — 1997, Россия — 1998, Бразилия — 1999, Аргентина — 2001, Греция — 2009) а также всеобщих экономических и социальных кризисов в 1998 и 2008 годах. На рубеже первого и второго десятилетий XXI века кризис становится главным фактором мировой трансформации.

Глобализация, по-видимому, достигла своего предела. Знаком достижения этого предела является кризис развития, охвативший развитые страны в 2007–2008 годах. Его последствия так и не были преодолены крупными эмиссионными вливаниями (три раунда «количественного смягчения» ФРС в США, а также аналогичные вливания ЕЦБ в Европе), они лишь удерживали единую финансовую систему мира от краха. Эволюционно или революционно, но эта система нуждается в глубокой трансформации.

Надо понимать, что трансформируется уже глобализированный мир, и в этом глобальном субстрате образуются сгустки, притягивающие периферийную экомассу тем сильнее, чем больше они становятся. Так вырастают новые субъекты миропорядка, и трансформируется сам миропорядок. Итогом будет формирование региональных, уже в меньшей степени взаимозависимых центров финансовой активности со своими внутренними рынками и особой политической надстройкой.

Происходит формирование полицентрированной социальной суперсистемы. Это объективная тенденция, отражением которой является соответствующая идеологическая доктрина международных отношений, так тяжело реализующаяся на практике. Фактическое доминирование США в международной политике оспаривать абсурдно, но и доминирование — это непрекращающаяся борьба с претендентами, которые готовы объединяться, усиливать свою субъектность, избегая конфронтации с мировым гегемоном и подданнических отношений с ним. Подобные альянсы продвигают идеологию полицентризма, претендуя на свое особое положение в мировом сообществе.

Кризис 2007–2008 годов произвел важнейшие коррективы в идеологии глобального рыночного фундаментализма. Мир увидел вполне прагматичную реакцию американской политической системы на кризис в финансовой сфере своей страны — государство **вмешалось** в ход рыночных процессов. Несмотря на то что нерыночные решения политиков США шли вразрез с идеологией свободного рынка, это вызвало нескрываемое одобрение деловых кругов.

Необходимость новых мер по укрощению стихии глобализма отражают многие источники. Рупор мировой экономики — журнал *The Financial Times*, осмысляя мировой кризис, высказался за то, чтобы финансовые

операции подлежали строгому регулированию. Регулирование финансов стоит на повестке дня международной политики. В связи с кризисом пришло понимание того, что финансовый либерализм — пережиток прошлого. Сегодня даже некоторые известные западные интеллектуалы называют рынок угрозой существованию современного миропорядка. Можно понять страхи благополучной части человечества, перед которой встает уже не «призрак коммунизма», а вполне зримые очертания падения собственного благосостояния.

В качестве естественной реакции правительств многих стран на рецессию 2008–2009 годов можно было наблюдать рост протекционизма и интеграционной регионализации. Наряду с традиционными макрорегионами (североамериканским, европейским, тихоокеанским, азиатским), принимают явные очертания новые региональные объединения: латиноамериканское, аравийское, евразийское.

Сегодня актуально то, что национальную адаптивность — способность оперативно реагировать на изменяющиеся внешние условия конъюнктуры рынка — усиливает именно региональная экономическая гибкость. Это обстоятельство делает неизбежными отступления от глобализации, но уже не назад — к состоянию обособленных государств, в исторически пройденный этап, а к еще сравнительно новому типу политико-экономической формы — к регионализации.

2. Глобализация и регионализация

Глобальный проект рубежа XX–XXI веков испытывает кризис, но объективно потребность в нем велика. Общая в масштабах всего человечества основа для решения жизненно важных вопросов так и не создана. При всем могуществе международных институтов и организаций продолжают идти кровопролитные межнациональные войны, непобежденными остаются терроризм и наркобизнес, голод и истощение почв, несущие угрозы всему человечеству. Объединение усилий государств и народов необходимо, чтобы не допустить ни «конца истории» (Френсис Фукуяма), ни «столкновения цивилизаций» (Самюэль Хантингтон).

Идиома «конца истории» была нужна, чтобы в общечеловеческом масштабе показать победу либеральной модели развития. Могут быть и другие, но успех за этой — единственно верной — линией развития. Доказать это, может, и не удалось, зато сама идея завершенности исторического процесса отразила такое состояние общества, при котором оно в состоянии создать то, что не может использовать — глобальный социум, ядерную бомбу. Польза данной идиомы в том, что она толкает к поиску новых идей и методов в мировой политико-экономической архитектуре.

Есть определенная полезность и в идиоме «столкновение цивилизаций» — ее образность помогает воспринимать негативный сценарий развития неуправляемых процессов в мире как вполне вероятный, что могло бы способствовать движению от эгоизма к компромиссу в международном сотрудничестве. Плохо то, что эта прогностическая концепция используется на Западе в качестве пророчества. Вера в неизбежность такого сценария толкает политиков на обострение межцивилизационного конфликта. Не очень подходит для

описания глобальных процессов и термин «цивилизационный разлом» (Никита Моисеев), поскольку для осуществления «разлома» нечто должно быть изначально цельным, а совокупность цивилизаций таким «целым» никогда не была.

Категория «разлома» больше соответствует политико-экономической ситуации постсоветского периода. По-своему прав был Владимир Путин, охарактеризовав распад СССР как крупнейшую геополитическую катастрофу XX века. Эта катастрофа сравнима с расколом единого континента на ряд островов — стихийное явление, ни предсказать которое, ни защититься от него оказалось не под силу. Восстановление прежнего «континента» симметричным катаклизмом — идея неумная, однако в социально-политической перспективе установление прочных мостов между островами на евразийском геополитическом пространстве не только возможно, но и практически осуществимо. Другими словами, созидательная сила интегрированного пространства способна придать импульс социально-экономическому развитию евразийских стран.

На практике движущей силой интеграции является политическая воля, выражаемая государственными лидерами заинтересованных стран. Однако сегодня самоценность государственного суверенитета, с одной стороны, попала под натиск объективных тенденций глобальной трансформации, а с другой — под критику адептов глобализма. По мнению глобалистов, отдельные страны должны уменьшать роль государственного вмешательства в экономику для повышения инвестиционной привлекательности своих территорий. Они видят в глобализации благую стимулирующую силу, заставляющую повышать эффективность государственного управления, снимая тем самым препятствия на пути к правильно функционирующему глобальному обществу.

Существует формальная позиция глобалистов, в основе которой утверждение о том, что политической сверхвласти, которая смогла бы навязать суверенным государствам правила игры, нет. Тем более что многостороннее сотрудничество, добровольное соблюдение суверенными государствами международных норм и не потребует такого принуждения. Однако если «побуждение к сотрудничеству» все-таки необходимо, глобалисты предлагают создавать для государств стимулы к соблюдению международных норм и поощрять их движение в правильном направлении. Что же является стимулом и какие стимулы создаются в реальности для «побуждения к сотрудничеству»? Это кредиты, связанные обязательствами структурного реформирования экономики и управления, принуждение санкциями, эмбарго, политическая изоляция, финансирование оппозиционных сил, давление международной общественности (экологическое и т.п.), поддержка дестабилизирующих внутренних сил; не исключены «профилактические» бомбардировки и военное вторжение «во имя мира».

Вмешательство во внутренние дела суверенных государств происходит также под знаменем приоритета «общечеловеческих ценностей», источником которых является Всеобщая декларация прав человека 1948 года. С течением времени справедливая по своей сути концепция прав человека превратилась в один из инструментов давления на государственный суверенитет. Применяется он на основе принципа презумпции виновности суверенного государства перед человеком. И тогда международные организации по защите прав человека, международные рынки, международные финансы встают на защиту человека от его государства, действуя от лица «высшего разума».

При всем желании умалить роль государственной власти в регулировании рынков глобалисты остаются уме-

ренными этатистами — они заинтересованы лишь в одностороннем ослаблении государственной власти. Государство необходимо глобалистам как институт власти, действующий в отношении граждан; однако в интересах корпораций его суверенитет не должен быть прочным, а его институциональная необходимость должна балансировать на грани. Квасисвободный финансовый рынок, поддерживаемый кислородной подушкой государственных резервов, является для финансистов типа Джорджа Сороса курицей, несущей золотые яйца, поэтому они предельно заинтересованы в его сохранении. Глобальные финансы могут быть действительно важным подспорьем для развития национальной экономики, но внешние инвестиционные потоки, становясь кровеносными сосудами национального хозяйства, работают в обе стороны, выкачивая «питательные вещества» — финансы — из хозяйственного организма страны. Помимо этого, инвестиции ставят в зависимость от своего непостоянства стабильность государственных финансов. Каждая страна, согласно Джорджу Соросу, должна прилагать усилия для удержания и привлечения капитала. Это бесспорно, как и то, что привлечение капитала является средством, но не целью.

Поддерживаемые государствами свободные рынки не являются для глобалиста вершиной свободы. Цель глобализма — глобальное общество, лишенное каких-либо государственных границ. Но одного свободного рынка в качестве регулятора в глобальном обществе недостаточно, поскольку свободный рынок не в состоянии обеспечить удовлетворение ключевых общественных потребностей, не способен поддерживать сами же рыночные механизмы, обеспечивать социальную справедливость и личную безопасность. Для осуществления этих рутинных мероприятий необходимо государство, поэтому глобальное общество, отрицая институты, в ко-

торых общественный интерес превалирует над частным, рискует никогда не сформироваться.

Говоря о том, что государства должны отступить перед интересами финансового капитала, финансисты не подразумевают компромиссного по характеру встречного движения. Можно ли ожидать, что финансовые структуры поступятся частью своего суверенитета? Отнюдь: они неизменно сопротивляются государственному регулированию, считая его избыточным. Между тем кризис показал, что убывающая ликвидность финансовых структур является действенным стимулом для признания с их стороны важности государства, и в этом случае именно сила государства, его суверенная финансовая мощь стала восприниматься как единственное спасительное благо для денежной подпитки агентов свободного рынка.

Экономические кризисы в западном мире с начала XX века периодически повторялись и во второй половине века стали угрозой обществу «всеобщего благоденствия». В европейских странах в начале 70-х гг. XX в. это отразилось в перераспределении власти от представительных в пользу исполнительно-распорядительных органов. И когда представители европейских стран критикуют доминирующий характер исполнительной власти в новых независимых государствах, надо бы вспомнить, что это является общим трендом. Под воздействием глобализации повсеместно произошло перераспределение власти в пользу исполнительной ветви, а в ней — в пользу институтов экономического регулирования рынками и финансами.

Экономика усложняется (объективно или нет — другой вопрос), и это оправданно. Ни одно из государств не борется с глобализацией — все пытаются встроиться в нее в той мере, в какой это возможно. Но одно дело встраивать в глобализацию государство и экономические институты, а другое — общество целиком. У современного социального государства есть обязательства выравнивания

социальных условий (например, выплачивать дотации на образование, на обеспечение доступности современных медицинских технологий, препаратов и др.), а также обеспечения безопасности. Это финансово емкие обязательства, что вынуждает молодые развивающиеся государства усиливать регулируемую роль государства в экономике и объясняет феномен доминирования исполнительной ветви власти. При внешнем взгляде многим зарубежным экспертам это представляется произволом и автократией. Но есть ли реальная альтернатива автократии в условиях неравной конкуренции на мировом рынке?

Сегодня судьбоносные для населения многих стран решения все чаще принимаются в руководстве Транснациональных корпораций, которые нередко имеют большую мощь и влияние в сравнении с правительствами иных национальных государств, хотя последние де-факто и представлены в различных мировых организациях от ООН и ЕС до ШОС и «Группы-77»³. В распоряжении ТНК, фактически в частных руках, оказываются огромные трудовые ресурсы, индустрия, интеллектуальные богатства (патенты, технологии), земельная собственность, финансы и т.д., сопоставимые с бюджетами средних стран. И без того условная прозрачность их деятельности все уменьшается, а зависимость общества от частного экономического интереса возрастает.

В результате неолиберальных реформ нередко складывается такая ситуация, при которой принципиальные решения, касающиеся экономической жизни поселений, городов, регионов зачастую принимаются в узком кругу владельцев предприятий, и проблема реализации демократических прав граждан уходит на второй план, поскольку

³ Крупнейшая межгосударственная организация развивающихся стран, действующая в рамках ООН и ее органов.

⁴ <http://www.evrazia.org/article/1192>

субъекты принятия решений никем не избираются, но диктуют условия существования широких слоев населения. Такие тенденции неолиберальной трансформации отводят государству роль органа социальной защиты населения, занимающего в счет налоговых поступлений финансы на рынках для обеспечения своих обязательств и содержащего на эти средства аппарат для оказания социальных услуг.

Либеральные цели достигнуты, но каковы социальные последствия этих реформ, мы можем судить не только по ситуации в Ираке, но и по благополучной, балансирующей на грани дефолта Греции. На примере этой страны мы видим, как беспомощно государство перед внутренними проблемами — долгами международным финансовым корпорациям — и не может существовать без новых и новых заимствований под международные гарантии. Заметно изменился в период кризиса и облик США как безусловно стабильной системы, хотя статус сверхдержавы и не пострадал. Роль кризиса в падении доверия к США много обсуждалась, но само падение доверия сильно преувеличено, поскольку спрос на облигации США, который есть материальное выражение доверия мира к экономической и политической мощи США, в прямом смысле доверие своих денег, не обрушился. А вот Евросоюз несколько утратил стабильность, так как кроме Греции и другие страны — Испания, Португалия, Италия — находятся перед опасностью дефолта из-за растущего государственного долга и существенного для еврозоны превышения бюджетного дефицита.

Это закономерное следствие той экономической системы, основанной на свободном перемещении товаров и капиталов, которая привела к индустриализации регионов мира с низкими издержками производства за счет деиндустриализации других. Приток капиталов в периферийные регионы, воспринимаемый как благо, всего

лишь волна, которая возвращается обратно в мировой океан, смывая с побережья выращенный урожай. Любое производство, зависящее от инвестиций, не защищенное мерами государственного регулирования, будет находиться в перманентном кризисе. Только сильное государство, выравнивая властными методами (законами, налогами, Уголовным кодексом, административными мерами) условия развития субъектов рыночных отношений, может заставить их действовать в общих интересах — в интересах страны и народа, не дожидаясь социальной ответственности бизнеса.

Выдвижение специальных условий для рыночных агентов, осложняющих им конкуренцию с национальными, называют протекционизмом, который неизменно осуждается участниками международного рынка. В понимании лидеров современного мира экономическая глобализация — это равные для всех без исключения экономических агентов условия деятельности во всех странах, но вовсе не равные стартовые условия для тех же агентов и не равные условия для самих стран.

Практически все страны — как развитые, так и развивающиеся — используют протекционистские инструменты в практике государственного регулирования экономики. Особенное внимание при этом уделяется импорту готовой продукции. В связи с мировым финансовым кризисом протекционизм только усилился: так, по данным центра по исследованию экономической политики (CEPR), с ноября 2008 года правительства разных стран введено около 280 протекционистских мер, около половины которых (121 мера) приходится именно на страны «двадцатки», — те, что активнее всех выступают за мировую торговлю без протекционистских барьеров. Стоит заметить, что на апрельском саммите 2009 года G20 было заявлено: «...мы не повторим исторические протекционистские ошибки прошлых эпох».

Как видно, это заявление пока не стало нормой, более того, правительствами этих стран планируются новые акции аналогичного характера: 134 протекционистские меры, по данным CEPR⁵.

Чтобы сохранить государственный контроль над внешнеэкономической деятельностью и при этом не нарушать существующие международные договоры о либерализации мировой торговли, правительства идут на скрытое госрегулирование. Защищая свои экономические интересы, государства стимулируют экспорт, всемерно увеличивают собственное участие в межгосударственных кредитных операциях, используют форму частно-государственных займов. А островные государства Великобритании и Япония участвуют почти в тридцати процентах предоставляемых на экспорт кредитов.

Нередким явлением становится давление западных держав на хозяйственную деятельность в других странах. Различные ведомства оказывают нажим на руководство стран-партнеров, с тем чтобы ликвидировать преграды для экспансии транснациональных корпораций, добиваясь изменений в их пользу в таможенной, валютной политике. Активизация политики в сфере госрегулирования внешнеэкономической деятельности очевидна, ее усиление вызвано интернационализацией движения капитала, интеграцией экономических связей и необходимостью защитных мер от иностранной конкуренции. Самодостаточность ни теоретически (у Фридриха Листа), ни практически не предполагает изоляционизма: можно построить мощную экономику, не прибегая к изоляции от необходимых товаров иностранного производства.

Глобализация, а именно сопутствующие ей кризисы, только рельефнее проявила и еще ярче высветила

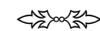
⁵ Европейский центр экономических исследований CEPR (The Centre for Economic Policy Research) <http://www.cepr.org/>

необходимость региональной интеграции. Глобальная экономика не возникла «из ниоткуда», мировой рынок — продукт человеческой воли, изобретенный обществом необузданного потребления. Его кризисы пока удается преодолевать, растрачивая на это накопленные ранее ресурсы и сдерживая прогресс развивающихся стран. Вместе с тем, сопоставляя объемы информации, можно увидеть, что стихия рукотворного кризиса пугает человечество гораздо сильнее, чем природная стихия.

Создание защиты от негативных явлений глобализации и принятие соответствующих коллективных мер называют регионализацией мирового экономического пространства. Является ли регионализация реакцией на глобальный рынок? В какой-то мере этот тренд можно расценивать как попытку заключить стихию глобализации в приемлемые, управляемые формы. В странах, где есть потенциал образования и науки, индустрия, образуются также и предпосылки для технологической независимости, для чего формируются фонды накопления. К таким странам относят Россию, Китай, Бразилию, Индию, Иран, Казахстан и ряд других.

В мире начинают конкурировать не отдельные страны, а большие региональные группы, совместно обеспечивающие свой экономический рост и укрепление политического значения. Вашингтон, согласно его заявлениям, не против интеграции, но только в той степени, в которой эта интеграция суверенных государств служит свободному рынку. Позиция институтов глобального рынка и его основных игроков солидарна с Вашингтоном, и это понятно, ведь свободный рынок регулируется финансовыми институтами, в которых США имеет преимущественное влияние. Свободный рынок скреплен валютой США, а посреднические сделки на свободном рынке контролируются англо-американскими фирмами. Поэтому всякая угроза свободному сынку — это вызов системе

глобального доминирования США. Самостоятельных стран, способных уравновесить это доминирование, в мире нет, но геоэкономическое противостояние не исчезает, а переходит на более высокий уровень — с уровня отдельных стран на уровень региональный. Это реальное продвижение к многополярному миру, о котором многие говорили как об альтернативном мироустройстве. И хотя эта альтернатива еще не раскрылась в полной мере, можно утверждать, что региональная интеграция приобретает черты общемировой тенденции.

3. Интеграция и ее преимущества

Термины «интеграция» и «дифференциация» появились в науке в 1862 году в работе английского философа Герберта Спенсера «Основные начала». Он впервые обосновал двусторонний процесс дифференциации и интеграции как сущность эволюции и прогресса, понимая прогресс как увеличение разнообразия. Названные факторы, по его представлениям, одинаково проявляются во всех видах эволюции. При анализе общественных процессов дифференциация и интеграция проявляются в рассредоточении и сосредоточении элементов социальных систем. Значение этой теории в том, что она является концептуальной основой описания исторического процесса в системных терминах интеграции и дифференциации, дополняя формационный и цивилизационный подходы.

Применительно к обществу эти идеи были восприняты и развиты европейской наукой XIX–XX веков, правда, изначально в научной среде укрепилась традиция

отождествлять общественный прогресс с дифференциацией. Подобной точки зрения придерживался историк и культуролог Арнольд Тойнби: «Цивилизации развиваются благодаря порыву, который влечет их от вызова через ответ дальнейшему вызову: от дифференциации к интеграции и снова к дифференциации».

Однако критика теории Тойнби показала, что отождествление прогресса с дифференциацией неверно. Корректируя эволюционную доктрину, американский социолог Толкотт Парсонс разработал новую схему социальной эволюции, трактующую прогресс как единство четырех процессов: дифференциации, интеграции, адаптации и генерализации ценностей, которые взаимодействуют друг с другом, обуславливая «прогрессивную» эволюцию общества как системы.

Каждая теория вырабатывает свой понятийный язык, термины которого нередко выходят в более широкую общественную дискуссию и приобретают многозначность. Термин *интеграция* также можно толковать двояко. *Integration* происходит от латинского корня *integer* — «целый», что значит «объединение в целое каких-либо частей, элементов». Усложнение и усовершенствование объекта связано с дифференциацией лишь опосредованно, так как означает «производство частей». Интеграция же напрямую связана с этими процессами, ведь интеграция — создание, или «производство» целого. Поскольку целое больше, чем сумма своих частей, постольку и процесс формирования целого из частей, называемый интеграцией, и есть адекватное отражение эволюционного развития как прогрессивное изменение общества, его развитие. И сегодня именно интеграция становится общепризнанной ценностью развития. Различные части мира тянутся друг к другу, но не с тем, чтобы стать единым, а стремясь приобрести общее.

При переводе на русский с английского («*integration*» — «соединение») и французского («*intégration*» — «включение») значение термина «интеграция» передается в двух смыслах, которые важны для понимания интеграции как процесса: если «английский» смысл указывает на процесс *формирования* новой целостности из разрозненных частей, то «французский» указывает на процесс *включения* новых элементов.

Оба смысла можно подчинить идее последовательного формирования интеграционной модели: в начале интеграционного процесса формируется ядро из элементов (людей, групп, сообществ и т. п.), имеющих сходную мотивационную основу, а затем ядро становится субъектом притяжения однородных элементов из своей периферии. Они включаются в интеграцию, и таким образом возникает сложная система содружества нескольких государств.

Взаимосвязь процессов интеграции и дифференциации исторична: при распаде целого его составляющие принимают участие в интеграции другого целого, поэтому нужно рассматривать процессы интеграции и дифференциации как действие разнонаправленных сил. Их вектор обуславливает возникновение, развитие и разрушение всевозможных форм существования.

Вполне очевидно, что интеграция — это *интерактивный* процесс, то есть взаимозависимость групп и коллективов, составляющих вместе с их коммуникацией системную основу общества как целого. Межгосударственная интеграция осуществляется в интенсивном договорном процессе и требует создания соответствующих институтов для дальнейшего функционирования интегрированного межгосударственного объединения. Создание таких постоянно действующих институтов, обеспечивающих трансграничное взаимодействие обществ по линиям экономики, политики, культуры, уже

является эмпирическим свидетельством интегративного процесса.

«Институциональная дифференциация» интегрированных государств в политическом аспекте обоснована их государственным суверенитетом и опирается на собственные независимые политические институты. В экономической сфере она базируется на *автаркии* национального хозяйства, охрана независимости которого является прерогативой государственного аппарата. Развитие по пути дифференциации этого состояния общества можно представить лишь в виде увеличения количества суверенных государств за счет дробления существующих.

В свою очередь, параллельный процесс, определяемый как «процесс *институциональной интеграции*», отражает тяготение политических институтов уже интегрированных или еще только сближающихся стран к более интенсивным формам сотрудничества на основе близости территорий, схожести политических систем и внешне обусловленной необходимости сближения в экономической сфере. В этом случае процесс развития интегрирующегося сообщества государств ведет к укреплению политических, экономических и культурных связей.

Межгосударственные интеграционные процессы протекают не только в Западной Европе, но именно ее успешный опыт позволяет фиксировать трансформацию социальной практики и основ национального мировоззрения, представлений об основах государственного устройства, политических и экономических ценностях.

Европа состоит из национальных государств. Нация и в XXI веке остается основным субъектом мировой политики, несмотря на предрекаемый столетие назад Освальдом Шпенглером «конец национальных государств Европы». Поскольку понятие нации имеет европейское

происхождение, постольку национально-государственная дифференцированность и национально-индивидуальная дистанцированность — естественное состояние западноевропейского общества.

Отдельный человек по отношению к «миру» является представителем нации, и национальность — естественный уровень его идентичности. Однако, являясь мерой разделения, национальная принадлежность в то же время служит жизненной ориентации человека в мире. Этимологически «этнос» (древнегреч.) и «нация» (лат.) — два значения одного слова — «народ»; в более широком смысле — это обозначение форм общности людей. Термин «нация» используется ООН в значении «государственная общность», а согласно Конституции Российской Федерации, государственная общность — это народ. Выдающийся ученый, энциклопедист, исследователь Евразии Лев Гумилев считал, что этнос следует понимать как общность, которой присущ стереотип поведения индивида и коллектива, выделяющего себя среди прочих: «Каждый человек должен вести себя каким-то образом, и именно характер поведения определяет его этническую принадлежность». Этничность «присваивается» индивиду независимо от его самоопределения — это комплекс поведенческих характеристик той среды, в которой человек сформировался. Национальность человека предопределена его принадлежностью к исторически сложившейся государственной общности, она может и не восприниматься в качестве врожденного человеческого свойства.

Среди других маркеров идентичности значимыми являются религия, корпорация, социальный слой. У каждого признака есть определенная среда общения, в которой формируется особая идентичность. Религиозная идентичность определяется вероисповеданием и принадлежностью к общине единоверцев. Разновидность

идентификации по социальному признаку определяет место человека в иерархии возможностей в системе разделения труда. Корпоративная идентичность формируется в результате профессионализации.

Таким образом, наиболее значимой из перечисленных видов идентичности оказывается национальная идентичность, поскольку формирующие ее государственные институты являются определяющими в экономическом и политическом плане.

Оценивая национализм в Западной Европе, эксперты считают, что на данное время вследствие укрепления взаимоотношений между странами во многих сферах, включая политическую, экономическую, военную, социальную и культурную, острота его проявлений снижается, а вот политическая толерантность населения Европы возрастает. После трех войн и стойкого антагонизма между континентальными оппонентами — Францией и Германией — возник поворотный момент в европейской истории: большинство немцев испытывают доверие к французам и наоборот; более того, они отдают предпочтение друг другу перед остальными странами.

По окончании Второй мировой войны все ведущие западноевропейские страны оказались экономически связанными с США и противопоставленными Советскому Союзу. Общественное сознание западной Европы отражало противостояние мировых держав, в котором Европа оказалась срединным полем.

Можно ли считать европейскую идентичность реальной? Сами европейцы отвечают утвердительно. В опросах общественного мнения, проводимого «Евробарометром», европейская идентичность колеблется в пределах около 60%, а соотношение европейского и национального самосознания оценивается как примерно равное, то есть европейская идентичность не только не отменяет национальные идентичности входящих в Европейский

Союз народов, а скорее надстраивается над ними, образуя идентичность общей судьбы в рамках единой Европы.

Идею «европейца» как особого характера, а не просто «человека из Европы» пропагандировал еще Фридрих Ницше. Он считал, что не интерес народов, как обыкновенно говорится, а прежде всего интерес правящих династий или определенных классов ведет к национализму. Кто раз постиг это, тот должен безбоязненно выдавать себя за «доброевропейца» и активно содействовать слиянию наций. Действительность, как он полагал, вынуждает человека смириться с этим процессом.

Торговля и промышленность, общение через письма и книги, общность всей высшей культуры, а также теперешняя кочевая жизнь всех как возможность быстрой перемены места проживания — дома, села, города — ведут за собой ослабление и, в конце концов, уничтожение наций, по крайней мере европейских. В результате непрерывных скрещиваний из них должна возникнуть, по мнению Ницше, смешанная раса — раса европейского человека.

Для рубежа веков представления Ницше были диссидентскими, ведь очевидно было другое: «В самой Европе скрыты самые противоположные начала, самые враждебные стихии, самые взаимоисключающие духовные типы. <...> То, что называется европейской или интернациональной цивилизацией, есть, в сущности, фантом», — писал в 1918 году Николай Бердяев, который видел прогресс только в совершенствовании национальной идентичности. И хотя актуальная оценка Бердяева была верна, Ницше оказался прав в отношении недалекого будущего Европы.

Важным опытом Европы было переосмысление доминанты национального суверенитета. В Европе немало суверенитетов средних и мелких по масштабам середины XX века. Устой суверенитета подтачивались тем,

что традиционные рамки государства не могли обеспечить потребности роста и углубления разделения труда — они были слишком малы для того, чтобы развернуть масштабное производство по всем отраслям, и имели недостаток для этих масштабов потребительский рынок.

Большую роль в дискредитации национального суверенитета сыграли европейские интеллектуалы. Основатель Римского клуба Аурелио Печчеи, например, открыто утверждал, что в нашу эпоху национальный суверенитет равносителен массовому самоубийству, что вызывает и обретает реальные черты идея необходимости отказа от принципа суверенности национального государства и т.п. Варианты создания единой Европы возникали еще в начале прошлого века. Это проект Пан-Европы, зародившийся в среде интеллектуалов в 1926 году, а также проект Соединенных Штатов Европы, который выдвигало Министерство иностранных дел Германии в 1943 году.

На почве развития интеграционных процессов со второй половины XX века в странах Европы наблюдается трансформация представлений о государственном суверенитете. Это проявляется в корректировке правовых основ, в результате чего межгосударственные отношения неуклонно трансформируются во внутригосударственные. Установившаяся правовая система, при которой наднациональный орган судебной власти — Суд ЕС — наделен полномочиями налагать санкции против государств, нарушающих договорные обязательства (как указано в тексте Договора об учреждении Европейского экономического сообщества), свидетельствует о реальном уравнении все государства Евросоюза перед общими нормами.

Право Евросоюза имеет приоритет над правом любого из государств-членов. Его нормы не только превосходят по своей юридической силе нормы ранее принятых национальных законов, но и оказывают ограничивающее

применение на законы, принятые после вступления в силу учредительных договоров. Применение этого принципа распространяется также на взаимоотношения между правом Евросоюза и национальным конституционным правом.

С юридической точки зрения государство-участник Евросоюза по отношению к ЕС является коллективной личностью. Функционирование «государств-личностей» в такой правовой системе ведет их к утрате монополии на власть, что открывает широкие возможности общественного регулирования и самоорганизации, а это уже заявка на новое качество общества, в котором государство — равный среди других коллективных субъектов.

Однако интеграция не вводит единых правовых порядков: ЕС учитывает особенности исторического развития входящих в него стран. К примеру, во Франции второе поколение иммигрантов автоматически получает гражданство, а в Германии не только второе, но и третье поколение иммигрантов таких прав не имеет. Франция — классический пример действия *jus soli* — «закона почвы», по которому сам факт рождения на территории какой-то страны делает человека ее гражданином. Германия же придерживается прямо противоположного принципа — *jus sanguinis* — «закона крови»: только потомки граждан обладают безусловным правом на гражданство, независимо от того, живут они в стране или нет.

И во Франции, и в Германии возможна натурализация, но в Германии ее масштаб во много раз меньше. И причина здесь не экономическая — ведь фактически все живущие в стране пользуются системой социального обеспечения. Гражданство помимо чисто практических проявлений в виде политической и экономической обусловленности имеет и символическое значение, питаемое исторической традицией. В этом смысле законодательство о гражданстве Европейского союза есть шаг к переосмыслению

концепции нации-государства и эволюция в сторону поликультурной гражданской идентичности.

Наиболее действенным интегративным мотивом на примере ЕС является расширение экономического сотрудничества. Для большинства стран Западной Европы около 50% их валового национального дохода приходилось на внешнюю торговлю, большая часть которой замыкалась на самой Западной Европе. Такая ориентация экономик породила наднациональный рынок, подрывавший устаревший протекционизм и экономический изоляционизм.

Осуществление проекта большой Европы, материализация ее идеи в виде надстроенных над государствами институтов показало, каким образом этнонационализм может быть уравновешен интегративными ценностными и целевыми установками. Реальная ликвидация «внутренних» границ в Западной Европе соответствовала ментальному преодолению сознания, ограниченного интересами узкого национально-государственного суверенитета.

Все более распространенным становилось мнение о том, что подлинную независимость страны, высокий уровень ее благосостояния может обеспечить лишь высокая степень интегрированности национальной экономики в мировое хозяйство. Таким образом, задача поддержания независимого положения собственной экономики отступала перед другой задачей — поддержания взаимодействия экономик стран Евросоюза, в результате чего экономический рост из следствия развития экономики трансформировалась в ее цель.

Компромиссным вариантом в дилемме между необходимостью мировой интеграции и сохранением экономической независимости для стран западной Европы стала региональная интеграция. Масштабы интеграции потребовали создания специальных наднациональных

институтов, которые, исходя из собственных функций, являются фактором, ограничивающим управление экономическими аспектами общества со стороны органов власти в пользу регулирования.

Международная экономическая интеграция стала пониматься как расширение поля деятельности национальных экономик в общем рынке, что предопределило территориальную, экономическую и технологическую близость стран-участниц этой международной интеграции. Наднациональный характер принятия решений в практике ЕС не мог ограничиться экономическим прагматизмом. Удачным образом он стал дополнять политическую сферу, не исключая и ее национальных политических устремлений.

Политические предпосылки интеграции Европы были драматичны. Как писал Фридрих Ницше, увековечение маленьких государств Европы, маленькой политики в конце XIX века лишили саму Европу ее смысла, ее разума — они завели ее в тупик. Пройдя две мировые войны, Европа осознала себя целостным организмом, рационально преодолевая трехсотлетнюю разобщенность.

Поэтому изначально в фундамент политической организации ЕС закладывалось сочетание частных особенностей каждой из стран, принципов демократизма, политической гибкости. Так, некоторые члены союза не участвуют в общих программах, одобренных большинством, и это не влечет санкций или негативных оценок. До настоящего времени в Европе не наблюдается становления строгой формы общей государственности. В ЕС действует правило, которое обеспечило политический успех интеграции: вместо того чтобы в один момент полностью отказаться от суверенитета, можно для начала отбросить догму его неделимости.

Принципы и практика построения диалога в Европейском союзе, где распространено правило поступаться

общими интересами ради частных, позволяют судить об определенных результатах переплетения элементов внешней и внутренней политики. Отрицание принципа «интеграция во что бы то ни стало» отражает понимание политического партнерства не как средства, а как цели, что дает богатый материал для осмысления современной политики в духе «категорического императива» Иммануила Канта.

О таком нравственном принципе, как категорический императив (формальное внутреннее повеление), Кант писал, чтобы показать преимущественное его отличие от условного императива — привычки поступать так, как велят условия. «Поступай так, — пишет он в «Критике практического разума», — чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству». Хотя это и трактуется специалистами как формализация морального принципа, однако современному политическому процессу недостает именно такого рода формализованной цельности, которую в настоящем подменяет сиюминутный всепронизывающий практицизм. И если условный императив показывает себя эффективным принципом в традиционной межгосударственной политике, то в интеграционных отношениях преимущественная эффективность принадлежит принципу категорического императива.

4. Пространство евразийской интеграции в контексте мировых тенденций

На постсоветском пространстве в начале 90-х годов развернулась широкая суверенизация. В науке политическое обособление территории — становление суверенитета — означает приобретение политической субъектности. Это значит, что территория с проживающим на ней народом из объекта внешнего воздействия трансформируется в субъект равноправного взаимодействия на международной арене. Субъект международных отношений обладает суверенным правом, и государство призвано упорядочивать взаимосвязи, которые находятся за пределами законов природы и придать новые смыслы новым социальным отношениям в обществе.

После распада СССР была реализована наиболее актуальная потребность, ощущавшаяся в политических отношениях страны в 80-е годы. Национально-территориальные образования СССР — союзные республики — тяготились чрезмерной опекой центра. В итоге самороспуска Союза каждая из союзных элит приобрела высший уровень политической, экономической и юридической самостоятельности.

Процесс суверенизации — исторически оправданное явление. Национально-территориальные образования должны были пройти этап государственного строительства, чтобы приобрести собственный опыт управления и распоряжения своими ресурсами, обрести уверенность в собственных силах и оценить свои возможности. И хотя становление нового демократического государства сталкивалось со множеством трудностей, еще ни одна из самостоятельных стран не отказывалась от своего суверенитета добровольно.

Только на исторически последующем этапе — от становления к развитию, — как показала практика Евросоюза, становится востребованной межгосударственная интеграция. Поэтому процессы интеграции постсоветского пространства имеют собственную логику, но в целом развиваются в русле общемировых тенденций.

Образы «тоталитарной коммунистической империи», «тюрьмы народов», «сталинизма», «ГУЛАГа», «диктатуры КПСС», связанные с недавней историей, сыграли роль атрибутов той политической альтернативы, от которой страны бывшего Союза желали отмежеваться. Спасение виделось в национально-государственном суверенитете, который подобно карантину гарантировал бы защиту от проникновения «советской инфекции».

Контакты с ближайшими соседями по бывшему Союзу, ставшими независимыми государствами, резко сокращались. И хотя уже через несколько лет стало ясно, что от разрыва связей страны теряют больше, чем приобретают, инерция распада действовала еще десяток лет, так что люди стали осваиваться в новом укладе жизни.

Каждому новому государству потребовалось время, чтобы оформить свои институты, доказать свою состоятельность как действующего субъекта. Каждая из стран сделала выбор в пользу развития определенных направлений хозяйства и внешнего сотрудничества, каждая обнаружила свои сильные и слабые стороны, определился круг политико-экономических субъектов, с которыми можно развивать доверительные и серьезные стратегические отношения.

К следующему этапу интеграции могут подойти только страны, состоявшиеся как современные государства и имеющие перспективу пройти за короткое время трехсотлетний путь европейской интеграции.

В вопросе интеграции наиболее болезненно воспринимается сам предмет интегрирования, те государственные

функции, которые поднимаются на надгосударственный уровень. При этом речь идет не об отказе от суверенитета, а о необходимости создания нового институционального инструмента экономического регулирования. Частичное делегирование управленческих полномочий специальным институтам может происходить только совместно и взаимно.

Утверждать о том, что евразийское пространство может процветать в своем, ныне раздробленном состоянии, могут только некомпетентные люди. Экономико-культурная самоизоляция — это совершенно неадекватный ответ на вызов глобализации. Но и втягивание в мировую рыночную систему в одиночку при несопоставимости «весовых категорий» — заведомо проигрышная позиция. Для стран СНГ как соседей по Евразийскому пространству региональная интеграция является оптимальным решением. Это достойный и прагматичный компромисс между архаичной самоизоляцией и разрушительной универсализацией.

В качестве геополитического термина Евразия и сейчас воспринимается довольно свежо и имеет континентальное звучание, более пафосное, чем, например, Центральная Азия. Изначально в евразийство вкладывали смысл объединения под общим началом Европы и Азии, разделенных условно географически. Само слово «Евразия» содержит в себе указание на синтез двух разнородных культурно-исторических, цивилизационных типов: европейского и азиатского. Страны в Евразии связаны определенной культурной, лингвистической и исторической общностью. Почти все страны Центральной Азии относят себя к тюркской культуре, в регионе преобладает общий для большинства населяющих его народов тип суннитского ислама, большинство населения в той или иной степени владеет русским языком.

В истории стран региона достаточно много общего. Открываются новые подтверждения многовекового взаимодополнения и взаимопроникновения культур на евразийском пространстве. На это указывал, в частности, выдающийся казахский поэт и лингвист Олжас Сулейменов, обнаружив в древнерусском эпическом памятнике «Слово о полку Игореве» следы тюркского языка. Эта находка в свое время вызвала резкий общественный резонанс, показав, что эмоционально народы Евразии более чувствительны к историческому опыту взаимодействия, чем народы Западной Европы. Историческая память народов Евразии имеет большую длительность и глубину в сравнении с исторической памятью народов Европы. Поэтому история народов Евразии может быть громадным источником вдохновения, потенциальным для общей культуры, в отличие от Европы, в которой предпосылкой для дальнейшего продвижения интеграции должно быть принудительное забвение прошлого, переполненного взаимными претензиями и войнами на уничтожение.

Общая история народов Евразии не устраняет историчности каждого из них. Опасность исторических стереотипов, таких как восстановление империй прошлого, состоит в том, что, будучи в чем-то справедливыми, они призывают не к добру, но, в конечном счете, к имперскому злу. Поэтому необходимо освободиться от предвзятости и приложить усилия для преодоления сложившихся стереотипов взаимного неприятия.

В современном историческом мышлении есть все условия для того, чтобы понимать историю Евразии не как замену историям народов, а как их дополнение, как историю связей — их общую историю. Создавать Евразию нового века, творить ее будущее возможно только с новым пространственным мышлением, в котором конфликтность, ушедшая в прошлое, не должна отравлять будущее.

Генезис политического самосознания Евразии осуществлялся в тесной взаимосвязи с европейским миром. Советский Союз стал тем большим домом, где азиатские и европейские этносы на равных открывались миру, представляя ему свою уникальность и получая возможность использовать в своей жизни культурные, научные и технологические достижения мирового уровня. В глухой периферии появились мощнейшие промышленные объекты, получили развитие города, были открыты крупные месторождения полезных ископаемых. Светское образование было доступно каждому, а с ним — возможность открывать для себя мир и открываться миру, это великое достижение народов, входивших в состав Советского Союза.

Двух десятилетий суверенитета, пожалуй, достаточно, чтобы понять, что для движения в будущее необходимо прагматично оценить сущность и перспективы отношений между странами бывшего СССР, отбросив застарелые комплексы. Процесс формирования национальных экономических систем объективен и носит необратимый характер. Поскольку на постсоветском пространстве формируются различные типы национальных экономических моделей, и каждая из стран конструирует свою систему экономических отношений, любые попытки реальной интеграции, требующей делегирования определенных полномочий во внешние институты, зачастую воспринимаются негативно и рассматриваются как ограничение суверенитета.

Экономическое развитие Беларуси и Узбекистана не только сильно отличается от развития России и Казахстана, но и обладает значительными особенностями. Не просто строятся малые (в сравнении с другими государствами) экономики Молдовы, Таджикистана и Кыргызстана. А различие в экономическом развитии и незавершенный процесс становления национальных экономик замедляет принятие общих для всех стран СНГ

экономических решений. Ведь в отдельно взятом государстве существует свой взгляд на дальнейшее развитие экономики и рост благосостояния народа каждой страны.

Новый этап развития обществ на постсоветской территории сопряжен с преодолением постсоветских комплексов роста. За десятилетия самостоятельности, уже в новых условиях, в суверенных странах, в стремительно меняющемся мире выросло новое поколение, которому не только непонятны, но и просто неизвестны безнадежно устаревшие даже для старших поколений советские и постсоветские реалии. Сам термин «постсоветское» придает всему, что с ним связано, оттенок вторичности. Понятие «пространство СНГ» весьма зыбко, как и само содружество независимых государств. В этом смысле «Евразийское пространство» — более удачный концепт, поскольку содержательно описывает становящиеся реалии современного мира.

Евразийское взаимодействие — это не только проект, это уже развивающаяся система взаимных отношений стран, которые понимают значение интеграционных факторов в современном глобальном мире. Усиление экономических взаимоотношений между Россией, Беларусью и Казахстаном в рамках создаваемого союза имеет исключительно важную перспективу. Это видно и по тому, какую притягательную силу обрела евразийская идея за пределами новых независимых государств. Глава МИД Турции Ахмед Давудоглу, представляя свой альтернативный проект евразийской интеграции, заявил, что Евразия может стать движущей силой мировой экономики, и призвал к развитию и укреплению политических и экономических связей между странами Евразии, особенно в части создания сетей железнодорожного, сухопутного и морского сообщения⁶.

⁶ Турция предлагает создать Евразийский союз 05.02.2010 // <http://1news.az/region/Turkey/20100205103440643.html>

Как будет идти развитие общества в сложном ребусе глобализации-интеграции, не совсем ясно, ведь все известные модели развития, строго говоря, опробованы и исчерпаны. Опыт, условия, следствия — все это известно и пройдено. Нужно либо сделать свой выбор, либо подчиниться выбору, следуя в русле сильных глобальных игровых.

Если для США желанный статус единственной мировой сверхдержавы достигнут и уже начинает играть против их международного имиджа, какова в дальнейшем стратегия развития мирового гегемона? Если для Европы последней четверти XX века горизонт был определен, то во втором десятилетии XXI века надвинулся штормовой фронт. Что делать дальше, чтобы быть развивающейся Европой? Европеизировать, а по факту вбирать в себя Турцию, Северную Африку, или, наоборот, пересматривать политику открытости, мультикультурализма, о провале которой уже высказались европейские политики высшего звена? Все оглядываются на страны мирового авангарда, но ничего внятного в их стратегии развития не просматривается.

На евразийском пространстве для стран с общей историей и еще не забытым опытом колоссального созидательного прорыва в XX веке идея единения обладает стратегическим потенциалом. Она обширна по горизонтам возможностей, мощна по размаху деятельности, она межконтинентальна. Именно такая идея, в конце концов, способна будить воображение, рождать в умах молодого поколения нетривиальные проекты нового будущего. Поэтому сопоставимой по потенциалу развития альтернативы интеграционному пути сотрудничества стран СНГ и их последовательного вовлечения в процесс евразийской интеграции в среднесрочной и долгосрочной перспективе нет.

Игнорирование возможностей хозяйственной кооперации евразийского регионального масштаба ведет

к росту производственных издержек и потере конкурентоспособности национальной индустрии. Уже сейчас ясно, что в стратегическом экономическом партнерстве такие страны, как Россия, Казахстан, Беларусь, Украина, Кыргызстан, Туркменистан, Таджикистан и другие, могут рассчитывать только друг на друга, поскольку для европейских и азиатских партнеров они представляют лишь сырьевой интерес. По инвестиционной привлекательности страны Евразийского пространства также уступают другим странам, в том числе из-за объема рынка. Но уже ЕврАзЭС в его нынешнем составе образует рынок в четверть миллиарда потребителей, тогда как порознь возможности стран гораздо скромнее.

Перспективность создания общего рынка объясняется еще и тем, что мировые товарные рынки уже поделены, и на них можно выйти либо с уникальным предложением, либо с предложением конкурентным, то есть предложить более низкую цену. Но конкурировать в ценовом плане с Китаем на внешних рынках довольно сложно. Вместе с тем создание общего внутреннего рынка Евразийского пространства в виде Таможенного союза России, Казахстана и Беларуси обещает конкурентные преимущества, приемлемые для включения в орбиту союза и других стран — соседей по СНГ.

Важнейший фактор, обуславливающий связанность участников ЕврАзЭС, — это природопользование, которое невозможно осуществлять, не затрагивая интересы соседних стран, не думая о сохранении этих ресурсов для будущих поколений. Особо остро в центральной Азии стоит проблема водных ресурсов, жизненно необходимых в условиях дефицита пресной воды.

В сфере международной политики это в основном касается сотрудничества в сфере обеспечения региональной безопасности от угроз нового типа: терроризма, радикализма, наркоторговли, распространения

ядерного оружия, — здесь страны Евразийского пространства продвинулись дальше всего. Деятельность Шанхайской организации сотрудничества, Организации договора о коллективной безопасности, проведение совместных учений дают хороший пример успешного сотрудничества.

В целом восстановление связей, которые уже были наработаны десятилетиями, гораздо легче и экономически выгоднее, чем выстраивание их с новыми партнерами. В освоении языка выгоды евразийские соседи находятся примерно на одном уровне, тогда как искушенные в этом языке партнеры из других стран явно требуют более осторожного отношения. Ключевым фактором здесь является то, что взаимное доверие во многом сохранено, а если в чем-то утрачено, то благодаря исторической памяти может быть быстро восстановлено при активной и продуманной информационной политике.

Интеграция евразийского пространства основана на прочном экономическом фундаменте. Промышленная кооперация, координация ресурсной политики, общий рынок — прямые источники благосостояния для народов ЕврАзЭС, в точности как у классика: труд, земля и капитал (Адам Смит).

Если преимущества евразийской интеграции столь очевидны и для развития рынков, и для повышения устойчивости государств, и для простого человека, то каковы же причины, препятствующие осуществлению выгодного всем процесса? Этот сложный, неоднозначный вопрос желательно поставить в другой плоскости: что необходимо устранить в процессе интеграции, а что приобрести?

Сегодня можно утверждать, что среди государств-партнеров уже реализующаяся идея организации Евразийского пространства находит понимание в тех областях сотрудничества, где прагматизм торжествует над догматизмом:

- ❖ устраняются таможенные барьеры, что означает осознание преимущества реальных экономических выгод, полученных от свободной торговли, над выгодами от сбора таможенных пошлин;
- ❖ открываются границы, а это значит ожидание большей пользы от свободного перемещения людей, товаров, капиталов, чем от защитных механизмов;
- ❖ создаются общие наднациональные органы управления, решения которых обязательны для исполнения в странах-участниках договора, а это показывает высокий уровень взаимного доверия; эффективное сотрудничество есть знак того, что наднациональные органы не будут принимать решения, наносящие вред учредившим их странам;
- ❖ делегируются важные полномочия наднациональным органам, а это означает, что власть чувствует уверенность и поддержку народа; свидетельствует о том, что суверенные государственные системы сложились и рассматриваются не только в качестве абсолютной и неприкосновенной ценности, а служат эффективным средством решения проблем развития общества;
- ❖ объединяются вооруженные силы, что означает доверие коллективным оборонительным силам самого ценного — безопасности жизни, а также помощь в борьбе против угроз XXI века;
- ❖ активизируется стремление преодолеть непонимание путем организации постоянных форм общения, встреч, многостороннего диалога, насыщением интерактивного поля информацией о себе, интересом к знанию о жизни окружающих народов.

Сохранение языка коммуникации позволяет наращивать обмен богатствами культуры народов стран ЕвразЭС, что способствует устранению барьеров в сознании, ведь именно они более всего мешают продвижению Евразийской интеграции.

Вопрос о том, какие еще барьеры в сознании требуют преодоления и какие идейные противоречия необходимо разрешать в режиме многостороннего общения, — предмет самого широкого публичного обсуждения.

В 1994 году, когда Президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым впервые была высказана идея Евразийского союза, отношения стран бывшего СССР находились в столь кризисной ситуации, что любое теоретизирование казалось бессмысленным занятием, все заботы государств были посвящены элементарной задаче выживания. Но елбасы⁷ уже тогда выдвинул идею вхождения в глобальный рынок в составе региональной интеграции. Это был абсолютно корректный и оправданный ход, ведь никто не может отрицать, что именно региональная интеграция в Европе позволила адаптироваться к глобализации небольшим европейским странам, потенциал которых значительно меньше многих стран СНГ.

Евразийское сближение нельзя назвать стремительным и безоблачным, его нельзя учредить директивно и вообще искусственно форсировать. Когда нет возможностей переломить силы инерции, торможения и противодействия, то необходима взаимосогласованная, «умная» политика, прежде всего — доскональное изучение закономерностей интеграционных процессов и опыта Европейского союза.

В современном глобализованном мире локальные интеграционные союзы стали распространенной международной стратегией экономического поведения, которая позволяет в условиях мирового разделения труда использовать местные преимущества и создавать дополнительные стимулы экономического развития.

Большинство стран мира состоит как во Всемирной торговой организации, так и в локальных экономических интеграционных союзах. Некоторые из них нежизне-

⁷ Глава государства (каз.).

способны, некоторые успешны. На смену неудавшимся союзам приходят новые, во всем мире идет динамичный процесс апробирования разных конфигураций международного экономического сотрудничества.

История открывает перед региональной интеграцией окно возможностей, и надо говорить об этом на всех языках, раздвигая занавес недоверия, опасений и нерешительности. Совместное обсуждение всех сомнений и проблем снимает напряженность в деловой сфере. Это проверенная веками практика дипломатии, которую следует дополнить народной дипломатией. Снятие покрывала с темы интеграции стран евразийского пространства — это тот случай, когда все сказанное не покажется избыточным, а объем общения, количество информации будет только способствовать формированию качества самой интеграции.

Часть II. Организационный каркас евразийской интеграции

1. Таможенный союз — локомотив общей евразийской экономики

В основу евразийской интеграционной модели легли четыре принципа, озвученные Президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым на лекции в МГУ им. Ломоносова весной 1994 года:

- ❖ принцип экономической целесообразности;
- ❖ принцип многоуровневой и разноскоростной интеграции;
- ❖ принцип региональной безопасности;
- ❖ принцип добровольности участия в интеграции.

В октябре 2000 года был сделан первый шаг к формированию единого экономического пространства. В 2006 году создан реальный механизм финансовой интеграции — Евразийский Банк Развития. На саммите, который прошел в феврале 2009 года, было принято решение о создании совместного Антикризисного фонда в размере \$10 млрд. и Международного Центра Высоких Технологий. Под эгидой ЕврАзЭС стали приниматься конкретные решения, в том числе о строительстве новых путей сообщения — железнодорожных и автомобильных — в масштабах Евразии, о производстве мирной атомной энергии, о единой энергетической системе и др.

Созданы и эффективно работают такие исполнительные органы, как Межгосударственный совет, куда входят главы государств-участников и премьер-министры, а также постоянно действующие Интеграционный комитет, Секретариат и Комиссия постоянных представителей. Создан Суд Сообщества, расположенный в Минске.

Законодательство ЕврАзЭС осуществляется Межпарламентской ассамблеей, обладающей своей структурой и секретариатом, расположенным в Санкт-Петербурге. Эти структуры обеспечивают всестороннюю координацию деятельности государств-участников ЕврАзЭС в процессе евразийской интеграции.

Деятельность ЕврАзЭС имеет значительное влияние не только в макроэкономической сфере, но и в жизни простых людей. В рамках организации решаются проблемы, связанные с трудовой миграцией, получением образования, гражданства. Ведется работа по координации деятельности в области АПК, энергетики.

Движущей силой интеграции является экономика. Неудивительно, что мотивация к углублению интеграции проявилась у наиболее развитых стран региона — России, Казахстана и Беларуси. Можно с уверенностью сказать, что центр интеграции составили страны, достаточно близкие по образу экономической трансформации и по уровню жизни, которые в советском прошлом обеспечивали до 85% ВВП страны.

В 2007 году между Россией, Казахстаном и Беларусью был подписан основополагающий документ об образовании Таможенного союза. С 1 января 2010 года он вступил в силу. Этот документ дал новый импульс развитию евразийской интеграции.

Образование Таможенного союза ликвидировало для стран-участниц барьеры во взаимной торговле. Введены единые таможенные правила и тарифы для торговли с третьими государствами. Произошла замена нескольких

таможенных территорий единым пространством торговли, и уже с 1 июля 2011 года таможенный контроль с российско-казахстанской и российско-белорусской границ перенесен на внешние границы Таможенного союза.

По существу, Таможенный союз — это форма коллективного протекционизма. Казалось бы, на этом основании он может быть признан регрессионной мерой в условиях глобализации и либерализации торговли, которая обеспечила рост благосостояния развитых стран в XX веке. Однако теория суха, как говорил Мефистофель в гетевском «Фаусте», а древо жизни вечно зеленеет. И у принципа свободной торговли с реализацией в конкретных условиях появляются исключения. Как свидетельствует мировая практика, свободная торговля для западных стран-лидеров является «священной коровой» лишь тогда, когда это продвигает их интересы. Наиболее ярко это демонстрируют переговоры в рамках ВТО по вопросу о сельхозпродукции — так называемые «дохийские переговоры», которые находятся в тупике уже более двенадцати лет. Проблему их продвижения создает протекционизм ведущих стран в области субсидирования национального сельхозпроизводства.

В целом историческая практика создания таможенных союзов в Европе показывает высокую эффективность мер коллективного протекционизма. И Германский таможенный союз 1834 года, и Римский договор 1957 года привели к формированию крупнейших не только в Европе, но и в мире субъектов экономического и политического влияния. Известны успехи и других менее масштабных региональных таможенных союзов, из которых можно выделить Южноамериканский общий рынок (МЕРКОСУР) в Латинской Америке, Южноафриканский таможенный союз (ЮАТС) и Совет по сотрудничеству арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Два малых таможенных союза действуют в

Европе (ЕС-Андорра, ЕС-Турция), в развивающихся странах насчитывается девять таможенных союзов.

За последнее время в мире отмечается значительный рост количества соглашений в сфере торговли на уровне отдельных регионов, а также организации объединений интеграционного типа (*Regional Trade Agreements – по терминологии ВТО*). Уже заключено свыше 230 торговых соглашений и действует более десятка соглашений о создании таможенных союзов в Европе, на Ближнем Востоке, в Латинской Америке и в Африке, что убедительно свидетельствует о том, что протекционистские соглашения становятся неотъемлемой частью нового международного торгового уклада.

Вместе с тем первая попытка создания таможенного союза некоторыми странами СНГ (Россией, Казахстаном, Беларусью, Кыргызстаном и Таджикистаном), предпринятая в 1995–2000 годы, споткнулась о реальность результатов незавершенной суверенизации. В то время страны-участники подошли к реализации нового таможенного соглашения, имея существенные расхождения в развитии политико-экономических сторон своей государственности. Эксперты отмечают не только разный уровень стран – участниц ТС, но и различие в скорости проведения экономических и политических преобразований, как в валютной, так и таможенной и налоговой политике. К существующим на данный момент трудностям можно отнести проблемы взаиморасчетов между хозяйственными субъектами стран, поскольку сам механизм взаиморасчетов не проработан. Кроме того, имела место непоследовательность позиции отдельных стран-участниц при выполнении подписанных ими соглашений в рамках ТС и игнорирование интеграционных механизмов для урегулирования разногласий в рамках союза.

Видимо, имела место надежда на то, что развитие суверенитета само по себе принесет плоды, и самостоятель-

ность рассматривалась как ценность, генерирующая политические, социальные и экономические блага. Не ощутив суровой реальности суверенитета, трудно понять важность интеграции. Для политических элит неявно было и то, казалось бы, очевидное обстоятельство, что бывших граждан единой страны тяготили административные границы между новыми независимыми государствами. Именно тогда явно обозначилась дифференциация стран СНГ по степени готовности к конкретным шагам в едином направлении.

Предложение Казахстана ускорить создание Таможенного союза, закончив основные процедуры к 1 января 2010 года, нашло активную поддержку в лице России. Осенью 2007 года на саммите СНГ – ОДКБ – ЕврАзЭС в Душанбе Владимир Путин, будучи Президентом России, объявил о формировании таможенного союза и создании наднациональной комиссии, которая будет заниматься таможенным регулированием. Площадку Евразийского экономического сообщества было решено использовать для ведения переговоров по вопросам учреждения Таможенного союза, а на последующем саммите в Душанбе новое интеграционное образование приобрело конкретные очертания – в Таможенный союз в рамках ЕврАзЭС вошли Россия, Казахстан и Беларусь. Спустя год, в декабре 2008 г., был учрежден наднациональный орган Таможенного союза – Комиссия Таможенного союза (КТС).

Создание Таможенного союза обеспечивает следующие преимущества:

- ❖ в сфере таможенно-тарифного регулирования к товарам из третьих стран применяются единые ставки ввозных таможенных пошлин, установленных единым таможенным тарифом, – это позволяет беспрепятственно обращаться таким товарам на единой таможенной территории;
- ❖ в области нетарифного регулирования унифицируются применяемые ограничительные меры, вклю-

чая порядок оформления лицензий, и сокращаются административные барьеры в торговле;

- ❖ в сфере таможенного администрирования действует единый механизм таможенного контроля на внешней границе Таможенного союза, обеспечена прозрачность таможенных формальностей на внешних границах и их отмена на межгосударственных границах наших государств;
- ❖ в области санитарного, ветеринарного и фитосанитарного контроля сокращаются технические барьеры, ускорен и удешевлен оборот товаров, подлежащих санитарному, ветеринарному и фитосанитарному контролю.

Организация общего рынка с количеством населения более 170 миллионов человек — достойный ответ глобализации в условиях кризиса. Можно еще раз повторить, что создание Таможенного союза России, Казахстана и Беларуси — событие исторического масштаба. Следующий шаг интеграционного процесса — появление Единого экономического пространства со свободным движением капитала, товаров, услуг и рабочей силы.

В процессе структурирования евразийского пространства складывается его архитектура: фундаментом нового здания является Таможенный союз (ТС); опорами — четыре составляющие общего рынка (капитал, труд, товары, услуги), связанные единством энергетического и транспортного пространства в рамках Единого экономического пространства (ЕЭП). Это скрепляется валютным союзом ТС и ЕЭП, в том числе с другими странами ЕврАзЭС, и надежно прикрытый зонтиком объединенных сил безопасности (ОДКБ). Таким образом, в институциональных очертаниях обретает реальность идея о создании Евразийского союза (ЕАС).

Преобразующая механика интеграции определяется воздействием внешних — экзогенных факторов, стиму-

лирующих изменение внутренних — эндогенных свойств. Можно выделить ряд очевидных изменений социально-экономической картины стран-участников Таможенного союза, следующих за запуском этого интеграционного проекта.

Экономический эффект: по подсчетам ученых РАН, общий экономический эффект составит порядка 400 миллиардов долларов в 2015 году. Есть мнения, что он может быть и больше.

Социальный эффект: по условиям Таможенного союза осязаемые препятствия на пути из Минска в Астану — таможенные посты и шлагбаумы — устранены.

Политический эффект: всякий союз — это политическое явление, поэтому создание Таможенного союза как института согласованной экономической политики обеспечивает деполитизацию смежных экономических вопросов.

Технологический эффект: создан и начал действовать Центр высоких технологий ЕврАзЭС, в рамках ЕврАзЭС планируется реализация межгосударственных целевых программ, в том числе наукоемких: инфо-, нано-, биотехнологий.

Стабилизирующий эффект: в рамках Таможенного союза так называемые торговые войны по определению невозможны.

Антикризисный эффект: большую роль, особенно это ощутимо во время кризиса, играют созданные региональные экономические союзы, которые позволяют экономике успешно противостоять кризисным потрясениям.

Гравитационный эффект: создание массива нормативно правовых условий, массива проектов, массива инновационных решений в сфере межгосударственных отношений формирует самостоятельный центр общей деятельности. Каждый шаг в этом направлении увеличивает гравитационную силу центра, нарастает

интеграционное притяжение, в поле которого оказываются сопредельные страны региона.

Надо отметить, что отсутствие общности интересов для развития интеграционных процессов не так критично, как отсутствие единства понимания их цели. Как показывает практика, лидеры разных стран видят в интеграции возможность реализовать различные цели. Если говорить об отношениях стран СНГ, то по факту общие декларации о единстве никогда не означали действительного наличия единых целей среди участников. В этом плане можно сделать вывод о том, что на первоначальном этапе именно политическая воля является локомотивом интеграционных процессов.

Конвенциональные успехи европейской интеграции (другими словами, отработка согласительных процедур) показали, как важен институциональный механизм, обеспечивающий поиск взаимоприемлемых решений и развитие интеграции даже при наличии разногласий. И здесь уже открывается совсем другая задача — конвертировать политическую волю в работоспособные наднациональные, надличностные институты принятия решений.

Задачей особой важности становится организация постоянной коммуникации и информирования общественности о различных аспектах интеграционного движения. Политика информационного продвижения Таможенного союза требует безотлагательного внимания. В настоящее время ни население, ни элиты, ни предпринимательские круги, ни гражданское общество не испытывает особого энтузиазма от интеграционных идей. Экспертное сообщество, политики недостаточно активно освещают вопросы интеграции и таможенного союза в частности. Гораздо более отчетливо слышны провокационные акции, за которыми виден хорошо оплачиваемый профессионализм. Тем временем донесение ясных и отчетливых положений, снимающих опасения

перед Таможенным союзом и интеграцией в целом, — это непаханая целина в информационном плане.

В частности, потенциальная опасность экспорта национальных энергоресурсов и сохранения сырьевой направленности страны устраняется тем, что вопросы регулирования экспорта энергоносителей не являются компетенцией Таможенного союза. Существует оговоренный список товаров, которые могут стать объектом взимания экспортных пошлин (к таковым относится и нефть), но доходы от реализации последней распределяются не между членами Таможенного союза, а только внутри одного государства. Вывозные пошлины взимают таможенные органы, выпускающие продукцию за пределы Таможенного союза, но деньги перечисляются в бюджет государства, производящего эти товары.

Необходимо развеять опасения, связанные с ущемлением интересов предпринимательства. Во-первых, Таможенный союз, как тип протекционизма, направлен на стимулирование роста производства внутри, сокращения дисбаланса между посредническими и производственными направлениями развития экономики. Во-вторых, предприниматели не окажутся жертвами «большой политики» — отказ от таможенных пошлин и эквивалентных им мер во взаимной торговле между государствами вовсе не означает бросить малый и средний бизнес на произвол судьбы. У каждой страны есть достаточный набор средств поддержки, включающих антидемпинговые и компенсационные меры для предпринимателей.

Суверенное право страны определять приоритеты своих экономических интересов Таможенным союзом не отрицается. Странами-участницами подписан особый протокол, который в исключительных случаях разрешает понижать или повышать ввозные пошлины, установленные Единым таможенным тарифом. В данном

документе уточнено, что применение государством — участником Таможенного союза более низкой ставки может быть «в случае острого дефицита товара, если это необходимо для удовлетворения социально значимых потребностей населения или потребностей развития производства при невозможности их удовлетворения за счет производства этого или аналогичного товара в других государствах — участниках Таможенного союза». Хотя и в исключительных случаях, но все же признается право и более высокой ставки, — как мера создания необходимых условий для развития отрасли экономики государства — участника Таможенного союза.

Опасения наступления «неотвратимых последствий» в связи с вступлением в Таможенный союз могли бы быть минимизированы широким общественным обсуждением. Понимание того, что при реализации таких масштабных проектов все решения принимаются совместно (никто никого не ущемляет, всегда практикуются переходные режимы, каждая из стран идет на уступки в чем-то частном для реализации общепольной идеи), понимание неизбежности нюансов не есть что-то запредельное для сознания простого человека. Нетрудно понять, что невозможно предвидеть все нестыковки. Многие трудности как возникают, так и решаются по ходу — это нормальный процесс. Сохраняется поступательность движения, и это главное.

В настоящее время функционирование Таможенного союза идет нормально, все механизмы работают в штатном режиме. Введен единый тариф на импорт, пришли, по возможности, к согласованию нетарифных ограничений внешнеторговых операций. Согласованы условия внешней торговли для части товаров, в отношении которых существуют ограничения или запреты, а также действует общий порядок лицензирования. Различия в таможенном законодательстве стран последовательно устраняются.

В подготовке регулирующих норм использовался мировой опыт: новый Таможенный кодекс прозрачен и удобен для участников внешнеэкономической деятельности и контролирующих государственных органов. Он соответствует международным стандартам, и в его основу легли положения Киотской конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур. Таможенный кодекс является законодательным актом прямого действия, который все государства-участники обязаны исполнять.

Наряду с этим Единый таможенный тариф не является препятствием для выполнения условий договоров, соглашений и обязательств, которые были взяты государствами ранее. Таковыми для России являются обязательства по подготовке сочинской Олимпиады. У Казахстана есть ранее заключенные договоры с иностранными компаниями по крупным инвестиционным проектам.

Упрощение коммуникации между людьми в их хозяйственной, предпринимательской деятельности и устранение видимых барьеров для нее — таможенных, пропускных пунктов — формируют осознание единого пространства, и это стоит кропотливой работы по согласованию механизмов союза. Помимо важнейшей коммуникационной задачи создание Таможенного союза требует решения актуальных собственно экономических задач.

Изменить качество менеджмента и выйти на новый уровень промышленного производства. Важно сконцентрировать человеческий капитал, усилить профессионализацию наших стран, которая могла бы стать фундаментом мощного модернизационного рывка, обеспечивающего необходимый уровень конкурентоспособности евразийских стран. Координация инновационных инициатив России, Казахстана и Беларуси в рамках Таможенного союза на базе ЕврАзЭС предоставляет возможность извлекать из долгосрочной интеграции результат, повышающий качество жизни. Необходимо

делать ставку не на «догоняющие» технологии, а на опережающее развитие. Таможенный союз — это мера опережающего развития, создающая условия для прогрессивных экономических взаимоотношений.

Отработать механизм кредитования взаимной торговли. Переход на расчет в национальных валютах через уже существующий институт — Межгосбанк СНГ — позволит создать расчетно-платежную систему и единое платежное пространство стран — участниц ЕврАзЭС. В итоге это ведет к существенному сокращению комиссионных платежей, влияющих на себестоимость товаров и услуг. При расширении расчетов в национальных валютах во взаимной торговле (а сейчас на их долю приходится порядка двух третей оборота) в очередной раз поставит во главу угла проблему создания резервной валюты ЕЭП. Наиболее разумным решением этого вопроса было бы учреждение наднационального валютно-финансового института. Процесс создания резервной валюты стран ТС не одномоментный, и его проработку можно начинать вести уже сейчас.

Параллельно необходимо проводить информационную работу по разъяснению важности этого экономического мероприятия, с тем чтобы снять напряжение в обществе относительно угрозы финансовой безопасности и самостоятельности государств Таможенного союза.

Кривотолки вокруг постсоветских интеграционных процессов сформировались в две противоречащие друг другу точки зрения: «неготовности к интеграции» и «медлительности интеграционных процессов». Очевидно, что обе позиции не выдерживают критики, и было бы затруднительно оппонировать сразу двум противоположным точкам зрения, не входя одними аргументами в противоречие другим, если бы не надежная методологическая основа евразийской интеграции.

Обратимся к истории и сравним темпы образования таможенных союзов в Европе и в Евразии. Возьмем за точку отсчета европейского Таможенного союза 1957 год (Римский договор 1957 года), хотя к тому времени прошло *шесть* лет от первого договора (Европейское объединение угля и стали — ЕОУС, 1951 год) до начала Таможенного союза. *Двенадцать* лет, как предполагалось, будет идти переходный период (с 1958 по 1970 год) для оформления таможенного союза ЕЭС, однако понадобилось *еще шестнадцать* лет для полной ликвидации таможенных барьеров на пути передвижения товаров внутри сообщества. Только после 1968 года начался процесс постепенной отмены таможенного контроля на границах между государствами — членами ЕЭС. Далее *семь* лет (с 1986 по 1993) понадобилось для того, чтобы от цели, поставленной Единым европейским актом, пройти путь к реализации четырех «свобод» передвижения: товаров, услуг, капиталов и лиц (Маастрихтский договор 1993 года). Итак, с 1957 по 1993 год — в сумме на построение Таможенного союза у Европы *ушло почти 36 лет*. При этом страны — учредительницы ЕЭС (Франция, Германия, Италия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург) находились на примерно одинаковом уровне экономического развития и имели сходную структуру хозяйства, основанную на высокоразвитой промышленности.

Евразийская интеграция поначалу также имела неритмичную динамику. Подписанное в 1995 году соглашение о Таможенном союзе *пять* лет, вплоть до 2000 года, не претворялось в жизнь. В 2000 году решением Межгосударственного совета Российской Федерации, Республики Казахстан, Республики Беларусь, Кыргызской Республики и Республики Таджикистан было создано Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), которое своей целеустремленной позитивной работой

создало логическую предпосылку к следующей стадии экономической интеграции — Таможенному союзу.

Решение о создании Таможенного союза Российской Федерации, Республики Казахстан и Республики Беларусь было принято Межгоссоветом ЕврАзЭС (на уровне глав государств) через *семь лет* — 6 октября 2007 года, вместе с планом до 2010 года.

Порядок и темпы создания ТС были конкретизированы премьерами спустя два года — 9 июня 2009 года в документе «Этапы и сроки формирования единой таможенной территории». Ко второй половине 2011 года нормативная основа Таможенного союза в целом была сформирована. Также важно отметить, что для ряда товаров сохранены определенные льготные переходные режимы. И для того чтобы не возникало соблазна злоупотреблений со стороны ряда импортеров, контроль на ввоз сохраняется для отработки механизма. Все происходит очень быстро, изменения в национальных законодательствах несколько отстают, но при этом динамика движения сохраняется.

Таким образом, становление Таможенного союза России, Казахстана и Беларуси шло полтора десятка лет, а законодательная база была разработана всего за два года. Хотя многие скептики, помня европейский опыт интеграции, утверждали, что для интеграции стран ТС потребуется не один десяток лет согласований. И этот успех получает дальнейшее развитие: в начале июля 2011 года российский парламент ратифицировал пакет соглашений по формированию Единого экономического пространства (в Казахстане ратификация прошла месяцем раньше, в Беларуси — еще в декабре 2010 года), уверенно приближая следующую стадию евразийской интеграции.

Сравним хронологию европейской и евразийской интеграции наглядно:

ЕВРОПА:

- 1946 год — выступление У. Черчилля с идеей создания Соединенных Штатов Европы⁸.
- 1949 год — образование НАТО.
- 1951 год — образованию ЕОУС — Европейское объединение угля и стали.
- 1957 год — Римский договор — учреждение Европейского экономического сообщества.
- 1960 год — Европейская ассоциация свободной торговли (ЕАСТ).
- 1968 год — создание Таможенного союза.
- 1985 год — Единый европейский акт — начало европейского политического сотрудничества (ЕПС).
- 1990 год — Шенгенское соглашение о ликвидации пограничного контроля на внутренних границах сообщества.
- 1993 год — Маастрихтский договор — создание Европейского союза.
- 1998 год — Ратификация европейской Энергетической хартии.
- 1999 год — 11 стран ЕС вводят единую валюту — евро.
- 2002 год — 12 стран ЕС вводят единое платежное средство, заменяющее национальную валюту, — евро.
- 2003 год — одобрение Европейским советом проекта Конституции ЕС.
- 2007 год — Лиссабонский договор.

ЕВРАЗИЯ:

- 1991 год — оформление постсоветской системы государств, создание Содружества Независимых Государств (СНГ).
- 1992 год — подписание Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).
- 1994 год — выступление Н. Назарбаева в МГУ с идеей создания Евразийского союза.
- 1999 год — первая попытка создания Таможенного союза и Единого экономического пространства
- 2000 год — учреждение Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС)
- 2003 год — соглашение о создании Единого экономического пространства (ЕЭП).

⁸ 19 сентября 1946 года на церемонии вручения очередного диплома бывший премьер министр Великобритании Уинстон Черчилль произнес речь, в которой призвал к созданию Соединенных Штатов Европы.

2006 год — учреждение Евразийского банка развития (ЕАБР).

2009 год — соглашение о создании *Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР) в рамках ОДКБ*.

2010 год — создание Таможенного союза.

2013 год — создание Единого экономического пространства.

2015 год — планируемое создание Евразийского союза.

Хронометраж показывает, что как для Европы, так и для Евразии интервал принятия ключевых решений составляет не более трех лет и уменьшается до одного года.

Причин такого ускорения несколько. Во-первых — сжатие исторического времени, обусловленное развитием коммуникации; во-вторых — объективный интеграционный тренд эволюционного цикла; в третьих — успешный опыт Европейской интеграции в повышении благосостояния народов Европы; в четвертых — действие субъективного фактора — политической проницательности и воли национальных лидеров. Только политическая воля руководителей стран Таможенного союза и профессиональная высокоэффективная деятельность правительств позволила в очень короткие сроки принять большое количество важнейших документов.

И в Европе, и в Евразии были периоды интеграционного оптимизма и скептицизма, особенно в 70-е и 90-е годы XX века, когда чувствовалось нарастание евроскептицизма, социологи фиксировали утрату доверия граждан к идее интеграции, которая сильно распространилась во Франции и Дании, общественная поддержка падала. Британия вообще проявляла непоследовательность в евроинтеграционной политике. На евразийском пространстве, напротив, среди глав государств укреплялось понимание того, что односторонние действия представляют собой аномалию. Правда, это не приближало к решению большого числа проблем.

Экономический смысл Таможенного союза состоит в объединении национальных экономик в *комплементарный*, или *взаимодополняющий* воспроизводствен-

ный комплекс. Формирование такого комплекса уже не просто устранение барьеров — это целостность, предполагающая понимание конечных целей социально-экономического развития, проработку согласованных направлений общей экономической политики между заинтересованными странами. Таможенный союз влечет за собой еще более глубокое интегрирование, создавая региональную зону устойчивого развития.

Таможенный союз — это практическая реализация плана создания Евразийского экономического сообщества. Важно понять существо таможенного вопроса: как показала практика, таможенные барьеры стали основным препятствием взаимовыгодного сотрудничества России, Казахстана, Беларуси. Это и значительная доля простоя транспортных средств, увеличивающего общие затраты на транспорт в цене продукции, и таможенные тарифы, напрямую повышающие себестоимость товаров. И это при том, что границы пересекают не просто товары для продажи. По обе стороны границы осуществляется кооперативное производство, приграничное сотрудничество составляет до 70% межгосударственного товарооборота и до 90% всего оборота от экономической деятельности самих приграничных районов. Все это влияет непосредственно на повышение себестоимости товаров. Целью Таможенного союза является создание «тепличного» климата на своих внутренних рынках. Для предприятий малого бизнеса создаются условия наращивания рентабельности, поскольку ввозные ставки на сырье остаются на прежнем уровне.

Таможенный союз уже приносит больше плюсов, чем минусов. Прирост объема внешней торговли в I квартале 2011 года по сравнению с аналогичным периодом 2010 года составил 30,6%. При этом импорт вырос на 47,0%, экспорт — на 23,5%. Оборот взаимной торговли между государствами — членами Таможенного союза во II полу-

годии 2010 г. увеличился на 11,6% по сравнению с I полугодием 2010 г. (по сравнению с аналогичными шестью месяцами предыдущего года — на 13,9%). В феврале 2011 г. наметился прирост общего взаимного торгового оборота, который по сравнению с январем 2011 г. составил 29,9%. Товарооборот между Беларусью и Казахстаном за десять месяцев 2010 года показал наибольший рост: 97,8% (\$419,3 млн) в сравнении с прошлым годом. Объемы импортных пошлин, взысканные в сентябре 2010 г. – апреле 2011 г. за товары, ввезенные из стран дальнего зарубежья, по сравнению с объемами импортных пошлин за аналогичный период 2009–2010 гг. увеличились в Республике Казахстан в 2,7 раза и в Российской Федерации в 1,4 раза.

По оценкам экспертов ИНХП РАН, государства Таможенного союза к 2015 году получают дополнительный внутренний валовый продукт на сумму около 400 млрд долларов, а это означает, что за счет суммарного интеграционного фактора страны участники ТС получают дополнительно около 15% прироста ВВП.

Таможенная интеграция ликвидировала административные проволочки, связанные с таможенным оформлением, которые давали значительную нагрузку на себестоимость товаров. Имеются данные о том, что расходы, связанные с выполнением таможенных формальностей, достигали иногда 5–15% стоимости продаваемой продукции. Достигнуто соглашение о разделе таможенных платежей: в бюджет России будет переводиться 87,97% отчислений, в бюджет Беларуси — 4,70%, в бюджет Казахстана — 7,33%.

Создание Россией, Казахстаном и Беларусью Таможенного союза — важнейший результат интеграции, она стала реальностью: созданы действующие структуры, идет осуществление совместных проектов.

Следующим этапом интеграции трех стран является формирование Единого экономического пространства.

Интеграционные соглашения вступили в силу с июля 2012 года. Это более высокий уровень интеграции, основанный на росте взаимного доверия, предполагающий свободное передвижение капитала и рабочей силы. Согласно разработанному плану, между государствами должны быть созданы целые сферы отраслей, которые будут обеспечивать жизнедеятельность стран, действующих в рамках программы региональной занятости населения, наполнения внутреннего рынка и для обеспечения реальной экономической безопасности государств-участников. Выделение такого комплекса отраслей в реальном секторе экономики на базе интеграции — первостепенная задача развития интеграционных процессов на пространстве Евразии.

В этом направлении у стран ТС есть определенные успехи: Беларусь за последние 20 лет преумножила свой промышленный потенциал, Казахстан не так давно развернул программу реиндустриализации. Это реальная работа по решению проблемы импортозамещения, поэтому, несмотря на отчаянную критику, и в Казахстане, и в Беларуси мало обращают внимания на частные потери от формирования общего таможенного пространства. Противников интеграции при необходимости осаживают. Странам, развивающим индустрию, интеграция выгодна в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Что важно, программа роста индустрии разумна только в совокупности с ростом потенциального рынка сбыта. То, что делают в этом направлении Казахстан и Беларусь, будет давать весомую отдачу населению этих стран. В масштабах всего Евразийского союза их усилия, конечно, не обеспечат полностью импортозамещение, равно как и Россия будет продолжать импортировать извне, но уже сейчас понятно, что Казахстан и Беларусь какую-то долю российского рынка уверенно займут, а по факту Россия сможет воспринимать это как поло-

жительную тенденцию снижения импортозависимости за счет производства на внутреннем рынке Евразийского союза.

В экономике стран ЕЭП очевидна стратегия хозяйственной самостоятельности и ухода от экспортно-сырьевой зависимости. Основывается она на импортозамещении. Стимулировал это стратегическое направление кризис 2008 года. В России он вызвал рост числа вводимых таможенных ограничений, поэтому ближайшим странам-партнерам по экономическому сотрудничеству с Россией таможенный союз стал жизненно необходим. Как известно, более 90% таможенных ставок, принятых в ТС, российского происхождения. Импортозамещение в этих условиях, по опыту российского кризиса 1998 года, должно было дать существенный рост. Но в кризис 1998–2000 годов рост промышленного производства в России можно было обеспечить более быстрыми темпами, просто используя недозагруженные мощности. Десятилетие спустя это потребовало уже больших усилий: создания новых предприятий, инфраструктуры, подготовки кадров. Логическим следствием этого процесса является Единое экономическое пространство как совокупность условий для реализации политики укрепления хозяйственной самостоятельности. Временные потери от вышеуказанных мер неизбежны: рост цен на импорт, возможные перебои с импортной продукцией, нехватка рабочей силы ввиду локализации производств, высокие издержки из-за недостатка ликвидности и «длинных» кредитных денег. Неизбежно и столкновение интересов между ТС и другими региональными союзами. Так, анализ, проведенный Евразийской экономической комиссией, показал, что продвижению товаров ТС больше всего мешают ЕС, США и Украина. Более сотни позиций насчитывает список ограничительных мер, с которыми на внешних рынках сталкиваются товары из Таможенного союза.

Нереализованных возможностей экономии на общем пространстве еще много. Например, конкуренция предприятий ТС на внешних рынках и отсутствие общей экспортной политики. Важность этого вопроса трудно переоценить, вспомнив, что первым шагом на пути европейской интеграции стало Европейское общество угля и стали — орган, координировавший внешнюю торговлю этими ресурсами.

Важнейшими являются задачи организации внутрирегионального разделения труда и отраслевой специализации. Теперь у нас единый экономический баланс, единый баланс земли, единый баланс продовольствия: если в Беларуси отличные заливные луга, то пусть она специализируется на молочном животноводстве внутри союза.

Не использованы богатые возможности транспортных коридоров и экономии на их обустройстве за счет кооперации. Например, при строительстве второй ветки Транссиба можно сократить путь на несколько тыс. км, проложив часть по территории Казахстана. Осторожно реализуется практика создания совместных предприятий. В Казахстане уже несколько лет существует совместное белорусско-казахстанское предприятие по сборке тракторов «Беларусь». По прогнозам экспертов, его продукция сможет в будущем занять до 30% рынка; здесь же, в Казахстане, налажена сборка российских автомобилей ВАЗ. Это позитивные примеры того, как флагманы рынка возглавляют процесс промышленной интеграции, но условием реальной интеграции в промышленности будут сотни таких примеров во всех отраслях производства. Это важно самим производствам в той мере, в какой они нацелены на инновационный путь развития. Инновационная политика без интеграционной нереализуема.

Согласно расчетам экономистов, полноценная, в известной мере самостоятельная технологическая зона

может состояться при потребительском рынке объемом около 200–250 млн человек. При наличии такого количества потребителей предприятия, выпускающие продукцию массового спроса, высокотехнологичные, наукоемкие предприятия могут поддерживать эффективность на достаточном уровне, модернизируя основные фонды, разрабатывая новые технологии.

Если совсем просто объяснять хозяйственную подоплеку и производственную мотивацию создания Единого экономического пространства, то нужно сказать, что задача состоит не в том, чтобы как-то восстановить материальные ценности, утраченные в связи с распадом советских хозяйственных связей (их восстанавливать за давностью лет уже не имеет смысла). Экономически целесообразно создавать новое производство на основе производственной кооперации и по новейшим технологиям. Условиями для этого и являются меры, принимаемые в виде ТС и ЕЭП. Эти соглашения и структуры ценны не сами по себе, а как современные экономические условия для создания новых производственных, логистических цепочек индустрии региона. Они — инструмент снижения издержек производства и инструмент формирования условий инновационного развития: условий производства и рынка сбыта высокотехнологического производства.

Евразийское пространство — прекрасная иллюстрация эволюционного закона интеграции-дифференциации. История Евразии — это ритмы центростремительных и центробежных тенденций. Нетрудно увидеть, что периоды ее раздробленности на сотни лет короче периодов единства. Державы и империи так или иначе собирали евразийское пространство в единый организм, следовательно, историческая закономерность лежит в основе

стремления евразийского пространства как к дифференциации, так и к интеграции, предопределяет целостную форму организации Евразии, структурирует ее этнические системы и государства.

У современной истории очень плотный график. То, что раньше длилось столетиями и десятилетиями, сегодня укладывается в годы. История ускоряет свой ход благодаря развитию коммуникаций, при этом стремительность изменений требует осваивать перемены в соизмеримом с ними темпе.

С 1994 года прошло 18 лет. За эти годы интенсивность интеграционных процессов в Европе мало чем отличалась от аналогичных процессов в Евразии. Европейским опытом пользуются сегодня интеграции во всем мире, равно как и сама Европа извлекает из него уроки.

Можно ли всерьез говорить о «евразийской медлительности»? Сравнивая евразийскую интеграцию с европейской, нельзя сказать, что первая серьезно запаздывает. К сегодняшнему дню евразийская интеграция прошла путь, который Европа одолела за три таких срока, хотя некоторые критики продолжают называть интеграционным долгостроем то, что развивается по своим закономерностям.

В синтезе двух контраргументов — *решительности* и *последовательности* — оформляется такое явление, как политическая воля, служащая движущей силой межгосударственных интеграционных процессов как в Европе, так и в Евразии. Экспертная разногласица имеет место по причине одностороннего характера мышления: либо мышление поколениями, либо мышления интересами, что происходит ввиду индивидуализации политического сознания отдельно взятым исследователем, не всегда имеющим политическую ответственность, чтобы *четко понимать конечную цель интеграционных преобразований*.

В вопросах экономической политики сложность понимания интеграционных процессов состоит в том, что экономическая политика может быть или общей, или единой. Какая принципиальная методология должна быть положена в основу интеграции? Успех СНГ был подорван прежде всего тем, что в основу методологии взаимодействия был положен принцип общей экономической политики, который в постсоветских условиях не мог быть реализован. В то же время такому методу, как формирование единой экономической политики, основанной на согласовании принципов функционирования экономических институтов государств СНГ, внимание не уделялось. Этот метод, эффективность которого убедительно демонстрирует модель европейской интеграции, не был принят во внимание некоторыми лидерами стран СНГ, что стоило многих лет бесплодных усилий.

2. Предпосылки евразийской общей политики

По сравнению с прединтеграционной Европой 50-х годов Евразия уже естественным образом интегрирована. В Европе поперек континента, в приграничье Франции, Германии, Италии, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга на площади меньше 200 тыс. км², в точке наибольшей плотности населения в Европе (от 300

до 1000 человек на км²)⁹, а следовательно, в зоне наибольшей плотности контактов, располагаются более десятка границ сопредельных государств. Передвижение по этой территории лишь в редких случаях обернется пересечением только одной границы. В путешествии из Беларуси в Казахстан при расстоянии почти четыре тысячи километров нужно пересечь российскую территорию, так как общей границы у этих стран нет. Тысячи километров можно преодолевать в Евразии, не пересекая государственных границ.

Несхожие условия с европейской моделью порождают недопонимание. Если в Европе на памяти одного поколения ситуация радикально менялась, например, от невозможности сколько-нибудь глубокого перемещения без пересечения ряда границ к их устранению, от необходимости многократно менять валюты к исчезновению этой необходимости, то это вдохновляло и производило определенный переворот в сознании. В Евразии же, наоборот, появившиеся ограничения передвижения, проверки, разные типы документов и прочее рассматривались как неестественный, раздражающий и временный фактор. И появление феномена евразийской интеграции воспринимается как предвестие естественного возвращения некой привычной нормы, не более того.

Общее пространство и общая валюта в Европе — это то, что смог ощутить каждый житель Европы, но даже это не обратило полностью в «европейцев» многонациональное население Евросоюза. Ежегодный «Евробарометр» — социологическое исследование, измеряющее идентичность, — показывает в последние годы некоторую устойчивость самоопределения европейцев. «Чистыми европейцами» признают себя в среднем 4% опрошенных;

⁹ По данным <http://en.academic.ru/dic.nsf/enwiki/758559>

8% ощущают себя и европейцами, и представителями определенной нации; 45% — представителями определенной нации и европейцами и 41% — исключительно жителями своей страны. Как видим, в Европе после полувека интеграции, проходившей с различной динамикой, но неуклонно, мнения разделились почти поровну. То есть половина опрошенных приняла наравне со своей нацией европейскую идентичность, а другая половина осталась консервативной. Серьезные сдвиги в этом процессе, означающие вытеснение европейской идентичностью национальных, прогнозируются учеными только к 2030 году¹⁰.

Однако в тенденциях развития Евразийского пространства наряду с интеграцией просматриваются и дезинтеграционные мотивы, проявляющиеся в росте партикулярной идентичности. Специфика Общей Евразии как феномена в том, что она одновременна с феноменом Казахстана, Беларуси, Украины и других стран. Период становления самостоятельности этих государств совпал с началом мирового тренда регионализации. Не вкусившие в полной мере плодов самостоятельности государства история подталкивает к объединению. Синхронность становления евразийской интеграции и составляющих ее территорий вносит сумятицу. Возникает параллелизм в действиях, двойная бухгалтерия: это «для себя», а это «для всех». Такой одновременный генезис частного и общего предоставляет возможность для двойного истолкования любой информации: все, что делается «для себя», рассматривать как национальный эгоизм, противоречащий ценностям интеграции, а все, что «для всех», — интерпретировать как предательство национальных интересов. Противоречие параллелизма

¹⁰ Lutz, Kritzinger, Skirbekk, 2006, www.sciencemag.org/cgi/content/full/314/5798/425

устраняется пониманием возвратной зависимости действия: «для всех» — значит, и «для себя», но это осознать очень непросто.

Не все однозначно и в Евросоюзе. Из двадцати семи стран Европейского союза семнадцать пользуются единой денежной валютой — евро, образуя еврозону, но есть и десять стран, которые не испытывают глубоких страданий из-за использования своей национальной валюты. Общая валюта не сделала всех одинаково богатыми; мы видим, что проблемы с ликвидностью возникают географически неравномерно, но по закономерным хозяйственным причинам: Греция, Испания, Португалия, Италия заняли определенные ниши в общеевропейском разделении труда и пострадали из-за изменчивости рыночной конъюнктуры. В то же время некоторые страны, не входящие в зону евро, например Польша, девальвировали свою валюту и смогли выстоять в кризис.

Послевоенная Европа тяготилась своей лоскутностью. В век научно-технического прогресса усилилась мобильность людей, капиталов, товаров, и множество границ, как физических, так и бюрократических, явно мешало динамике региона. Фактор для народа понятный, но и при этой очевидности инерция суверенитета преодолевалась тяжело и до сих пор не изжита. Во втором десятилетии стал набирать силу новый виток парада суверенитетов. Фламандцы и валлоны норовят разделить Бельгию, каталонцы и баски стремятся отделиться от Испании, шотландцы — от Великобритании. Но все претендующие на самостоятельность территории подтверждают свою приверженность Евросоюзу.

Европейские условия интеграции значительно отличаются от евразийских еще и в историческом опыте. Преодоление европейцами взаимной ненависти, озлобления от истребительных войн достойно восхищения и является подлинным прорывом в отношениях.

В Евразии подобную героику преодоления междоусобных противоречий создать не из чего. Хотя такая работа ведется, но одновременно ее противниками последовательно внедряются в общественное сознание фантомы взаимной ненависти на материале извечного противостояния степи и равнины, пахарей и кочевников, украинцев и московитов, латинян и православных и тому подобные голодоморы, колонизации, притеснения и обиды. Возможно, эти мифы создаются для того, чтобы их потом героически преодолевать. Но по факту мы видим, как идет создание рынка взаимных обид, чтобы заработать на этом национально-политический капитал. Правда в том, что при «правильном» поиске всегда можно найти, а вернее — «сфабриковать под прошлое» мотивы взаимного отторжения, в то время как есть актуальное настоящее, которое можно с большим успехом превратить в рынок взаимного выигрыша.

Нельзя не заметить, что наши западные соседи в любой попытке объединения на евразийском пространстве видят создание новой евразийской империи и отказываются замечать явные аналоги евразийской и европейской интеграционных моделей. Европейская модель интеграции — это одна из многих институциональных моделей, которые мы импортируем из развитых стран. Характерно, что в импорте институтов аналогичного характера — демократических, парламентских, правозащитных — и в их адаптации на нашей социальной основе подвоха не видит никто.

Редко обращают внимание и на то, что в самой Европе старый принцип, согласно которому политическая интеграция должна идти вслед экономической, нарушался в угоду необходимости ускоренного принятия стран Центральной и Восточной Европы и стран Балтии, а значит, политический компонент интеграции оказывал преимущественное воздействие на мотивы европейской политики вообще.

Развитие Евросоюза показало, что углубление интеграции неизбежно обостряет вопрос о политической форме союза. Это не столько предопределяется утомлением от экономического прагматизма, сколько заложено в самих принципах организации союза. Механизм договорного процесса, сложившийся в одних условиях, вынужденно адаптируется к другим и в определенный момент уже нуждается в пересмотре. Численность стран Евросоюза растет, разнообразие их экономик и прочие условия приводят к нарастанию малых отклонений от принятых правил. Количество переходит в качество, порождая новую форму организации.

Очевидно, что модель европейской интеграции носит сугубо ситуативный, гибкий характер, единой концепции пока нет. Но подобная гибкость имеет позитивный характер: сегодня уже нельзя уйти от обсуждения того, что же представляет собой Евросоюз в его нынешней форме. То ли это международный экономический союз, но тогда его целеустремления переросли рамки экономического прагматизма; то ли это уже элементы складывающегося европейского федерализма. В зависимости от угла зрения можно считать двойко.

По сравнению с Евросоюзом, который уже генерирует политические процессы, в процессе евразийской интеграции политических интенций пока нет, но об этом много дискутируют, и не исключено, что имеет место психологический феномен смещения, вызванный синхронизацией двух моделей, которые в действительности находятся на разных этапах своего развития. Кроме того, перед глазами зарубежных экспертов (как и у части экспертов стран СНГ) уже два десятилетия маячит призрак социализма.

Нужно уяснить: советская политическая реинтеграция на евразийском пространстве неосуществима, утопична и абсурдна. Реинтеграция — это ложная модель,

за которую выдаются ностальгические помыслы отдельных политиков и писателей, не подкрепленные никакими возможностями их реализации. Советский мир, который строился в начале XX века в условиях общей тенденции государственной централизации, остался в прошлом. Новый постсоветский евразийский мир предполагает многовекторность и полицентричность отношений. Подтверждением тому может служить отсутствие высказываний лидеров стран ЕврАзЭС на тему актуальности политического объединения. Эту тему тактично обходят, поскольку опыт Евросоюза однозначно понимается всеми главами стран не как объект синхронной мимикрии, а как прообраз институционального строительства Евразийского союза, последовательно осуществляемая модель, в которой первична экономическая сторона объединения. В то же время путь экономической интеграции не означает ни стремления к «обобществлению экономик», ни к их «слиянию».

Механизмы согласования интересов в интеграционных структурах различны: компромисс, консенсус, квотное голосование. В Евросоюзе это консенсус, который эффективен в условиях сопоставимости экономик входящих в него государств. Механизм согласования экономических интересов странами-участниками Таможенного союза выстроен иначе ввиду явного экономического преобладания России. Квотная система принятия решений в Таможенном союзе и распределение доли голосов приводит к тому, что в любом вопросе решающей будет российская позиция (50% голосов). Несмотря на это, страны-участники сумели договориться о том, что при возникновении проблем внутри союза окончательное решение будет приниматься на саммите членов ЕврАзЭС. А здесь уже ни у кого нет блокирующего голоса — необходимо приходиться к консенсусу.

Реализация принципа равенства в интеграции имеет вполне очевидную тенденцию и в постоянно действующих интеграционных институтах. Ранее в ЕЭК (постоянно действующий наднациональный регулирующий орган ТС и ЕЭП) количество представителей определялось весом государств в экономике и долей в бюджете ЕврАзЭС (Россия располагала 57% голосов). В декабре 2012 года принято решение о том, что каждая из стран делегирует по три представителя в коллегии ЕЭК. Учитывая, что решения принимаются двумя третями голосов, это яркий пример нового мышления, выбивающий почву из-под ног у скептиков. В ключевом институте евразийской интеграции механизм принятия решений не позволяет доминировать интересам одной из стран-участниц, несмотря на ее фактическое доминирование в экономике региона. Это понятный всем знак новой — интеграционной основы отношений суверенных стран Евразии. Этого нельзя не замечать, и, конечно, это требует более широкого резонанса.

Можно уверенно заявить, что Евразийский союз в его нынешнем виде не заиклен на задаче оформления своего политического единства, страны союза не видят необходимости выступать на политическом поле от единого имени, говорить в один голос. Евразийское многоголосье является гарантией противовеса диктату одного мнения, является залогом выработки здравых решений; его приоритетные цели — экономическая интеграция, общий рынок, безопасность, в перспективе — создание валютного союза. Собственными достижениями в государственном строительстве страны СНГ не намерены поступаться, и тем ценнее представляется опыт Евросоюза как первопроходца на пути к новым формам регионального единства, с разной степенью успеха огибающего опасные водовороты межгосударственной политики. Но было бы наивным предполагать, что в отношениях

между странами в процессе построения крупного регионального экономического кластера можно избежать политических вопросов.

Общая безопасность

В интеграции постсоветского пространства оформились несколько уровней, каждый из которых функционально ориентирован. Помимо экономических задач особую актуальность приобрели задачи обеспечения безопасности на евразийском пространстве.

Концепция региональной безопасности после распада СССР объективно должна была измениться. Общий ядерный щит прекратил свое существование, в стадии разложения находилась и система ПВО. Опасение вызвала слабость пограничных частей суверенных государств, которые тогда только формировались. Это резко повышало привлекательность региона для различных экстремистских набегов, в том числе — из Афганистана и пылающего Таджикистана. В итоге активной деятельности были созданы ОДКБ (Организация договора о коллективной безопасности), ШОС (Шанхайская организация сотрудничества), СВМДА (Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии).

В современных условиях ни одно государство, даже самое мощное, не может в одиночку справиться со стоящими перед ним угрозами глобального терроризма. Поэтому возникновение интеграционных объединений государств, объединяющихся для ответа на эти угрозы и вызовы, необходимо и объективно.

Договор о коллективной безопасности, подписанный в 1992 году, обеспечил региональную безопасность в Евразии. Острая необходимость преобразования ДКБ возникла из-за необходимости противостоять новым угрозам, таким как международный терроризм. В 2002 году

был подписан новый договор о безопасности, преобразующий ДКБ в ОДКБ. Благодаря этому документу удалось адаптировать вооруженные силы ОДКБ к изменяющейся обстановке в регионе.

Переход к полицентричному миру предполагает распределение политической ответственности. Но многие ли новые претенденты на «центры» готовы взять на себя такую ответственность? Очевидно, что Евразийский союз может, поскольку обладает самостоятельной экономикой, политическим союзом и достаточной силовой составляющей, обеспечивающей его независимость.

Евразийское пространство обладает собственным инструментом обеспечения коллективной безопасности, который способен гарантировать суверенитет центральноазиатских стран без привлечения иных сил и их навязчивых военно-политических услуг. Это ОДКБ, в рамках которой осуществляется координация совместных действий в военной сфере, происходит сближение военных стандартов, отработка эффективных действий в чрезвычайных ситуациях военного и гражданского типов.

Полицентрация как мировая тенденция скорее всего приведет к тому, что региональные интеграционные объединения будут предпринимать попытки оградить свои регионы от присутствия сил НАТО. Успешность таких попыток будет неравнозначной, но тот факт, что Евразийский союз проявляет настойчивость в этом вопросе, свидетельствует об усилении данной тенденции. В настоящее время наблюдается явное оживление интереса к Центральной Азии как к геополитическому региону, что можно рассматривать как исторический вызов, адекватный ответ которому должен быть готов заблаговременно и предусматривать любое возможное развитие событий.

Выстраивая стратегический курс на обретение статуса одного из мировых центров развития, избегая конфрон-

тации с Западом, все же нельзя согласиться с систематическими попытками тандема США — НАТО прорваться к положению абсолютного силового превосходства в мире. Такое положение сковало бы возможности Евразийского союза проводить самостоятельную линию не только в вопросах военной политики, но и в вопросах экспорта энергоносителей как основы экономического благосостояния региона.

В основу военно-политической линии Евразийского союза положен принцип обеспечения стратегической стабильности на основе сдерживания и удержания силового паритета. При этом задачи создания единой армии в рамках организации ОДКБ не ставится. Единая система коллективной безопасности как таковая не столь актуальна, как мобильные силы оперативного реагирования в локальных ареалах евразийского пространства.

Чем на сегодня характеризуются силы ОДКБ:

- ❖ готовностью совместными усилиями предотвратить, а при необходимости — ликвидировать угрозы суверенитету и территориальной целостности государств-участников ОДКБ;
- ❖ высоким уровнем оснащения и подготовки российской армии и армий других стран СНГ;
- ❖ высоким уровнем координации штабов и вообще координации в военно-интеграционной сфере;
- ❖ способностью работать с высокой интенсивностью и результативностью в сфере интеграции;
- ❖ Высокой продуктивностью единства политической воли государств-участников ОДКБ;
- ❖ доминированием антитеррористической направленности деятельности организации в лице подразделения КСОР;
- ❖ численным преобладанием центрально-азиатских государств в ОДКБ;

- ❖ весомым военно-техническим, кадровым и профессиональным авторитетом России среди других стран организации.

Авторитет ОДКБ признан на международном уровне: Генеральный секретарь Пан Ги Мун отметил, что укрепление сотрудничества ООН и ОДКБ — очень важный прагматичный шаг в деле обеспечения мира и безопасности в регионе, в борьбе с транснациональной преступностью и незаконным оборотом наркотиков¹¹.

Наряду с этим важным фактом международного признания ОДКБ как эффективной региональной силы вызывает искреннее недоумение тот факт, что вот уже несколько лет Брюссель не реагирует на предложение Организации Договора о коллективной безопасности работать совместно по пресечению наркотрафика из Афганистана.

На сегодня ОДКБ — главный инструмент парирования региональных вызовов безопасности в евразийском ареале, включая нелегальный экспорт наркотиков из зоны «американского протектората» в Афганистане¹². Организация Договора о коллективной безопасности регулярно и эффективно проводит на внешних границах Афганистана операции по перехвату наркокараванов (операция «Канал»). Но на предложение наладить взаимодействие в этой операции НАТО не реагирует, хотя частным порядком многие члены альянса направляют для участия в операции «Канал» своих наблюдателей.

¹¹ ООН и ОДКБ будут сотрудничать в борьбе с терроризмом // <http://www.afghanistan.ru/doc/16876.html>

¹² «Азиатский вектор» общеевразийской безопасности сегодня включает и такие структуры, как Шанхайская организация сотрудничества и СВМДА. Без поддержки и активного участия в них постсоветских стран их развитие было бы просто невозможным.

В целом ОДКБ как молодая интеграционная организация нуждается в глубокой институционализации. Это двухступенчатая задача: на одной ступени — формирование координационных институтов высокого уровня ответственности, придание им неоспоримого авторитета и статуса; на другой — проработка всех процедур, в хорошем смысле слова бюрократическая технологизация управленческих процессов.

В качестве приоритетных направлений усовершенствования ОДКБ необходимо указать на структурные аспекты развития. Целесообразно распространить принцип равноуровневой интеграции также на внутреннюю организацию структур обеспечения безопасности. В ОДКБ наряду с КСОР могут сосуществовать координационные структуры специального назначения МВД (охрана коммуникаций), органов госбезопасности (в целях проведения совместных антитеррористических операций), ведомств по ликвидации чрезвычайных ситуаций (проведение совместных спасательных мероприятий), которые представляли бы собой многостороннюю функциональную координацию. Подобная диверсификация ОДКБ — усиление корпуса гражданского назначения — позволит надеяться на включение в орбиту интеграционного взаимодействия других стран СНГ и более эффективно обеспечить устойчивость евразийского региона к вызовам и угрозам будущего.

Нестабильность в Северной Африке и на Ближнем Востоке (весна–лето 2011 года) подтолкнула страны ОДКБ к обсуждению обозначившихся угроз, и в августе лидеры Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана собрались в Астане на неформальный саммит. Оценка существующих и потенциальных угроз привела союзников, по словам Президента Беларуси Александра Лукашенко, к намерению усилить ОДКБ.

В практических шагах реализации евразийской интеграционной модели на начало второго десятилетия нет принципиальных отступлений от апробированной мировой практики. По темпам, последовательности, институциональной полноте модель вполне работающая. Но сигнал интеграции явно нуждается в многократном усилении. Ключевым фактором увеличения ее общественной отдачи должна стать информационная политика: новая, обогащенная концепция резонанса всех процессов интеграции, не в виде магического результата, а в их реальном виде — в генезисе непростых отношений, проб и ошибок, споров, дискуссий, поиска источников сближения и развития соседних стран, народов, предприятий, людей. Именно такой формат открытости способен пробудить интерес к действию, к тысяче действий и взаимодействий, образующих евразийскую интеграцию.

Продвижение евразийского мировоззрения есть процесс символической надстройки на фундаменте национальной государственности — надстраивания нового этажа трансконтинентальных взаимоотношений, приближения статуса внешних связей к статусу внутренних без опасности поглощения или подчинения своих интересов кому-либо. Это не обмен суверенитета на какие-то блага, не утрата самобытности, а приобретение сверхсуверенитета и инобытия культуры в дополнении к привычному бытию.

Признавая важнейшей функцию государства по защите своих граждан, нужно понимать, что евразийский союз — это дополнительный контур защиты, защита коллективная, и покушение на суверенитет любого из субъектов союза будет приравнено к покушению на суверенитет союзников, а значит, встретит отпор уже трех-четырех, пятикратной силы. Таким образом, в сфере общей безопасности наиболее отчетливо проявляется мультипликативный эффект интеграции.

Валютно-финансовая интеграция

Региональный общий рынок обеспечивает своим участникам экономическую безопасность своим двойственным положением, являясь одновременно и расширением экономического пространства, и средством его защиты от внешних рынков. Он должен быть самостоятельным субъектом, защищенным от конъюнктурных и валютных перепадов внешних по отношению к нему рынков. Плачевный опыт многих стран показывает, что кратковременное счастье — иметь товары по демпинговым ценам внешнего рынка — ведет к уничтожению собственного производства и приводит к обнищанию широкие слои населения. Введение общей валюты в перспективе могло бы воспрепятствовать вывозу капитала за пределы региона.

Соображения о концентрации финансовых ресурсов вызваны не стремлением ополчиться совместно против Запада и парировать реальные и вымышленные угрозы, а для того, чтобы использовать открывающиеся экономические возможности.

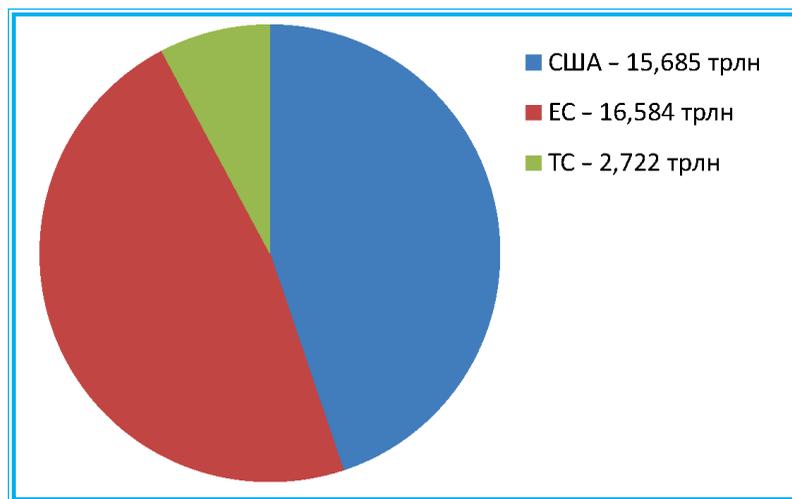

Диаграмма 1: Объем номинального ВВП в 2012 году в долларах США

Совокупные экономические результаты стран Таможенного союза далеки от сопоставления с лидерами экономики (см. диаграмму 1) однако экономика имеет свои закономерности. Известно, что расширяющийся рынок втягивает в свою орбиту и периферийные ему рынки. Экономики России, Казахстана и Беларуси тесно переплетены между собой, хорошо дополняют друг друга, и у них, в отличие от ЕС, меньше структурных проблем. Объединение с населением в 170 млн человек способно стать центром притяжения капиталов и высоких технологий всего евразийского региона. Кроме того, Евразийская интеграция никак не противоречит и не препятствует встраиванию государств в мировую экономику.

В области валютного регулирования формирование прообраза сообществ происходит с нарастающей интенсивностью. В последние годы многие мировые лидеры озвучили идеи изменения валютной картины финансового мира. Все чаще звучат призывы к появлению наднациональной и надгосударственной резервной валюты. «Сверхсуверенную резервную валюту» Международный валютный фонд призвал создать и Глава Центробанка Китая, а также более широко использовать СДР¹³. Экс-президент Франции Николя Саркози, подчеркивая необходимость «нового Бреттон-Вудского соглашения», предложил инициировать создание новой мировой валютной системы в формате G20. Сходную идею высказывал Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. По оценке экспертов, для разрешения положения, сложившегося в мировой финансовой системе в начале третьего тысячелетия, необходимо создать Мировой валютный союз, куда вошли бы и евразийские государства.

¹³ Условная денежная единица, применяемая странами — членами Международного валютного фонда.

Переход к единой всемирной денежной единице расчета, которая будет законна и приемлема для всех стран, закономерен. В ее создании, эмиссии и регулировании должны участвовать все страны, но на первый план к середине 2010 года выдвинулся вопрос об изменении валютной картины финансового мира. Он стал важнейшим на макрорегиональном экономическом уровне:

- ❖ страны регионального объединения ALBA (латиноамериканский регион) вводят в обращение для взаиморасчетов денежную единицу SUCRE;
- ❖ создание единой валюты, которая встанет в один ряд с мировыми валютами, в настоящее время обсуждают шесть стран, входящих в Совет сотрудничества государств Персидского залива (зона ДИНАРа);
- ❖ российское руководство также приходит к осознанию важности перехода к расчетам во внутренних валютах в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства (ЕЭП).

Ущербность либерального капитализма стала очевидной, в результате чего мир движется к пониманию необходимости социальной регуляции капитализма.

В докладе Конференции ООН по торговле и развитию (UNCTAD) причиной мирового кризиса названа неэффективная система правил глобальной экономики, касающаяся валют и капитала. В 2009 году к идее создания единой справедливой мировой валюты присоединились Россия, Китай, Франция, Турция, а также бывший в то время главой МВФ Доминик Стросс-Кан, который заявил, что дискуссии по новой мировой резервной валюте (на основе СДР) являются «легитимными».

По мнению экспертов, такая реформа мировых финансов разрушит существующую Бреттон-Вудскую валютную систему, однако уже многие, поднявшись над потоком повседневности, понимают, что в мировой политике и экономике происходят тектонические сдвиги.

Очевидно, что необходимо менять всю концепцию регулирования глобальной экономической системы, а не просто ограничиваться принятием новых планов по стабилизации экономики. Если этого не делать, то неререформируемая финансовая система обрушится в одночасье, и тогда придется бороться с последствиями краха, вместо того чтобы провести превентивную санацию системы.

Формирование Мирового валютного консенсуса (МВК) — это для мировой экономики в значительной степени отдаленная цель. Уровень мировой интеграции еще недостаточен для введения новой мировой резервной валюты. На сегодняшний день одной из главных идей является идея о Мировом валютном полицентризме. Суть новаторства заключается в создании системы региональных и континентальных валютно-расчетных единиц взамен существующей моновалютной, что перераспределит финансовую нагрузку. Это ни в коей мере не уменьшает валютного суверенитета, парадокс состоит в том, что МВК — это способ его укрепления, насущная потребность развития в условиях достигнутого уровня региональной взаимозависимости национальных экономик.

Евразийскому пространству необходимо учесть этот опыт, и эксперты-экономисты всерьез рассуждают о введении новой региональной евразийской валюты — «еврази», хотя скептики сомневаются в возможности взаимоувязать 11 экономик Евразии. Но увязывать все одиннадцать экономик сразу нет никакой необходимости, можно последовательно реализовывать интеграционный потенциал евразийских стран, начиная с создания единой валюты в рамках Таможенного Союза, к которому страны-соседи могут присоединяться по мере их готовности. Интеграция нацелена на преобразование экономической взаимозависимости во взаимозаинтересованность.

Мировой Валютный Полицентризм — тактический путь демократизации валютного эмитента, восстано-

ния конкурентного баланса, а формирование Мирового валютного консенсуса — это уже стратегическая задача. Это сложный путь, но, как говорят китайцы, дорога в тысячу ли¹⁴ начинается с одного шага.

Евразийский валютный союз стран ЕврАзЭС может стать одним из центров реализации идеи МВП с собственной расчетной единицей под названием «ДЕНЬГА» — Денежная Единица Независимых Государств, которая объединяет и русскую, и тюркскую традицию и становится символом нового времени.

Деньга — русская серебряная монета, имевшая хождение в XIV–XVIII веках. О широте ее распространения говорит тот факт, что в течение XV в. ее чеканка зафиксирована в 25 городах от имени нескольких десятков правителей.

По существу, это первая собственная монета, которую чеканили русские княжества и которая получила широкое хождение, а впоследствии стала символом централизации русских земель. Золотые монеты рюриковичей (златники) киевского периода имели малое хождение и служили символами княжеской власти, в то же время средством платежа являлись византийские и арабские монеты. Чеканка деньг была прогрессивным явлением, которое вытеснило из платежной системы крупные куски серебра, а также натуральный обмен. Наличие такой монеты давало возможность осуществлять мелкие платежи и активизировало торговый оборот.

Взаимопроникновение культур затронуло практически все сферы жизнедеятельности. Так, русская монета называлась по наименованию тюркской серебряной монеты «таньга» («теньга»), которая ходила в обращении в среднеазиатских странах. Кроме того, слово «деньга»

¹⁴ Единица измерения расстояния в Китае.

как собирательное название платежных средств — деньги — вошло в употребление в тот же период.

Московский счетный рубль составляли 200 монет, которые чеканились из весовой гривны серебра. Начало производства серебряной *деньги* в Москве относится к XIV веку. Надо учитывать, что как реальная монета рубль тогда еще не существовал и *деньга* была основной денежной единицей московского княжества.

Во второй трети XVI века, в 1534 году, в связи с централизацией Русского государства Елена Глинская провела необходимую унификацию чеканки монет. Денежная реформа стандартизировала чеканку московской и новгородской *деньги*, или «московки» и «новгородки». При этом существовал обменный курс, при котором две «московки» равнялись одной «новгородке». Копейка получила свое название из-за изображения на аверсе «новгородки» всадника с копьем. В отличие от новгородской *деньги* на аверсе «московки» изображался всадник с саблей. Московский счетный рубль составляли 100 «новгородок».

Деньга была довольно долго основой русской системы денежного обращения. Петр I ввел в обращение медную копейку, а *деньга* стала стоить $\frac{1}{2}$ копейки. Эта денежная система действовала до буржуазной революции в России в 1917 году и последующей реформы денег. «Деньга» как обозначение номинала просуществовало до 1838 года, в последующие десять лет обозначение изменилось — « $\frac{1}{2}$ копейки». В дальнейшем, в 1849–1866 годах, обозначение «деньга» вернулось в виде «денежки» и окончательно закрепилось в виде « $\frac{1}{2}$ копейки» с 1867 года. С тех пор слово *деньга* больше использовалось в нарицательном значении.

Евразийская реализация идеи МВП способна создать такие условия, при которых другие республики СНГ окажутся в поле гравитационного притяжения единой ва-

люты и общего экономического пространства. Но это не предполагает поглощения всех национальных валют. В Европе есть страны, дистанцирующиеся от еврозоны частично или полностью: это Великобритания, имеющая прочные позиции фунта стерлингов как резервной валюты всего британского содружества, Швейцария, занимающая обособленную, но крайне выгодную позицию центральной страны со специфически рынком.

В результате образования евразийского финансового центра мировая финансовая система стала бы гораздо стабильнее в силу того, что принцип полицентрации сообщает системе большую устойчивость.

В согласованной финансовой политике стран ЕЭП введение единой валюты — самый дебатированный вопрос. Про введение единой валюты ЕЭП сегодня говорят многие эксперты и государственные деятели, причем одни говорят о ее скором введении, другие утверждают обратное. Но дело не в том, скоро или не скоро будет введена новая общая валюта, а в том, какими должны быть условия для ее введения.

Введение в ЕЭП единой валюты, по мнению председателя коллегии ЕЭК Виктора Христенко, в краткосрочной перспективе неактуально; его коллеги по комиссии из Беларуси, Казахстана и России поддерживают эту точку зрения. Однако тот же Виктор Христенко справедливо считает Валютный союз высшей формой интеграции, а значит, в качестве целевого ориентира единая валюта евразийского союза — явление неизбежное.

Появление новой валюты можно рассматривать и как стимулирующий фактор, и как завершающую стадию создания единого рынка. Очевидно, что этому будут способствовать следующие факторы:

1. Крупная региональная интегративная система эволюционно, с ростом объема рынка и увеличения транзакций, приходит к расчетам в национальных

валютах участников интеграции, вслед за этим формирует свою валютную зону. Единая платежная система в условиях ЕЭП необходима.

2. Нестабильность мировых резервных валют, активность других региональных зон в создании своих валютных зон стимулирует решение о создании региональной валютной зоны.

Введение единой валюты будет по-настоящему ощутимым прорывом в интеграции. Как следует из мировой практики, она будет первым делом апробирована как расчетная единица и только затем сможет получить статус реальных платежных денег. Практические и символические выгоды этого решения можно прогнозировать с уверенностью. Практические — это экономия издержек на обмене, снятие символических ограничений для восприятия единства экономического пространства всеми участниками рынка. Есть серьезная уверенность в том, что новая валюта должна быть новой во всем, в облике и в названии, поэтому переход на новые деньги будет важным символом новой общей судьбы народов евразийского союза.

Организация диалога

Ситуативная гибкость европейской интеграции заключается в том, что в ней не просматривается стремления создать универсальную структуру интеграционных институтов или их управленческую вертикаль. Это очень важная установка на децентрализованную, другими словами — сетевую интеграцию, в которой появление новых институтов или исчезновение старых обусловлено решением конкретных задач. Причем эти институты подчинены не по вертикали друг другу, а исключительно интересам дела.

Таким образом, для управления делами сообщества можно организовать гибридную систему, в которой

помимо верховных органов существует как возможная сеть предметных институтов. Каждый такой институт, состоящий из представителей стран-участников интеграции, — это независимая от вышестоящего органа коллегия экспертов, которая кооптируется из постоянно действующего представительного органа интеграционного образования. Такая сетевая система институтов регулирования для евразийской интеграции могла бы быть эффективной по ряду направлений.

Во-первых, она отвечает тренду полицентризма и способствует укреплению устойчивости системы, подобно сети Интернет, которая не имеет уязвимого центра, угроза которому парализовала бы всю сеть.

Во-вторых, позволяет регулировать бюрократическую нагрузку на интеграцию, которая в связи с разрастанием институционального аппарата может поглотить все преимущества интеграции.

В-третьих, позволяет компромиссно смещать акценты с национального и наднационального уровней в сторону вненационального регулирования. Вненациональными структурами могут быть разрешены вопросы развития региональных массивов, затрагивающих территорию ряда соседних стран, ведающие вопросами регионального развития некоего комплекса, например, акватории Черного моря, бассейна северных рек, какого-либо промышленного региона, географического массива.

Деятельность таких институтов интеграции распространялась бы не на все страны, а лишь на регионы с их юрисдикцией. К работе подобных вненациональных органов могли бы подключаться и страны, пока не включенные в общие интеграционные образования, но заинтересованные в развитии территорий. Тем самым евразийская интеграция в проекте предстает как сеть институтов наднационального, вненационального, межгосударственного формата в рамках евразийского

пространства. Сетевая структура интеграции без стремления к сильной «вертикали власти» представляется более адаптивной, нежели централизованная.

В этой концепции находит свое место представительный орган евразийского союза. При заимствовании модели евразийская интеграция спешит походить на европейскую — отсюда стремление оснастить ее всеми аналогичными институтами, в том числе сформировать евразийский парламент. Существующий как консультативный орган, Европаламент — многоголосый и демократичный — сегодня действительно представляет практически всю Европу. Начав свою историю в 1957 году, насчитывая тогда 78 депутатов, к настоящему времени он вырос в 10 раз: сегодня в нем 751 человек представляют 27 стран.

Такой институт в условиях евразийской интеграции если и не будет обладать законотворческими полномочиями, то сможет быть полезен в следующих качествах:

- ❖ как общественная трибуна для обсуждения евразийских вопросов;
- ❖ как хорошая площадка для начала политической карьеры;
- ❖ как удобное место для ее завершения.

Не подходит для евразийских условий и порядок формирования Европарламента из-за радикальной диспропорции стран ЕЭП в количестве населения и по другим параметрам. Формирование его по принципу представительства законодательных органов стран — участников ЕЭП на первом этапе приемлемо, но принципы демократизма все же располагают к выборности депутатов. В этой связи было бы целесообразно проводить выборы из кандидатов на всей территории Евразийского союза, чтобы люди могли голосовать за политиков, выступающих в интересах общих задач, независимо от страны их происхождения (в пределах ЕАС). Если совместить функции обществен-

ной трибуны и функции институтов (комитетов) по внешне-национальным предметам ведения, то евразийский представительный орган был бы оправданным и важным институциональным звеном интегративной структуры.

3. Государство и суверенитет под прицелом глобальных тенденций

Идея о том, что обладающая собственными энергоресурсами страна может быть абсолютно самостоятельной, оторвана от действительности мирового разделения труда и баланса сил в мире. Во-первых, такие страны формируют свой бюджет от доходов экспорта энергоносителей на 40% и более, а потому просто не могут не продавать свои богатства вне зависимости от цены. Во-вторых, применить внутри страны свои избыточные ресурсы их обладатель, как правило, не может по причине отсутствия энергоемкой экономики и узости внутреннего рынка. Внешние же рынки, как известно, уже разделены. Наконец, мировой расклад сил сложился таким образом, что страны-экспортеры углеводородов не в силах осуществлять самостоятельную энергетическую политику, ибо подобные попытки чреваты противодействием.

В условиях сокращения мирового запаса углеводородов добровольность присоединения к какому-либо региональному блоку стран, обеспечивающих коллективную безопасность, становится залогом предотвращения принудительного союзничества. У каждой из стран средней и малой размерности свои мотивы региональной интеграции. Принципиального преимущества на-

личие или отсутствие углеводородов не несет. Тенденции развития мирового рынка — вот беспощадная империя, пролагающая дорогу интеграции.

И тут мы встречаемся с противоречием: интеграция — это путь защиты суверенитета или угроза ему? Углубление интеграции, упирающееся в национально-государственный суверенитет, относится к классу проблем, вытекающих не из факта, а из отношения к факту.

Факт, последствия которого кажутся более всего угрожающими суверенитету, — несоответствие участников интеграции. Для обсуждения этой темы удобна акционерная терминология, в соответствии с которой малые страны в интеграционных проектах будут называться миноритариями. Это принятый на финансовых рынках и вполне приемлемый в данном контексте язык.

Вопрос равенства статусов участников интеграции при их неравенстве фактическом всегда будет возникать. Его разрешением в практической плоскости является принцип принятия решений, одобренный всеми представителями стран-участников, однако это не позволяет снять претензии по поводу неравенства. В рядах скептиков часто звучит идея о том, что интеграция должна быть союзом равных в каком-то абсолюте. При всей условности понятия равенства рассмотрим, в каких плоскостях сближения относительное равенство может быть как предметом консенсуса, так и реальностью.

Евразоскептики кивают на размеры России как на препятствие интеграции. Конечно, чувственное восприятие дает пропаганде великолепную почву. Но давайте чуть углубимся. Например, посмотрим, как сформирован уставной капитал Банка ЕАБР. Он сформирован за счет взносов государств-участников в размере: Россия — 1 млрд, Казахстан — 500 млн, Беларусь — 15 млн, Таджикистан — 500 тыс., Армения — 100 тыс., Кыргызстан — 100 тыс. долл. США. Претензий в отношении неравного распределения взносов, насколько нам из-

вестно, нет. Такая ситуация считается приемлемой. Зайдем с другой стороны. В состав сил КСОР входят следующие соединения, части и подразделения стран — участников ОДКБ. Россия: 98-я воздушно-десантная дивизия, 31-я гвардейская десантно-штурмовая бригада; Казахстан: 37-я Десантно-штурмовая бригада Аэромобильных войск, Батальон морской пехоты; Армения: 1 батальон; Беларусь: 1 бригада спецназа; Кыргызстан: 1 батальон; Таджикистан: 1 батальон. Значительное неравенство в соотношении российских военных и военных других стран в численности личного состава сил КСОР тоже не дебатруется.

Теперь обратим внимание на соотношение рынков. **Диаграмма 2** показывает соотношение населения стран Таможенного союза в 2012 году (в млн чел.)¹⁵.

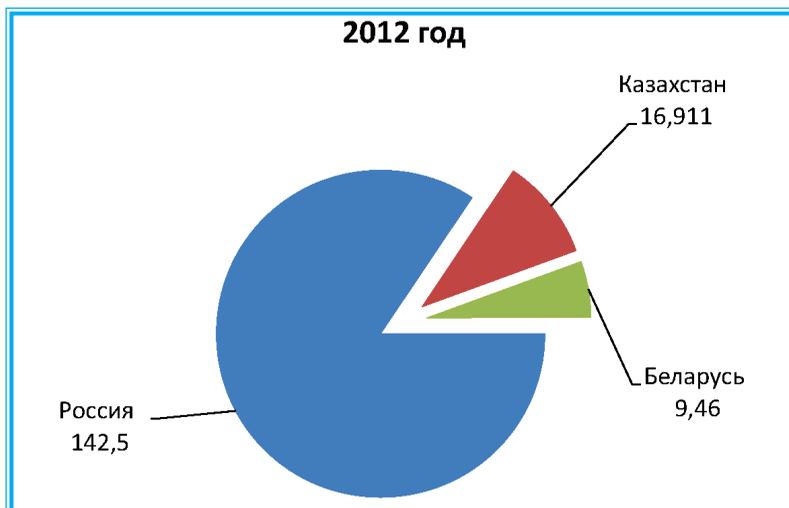

Диаграмма 2: Соотношение населения стран Таможенного союза в 2012 году (млн чел.)

¹⁵ Eurostat (<http://www.census.gov/population/international/data/idb/region.php>)
United States Census Bureau (<http://www.census.gov/population/international/data/idb/region.php>)

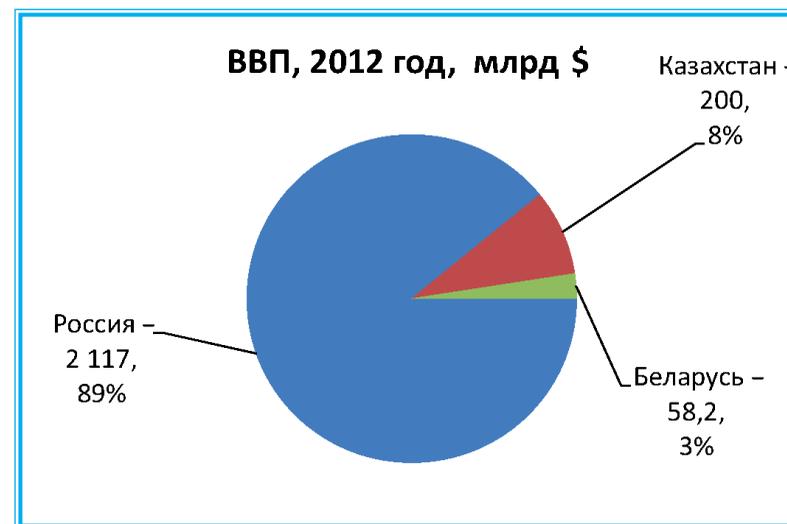

Диаграмма 3: Соотношение номинального ВВП стран Таможенного союза в 2012 году

А **диаграмма 3** — соотношение ВВП стран Таможенного союза в 2012 году¹⁶.

По экономическому потенциалу Россия превышает совокупные показатели стран-союзников в 6,5 раза — это одна из особенностей евразийской интеграции, которую нельзя не изменить, не отменить. Это соотношение будет меняться только с вовлечением соседей по СНГ в более глубокую интеграцию. Европейская модель не содержит никакого более оптимального решения вопроса равенства, кроме порядка принятия решений: одна страна — один голос. Однако надо понимать, что условия европейской интеграции были несколько иными.

¹⁶ http://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.PCAP.CD/countries?order=wbapi_data_value_2011%20wbapi_data_value%20wbapi_data_value-last&sort=asc&display=default

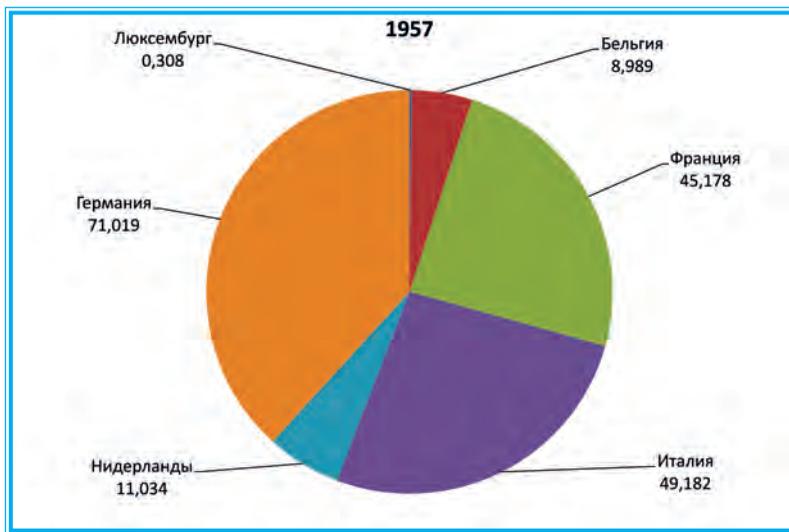

Диаграмма 4: Население стран ЕОУС в 1957 году

Взглянем на **диаграмму 4**. Население стран ЕОУС в 1957 году¹⁷.

По численности населения явно лидирует Германия, но ее лидирующую позицию нельзя назвать доминирующей. Процесс формирования Евросоюза скорректировал и это лидерство.

Рассмотрим **диаграмму 5**. Население стран Евросоюза в 2012 году¹⁸.

¹⁷ Eurostat (<http://www.census.gov/population/international/data/idb/region.php>)

United States Census Bureau (<http://www.census.gov/population/international/data/idb/region.php>)

¹⁸ Eurostat (<http://www.census.gov/population/international/data/idb/region.php>)

United States Census Bureau (<http://www.census.gov/population/international/data/idb/region.php>)

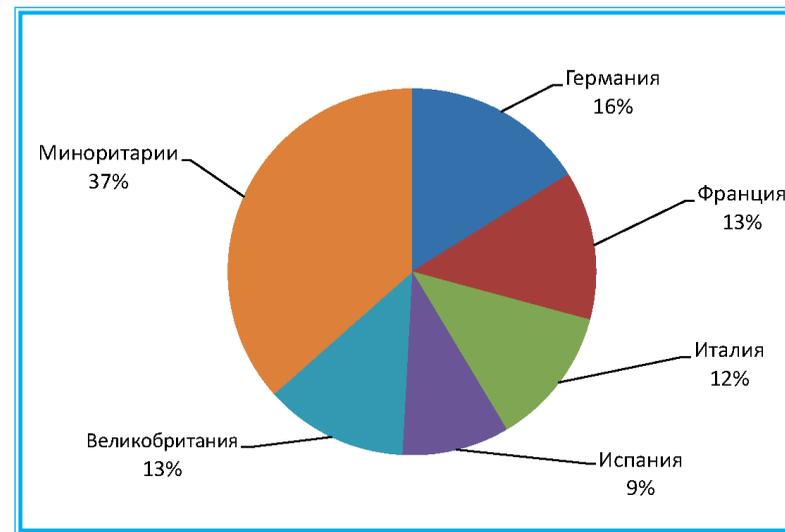

Диаграмма 5: Соотношения населения стран ЕС в 2012 году

На этой диаграмме видно, что доля Германии по численности населения в ЕС сократилась более чем вдвое. Миноритарии составляют уже около половины населения Евросоюза и подавляющее число голосов, причем их вклад в ВВП Евросоюза едва составляет одну четверть, что хорошо видно на **диаграмме 6**: соотношение номинального ВВП стран ЕС в 2012 году¹⁹.

Здравый взгляд на сравнение потенциалов стран — участников евразийской интеграции показывает существенное неравенство экономик, ресурсов, населения, политического влияния. Этот факт изменить нельзя, но

¹⁹ Eurostat (<http://www.census.gov/population/international/data/idb/region.php>)

United States Census Bureau (<http://www.census.gov/population/international/data/idb/region.php>)

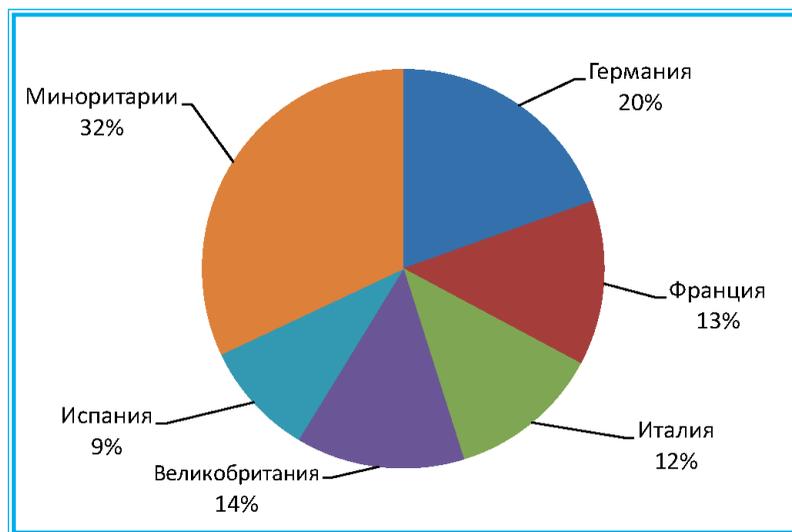

Диаграмма 6: Соотношение номинального ВВП стран ЕС в 2012 году

можно изменить к нему отношение, переводя внимание с экономических и политических сравнений, где возможно установить иерархию, на сравнения культурного характера, в которых сравнение показывает исключительно разнообразие и описывает богатство, а не положения верха и низа.

4. Интегративная роль государства

Пропагандистский миф о невидимой руке рынка так и не смог переломить решающую роль государства в становлении прогрессивных технологических укладов. Рука, творящая прогресс, всегда видима, и в зависимости от условий она берет тот инструмент, который способен выровнять изгибы общественного развития. С позиций социологии, анализирующей структурно-функциональный образ общества, политическая подсистема общества функционально ответственна за целеполагание. Поэтому государство берет на себя функции проектирования будущего страны и общества. Технологическая модернизация любой из развитых стран проводилась благодаря политической воле государственной власти. Благодаря жестким решениям правительств весомая доля национального дохода вкладывалась в развитие, в новые технологии, в подготовку кадров. Эту модель модернизации успешно реализовали СССР, Германия, Израиль, Япония, Южная Корея (где до 40% внутреннего продукта волевым образом перераспределялось в технологическое развитие), Сингапур и другие страны, включившиеся в индустриальную гонку XX века.

Поэтому первый тезис в ряду необходимых сущностных условий технологической модернизации — это превалирующая роль государства, увеличение в разы его волевых, властных, интеллектуальных и ресурсных усилий на модернизационном направлении.

Одно из наиболее актуальных приложений государственной воли, напрямую касающихся компетенции власти, — приоритетная защита интересов национальных компаний на любых рынках, прежде всего — на внутреннем. Рынок хай-тек — сфера весьма прибыльного бизнеса, и новым компаниям, идущим в русле догоняющего развития, практически невозможно выйти на рынок

с аналогом уже закрепившемуся лидеру. Конкуренция здесь настолько сурова, что крупные компании обычно предпочитают скупать конкурентов, нежели вести изнуряющую борьбу. Если государство имеет намерения и возможности развивать свой хайтек-сектор, оно неизбежно столкнется с дилеммой: помогать нарождающимся национальным компаниям в отвоевывании внутреннего рынка или оставаться безучастным к тому, что внутренний рынок заполнен ввозимой продукцией только по факту первенства или благодаря поддержке этих производителей своими правительствами. Государство, твердо ставшее на путь модернизации, пойдет по первому пути.

Другая важная сфера приложения усилий государства — создание тепличных условий для ростков нового в приоритетных технологических сферах. Известно, что кредитные ставки на заемные средства, благоприятные для выживания хайтек-инноваций равны 5–6%. Поэтому государство должно определиться: создавать условия для разнообразия проектов, с тем чтобы их количество переросло затем в качество экономики высоких технологий, или достаточно иметь витринные проекты, обозначающие намерения государства следовать мировым трендам. Осуществляя данный выбор, нужно помнить о принципе эффективности по Парето: 20% усилий определяет 80% результата. Следовательно, область результата можно увеличить исключительно путем расширения области усилий, в которых только $\frac{1}{5}$ будет давать $\frac{4}{5}$ всей эффективности. Думается, что вторая стратегия, будучи значительно более легкой в исполнении, способна привести лишь в мир иллюзий, а не в мир технологического прогресса. Эта стратегия может быть выигрышной для страны, делающей первые шаги в модернизации, когда терапия малых успехов и их широкая информационная поддержка несет вдохновляющий посыл, а сам объект

имеет смысл создавать как матрицу, легко воспроизводимую для копирования и умножения успеха. Для крупных стран этот путь непрактичен. Опыт СССР и Китая в технологической модернизации в условиях догоняющего развития — это предельная мобилизация всех ресурсов и методов, от прямой закупки изделий, технологий, оборудования, кадров, создания жестких планов до идеологической возгонки и промышленного шпионажа, а уже во вторую очередь — свободное творчество и пиар-акции, которые эффективны в условиях насыщенного рынка.

Третья государственная стезя — управление наукой. Помимо усилий в области повышения общественной значимости научного знания и образования стоит акцентировать внимание и на таком аспекте, как госзаказ на продукцию научной деятельности. Практика во всем мире показывает, что научные сообщества плохо ставят цели. В ведущих странах современного мира наукой управляют уверенно и жестко, и хотя ученым, конечно, никто не приказывает, как и чем им заниматься, управление осуществляется главным образом путем финансирования, адресность которого отражает национальные приоритеты в области научных исследований.

В рамках этой же компетенции — патронаж государства, а на первых порах в прямом смысле опека и попечительство над системой бизнес-инкубирования. Известно, что во всем мире механизм реализации инновационной идеи в высокотехнологичный продукт путем создания авторами идеи малой инновационной компании оказался крайне высокоэффективным. Поэтому синтез инноваторской мысли с образовательно-научными центрами, инвестиционными и производственными ресурсами, там, где он жизненно необходим, — прерогатива государства. Опыт внимания и поддержки со стороны правительств и местных органов власти всех промышлен-

ленно развитых стран — более чем убедительный довод в пользу развития этой компетенции государственной власти. Так, господдержка малых инновационных предприятий в США составляет порядка 5,4 млрд долларов в год, а в Германии — порядка 2 млрд евро.

Современное государство выступает напрямую в качестве основного заказчика и потребителя результатов инновационных исследований. Не будет преувеличением сказать, что во всем мире именно государственная потребность, выраженная в непосредственном заказе на изобретение, решающее его функциональные задачи более эффективным способом, чем прежние, формирует научную и промышленную базу страны. За исключением государства, на этом поприще выступают только крупные корпорации, и те зачастую для того, чтобы обеспечить выполнение госконтракта. Все институты инноваций — венчурные предприятия, университеты, ученые, изобретатели, лаборатории — устремляют свой взор в сторону государства в ожидании постановки амбициозных задач, за которыми идет финансирование и успех.

Умная модернизация — это не схоластическая дискуссия о том, что важнее: модернизация или инновация, и как мы будем понимать этот и другой термин в свете последних интеллектуальных веяний. Умная модернизация — это понимание того, как и что надо делать в последовательности, что модернизировать, что инновационировать и зачем.

Если взять для примера простую, всем известную аналогию — «пираму потребностей», согласно теории Абрахама Маслоу, то модернизация — это то, что обеспечивает потребности базового уровня: физиологические потребности, безопасность, а инновации — то, что обеспечивает потребности верхних уровней — принадлежность, причастность, признание, самоутверждение, самоактуализацию.

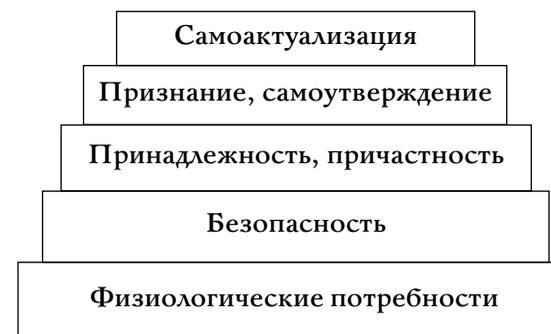

Рис. 1. «Пирамида потребностей» А. Маслоу.

Для того что набрать создать необходимый материально-технический и научный базис для выхода на следующий качественный уровень потребностей общества в целом, необходимо осуществить технологическую модернизацию, или, как принято говорить в более конкретной терминологии, реиндустриализацию.

Реиндустриализация, предполагающая и технологические заимствования и собственные ноу-хау, — это модернизация в ее конкретном смысле, обеспечивающая национальную безопасность и среднестатистический стандарт жизни. Сырьевая направленность и экспорт природных ресурсов, которые свойственны развивающимся странам, в реальности укрепили экономику до такого состояния, что позволили проводить реиндустриализацию избирательно.

Методология ее осуществления довольно прозаична: дополнительные финансовые и налоговые стимулы, развитие государственного сектора экономики в жизненно важных отраслях с низкой долей рентабельности дают толчок быстрому движению вперед. Приобретение и внедрение новейших зарубежных промышленных технологий является неизбежным и вполне нормальным процессом.

В СНГ ощущается острая потребность в реиндустриализации, нужна новая промышленность, отвечающая современным стандартам. Следует отметить, что особенность нынешнего состояния экономик стран-соседей состоит в том, что они вынуждены одновременно решать задачи и догоняющего, и опережающего развития. Поэтому интеграция дает уникальный шанс оптимизировать процесс реиндустриализации. В частности, целесообразно организовать абсолютно новую, межгосударственную интеграционную компанию, с достаточно большим фондом, позволяющим покупать новые технологии (промышленные линии) как внутри зоны ЕврАзЭС, так и вовне, а затем материализовать эти технологии в производство конкурентной продукции. Тем самым наши государства могут создать спрос на формальную интеграцию со стороны частных структур.

Некоторые эксперты считают, что о промышленной политике в ее традиционном виде следует забыть и переориентироваться исключительно на инновационные горизонты. Так можно говорить, сравнивая Россию и Казахстан со странами Евросоюза из первой пятерки. Лестное сравнение, но неверное: европейские лидеры — в прошлом колониальные державы, удерживающие довольно прочные связи со своими колониями и после их освобождения. Связи по типу «донор» — «реципиент» работают сегодня таким образом, что образуют некую целостность. В странах-донорах развивается промышленность благодаря низким издержкам производства, а в странах-реципиентах — инновационная сфера.

Страны Евразийского союза исторически находятся в ином положении, их развитие происходило за счет внутренней мобилизации и интегрирования. Отставание в базовых отраслях низводит их на уровень доноров второго порядка и усугубляет отсталость. Доходы от продажи ресурсов уходят в обмен на импорт товаров первой не-

обходимости и безопасность, что мешает создавать накопления для инновационного рывка. Тем временем Китай и Индия проявляют высокую активность на технологическом направлении. Наличие крупных финансовых средств позволяет им покупать технологии и организации, которые эти технологии создают, а также инфраструктуру их внедрения и продвижения до потребителя.

Практически невозможно реализовать сценарий опережающего развития, оставаясь в заданной мировым разделением труда роли добывающего кластера. Это удел стран третьего мира. Только на основе развитой индустрии появляется возможность цивилизационного прогресса. Итак, прежде чем переходить к постиндустриальной экономике и мечтать о новом и невероятном, необходимо надежно обеспечить базовые потребности. Без индустриальной базы, обеспечивающей элементарные потребности, не обойтись. Проще это сделать в интеграционной кооперации, а далее необходимо пользоваться наработанным мировым постиндустриальным багажом для выравнивания возможностей в глобальном масштабе. Совместное развитие новых направлений — единственный механизм инновационного развития.

Заглядывая через голову завтрашнего дня в ближайшее будущее, можно увидеть воплощение самых фантастических мечтаний. Но научное прогнозирование — неутомимый реализатор и вместе с тем разрушитель фантазий — уверенно свидетельствует о том, что ближайшее десятилетие станет рубежным, разделяющим «старую» в технологическом смысле современность и «новую». Речь идет о новом технологическом укладе — шестом по счету, согласно теории циклов русского ученого Николая Кондратьева²⁰.

²⁰ Русский и советский экономист, основоположник теории больших циклов экономической конъюнктуры.

Согласно расчетам академика Сергея Глазьева, пятый технологический уклад, связанный с информационно-телекоммуникационным комплексом, исчерпывает свой ресурс. Новый — VI технологический уклад предполагает доминирование следующих технологий:

1. Биотехнологии, новая медицина.
2. Наноматериалы и конструкции, робототехника, искусственный интеллект, лазерная техника.
3. Энергосберегающие технологии, снижение углеродной зависимости, автономные сети.
4. Усадебная урбанизация «тканевого» типа, города-полисы. Новое природопользование (экотехнологии).
5. Технологии обучения, социального проектирования и управления.

В настоящее время степень внимания государств к этим отраслям технологического развития определяет, какие страны будут лидерами через десять лет. Все развитые страны разрабатывают соответствующие прогнозы и строят планы. Основные направления модернизации, утвержденные на государственном уровне в странах ТС, во многом совпадают с технологиями VI уклада. На первый план выходят задачи по энергоэффективности и энергосбережению, а также разработке новых видов топлива; использованию ядерных и космических технологий; в медицинской сфере — по использованию новейших достижений; необходимо использовать стратегические информационные технологии, включая вопросы создания суперкомпьютеров и разработки программного обеспечения.

Задача обеспечить себе достойное место среди развитых стран требует безотлагательного решения, и для того чтобы успеть на последнюю электричку в будущее, необходимо создать общую программу технологического лидерства. Исторический опыт есть. В свое время

именно СССР, как интегративное образование своего времени, выиграл гонку за IV уклад, в котором определяющую роль играли машиностроение, тяжелая промышленность и энергетика.

Совпадение интересов в развитии приоритетных направлений модернизации стран-партнеров по евразийской интеграции — это уникальная возможность совместить общие усилия в проверенной временем интеграционной модели для достижения наибольшего эффекта. Есть общее понимание того, что развитие космоса и ядерной энергетика — это выигрышные ориентиры модернизации. Это якорные отрасли, которые в силу присущей им наукоемкости тянут за собой смежные исследования и разработки. Кроме того, будучи «закрытыми темами», космос и мирный атом выигрышны тем, что исподволь вынуждают опираться на собственные силы, поддерживая на должном уровне соответствующую образовательную, научную, опытно-конструкторскую инфраструктуры. Энергетика в целом, являясь преобладающим компонентом экономического потенциала наших стран, обладает наиболее высокой конвертируемостью в интегративные формы.

Выбор якорных отраслей является, по сути, отголоском надежного принципа диалектического материализма: изменять то, что изменяет. Как в свое время производительные силы были определены двигателем общественного прогресса, так и в постиндустриальную эпоху замены им не нашлось. Интеграция, как представляется, будет способствовать изменению вектора развития сил в пользу роста производительных сил над ростом непроизводительных, т.е. бюрократических. Наконец, государство и само необходимо рассматривать не только как субъект, но и как объект инноваций. Для инновационной экономики будущего характерны развивающиеся тенденции децентрализации

валют, дематериализации финансов и денег в целом. Модернизация управления прочно вклинивается в повестку дня модернизирующегося общества. Чтобы соответствовать возросшим требованиям современных условий и провести модернизацию, необходимо изменить методы руководства и работы: во главу угла поставить личную социальную инициативу и ответственность за принятие решений вместо административно-командного управления.

Часть III. Общество и интеграция

1. Социальная динамика и евразийские ценности

У словие, без которого многие ценные усилия по интеграции на евразийском пространстве будут бесплодны, — общественное сознание, готовое и заинтересованное к участию в общем интеграционном процессе. Нелегко вдруг ощутить себя жителем огромной, необъятной Евразии, расстаться с привычкой мышления, ограниченного собственным домом. Для этого нужны веские причины: ментальный сдвиг невозможен без материально ощутимой динамики, но человеческому разуму под силу мысленный охват объектов, превышающих его собственные параметры. Любовь к своей стране — уже сознательное отождествление себя с объектом, несоизмеримым с отдельным человеком.

Ментальный сдвиг в сторону евразийской идентичности станет реальным, если выгоды окажутся реальными; выгоды же станут реальными, если социальная динамика наберет высокий темп. Это окажется возможным, если социальные лифты смогут обновлять элиту с большей частотой, что позволит максимальному числу людей участвовать в решении жизненно важных вопросов во всех сферах: в политике, бизнесе, культуре. Такое явление, как социальная динамика, является условием осознания успешности интеграции. Успешный социум — тот, в котором

каждое последующее поколение не опирается в предыдущее, в котором горизонты развития и самореализации не закрыты достигшими успеха предшественниками. Это общество, в котором для движения прокладываются новые пути, новые траектории социальных лифтов, образуются новые возможности и условия для достижений, чем устраняется опасность уничтожительной конкурентной битвы за единственное место под солнцем. В этой связи показателен лидерский пример Казахстана, президент которого, Нурсултан Назарбаев, смог построить страну в многоярусную интеграционную систему, во многом им же созданную. В политике Казахстана интеграция как стратегия национального успеха прослеживается довольно четко, и этот пример пригоден для России и Беларуси.

Самая совершенная политическая и экономическая инфраструктура, выстроенная для интеграции, обречена, если она не подкрепляется энергией активных личностей. Ключевая роль в «выстраивании» Евразийского интеграционного проекта должна быть отведена как личной, так и гражданской инициативе, ведь в конечном счете целью интеграции является воссоздание единого пространства доверия, чтобы каждый человек в любой точке Евразии органично вписывался в знакомую культурную среду.

В связи с переходом человечества к постиндустриальной фазе формируется новая модель культуры, культурные ориентиры нового времени. В существующих философских, религиозных системах нет ответов на то, какими они должны быть. Евросоюз в последние годы заметно утратил цивилизаторский пыл, видимо, привыкнув к комфортной европейской квартире. Ее антипод — тяготеющий к фундаментализму Восток, обескровленный междоусобицей и мстью, — не в силах предложить культурный проект. Нарастающий свою мощь Китай, претендующий

на роль лидера индустриальной цивилизации, малопривлекателен как образ соотнесения, поскольку «просвещенному» человечеству известны стремления более амбициозные, чем прирост экономики в процентах. Прагматизм существенно сдал позиции. Таким образом, вокруг Евразийского союза образуется любопытный вариативный комплекс культурных моделей, в отличие от которых (во имя своей идентичности) ЕврАзЭС будет вынужден комбинировать свои культурные доминанты в собственной системе координат. Это существенная диалектическая предпосылка для становления новой интегративной культуры на Евразийском пространстве.

Новые технологии влекут за собой новое качество жизни человека. Интерес к развитию его внутреннего мира является заслугой гуманизма второй половины XX века. В прежние времена под тяжестью императива выживания было не до размышлений о человеческом измерении. В современном обществе задача сохранения человеческого потенциала вышла на передний план. Для евразийского пространства проявление заботы о человеческих ресурсах является предпосылкой для выстраивания стратегии будущего.

Нужно признать, что либеральные надежды на невидимую руку рынка, на бескорыстную помощь развитых держав, на беззаветную дружбу с соседями себя не оправдали. В мире, где лишь ясный и отчетливый собственный интерес движет странами, можно рассчитывать исключительно на собственные силы. Бесполезно просто импортировать удачные модели устройства, потому что у нас другие исходные условия. Опыт — единственное, чего нельзя приобрести за деньги. Теперь на вопрос, можно ли передоверить собственное жизнеустройство в чужие, пусть весьма профессиональные руки, ответ отрицательный. Но можно ли перенять элементы жизненного успеха в развитых странах? Ответ положительный. Не всегда в ли-

дерах оказывается автор идеи, но зачастую тот, кто подхватил и развил ее. Политологи правы в том, что Евразия вовсе не обеспечена автоматическим успехом, в истории успех никогда не гарантирован. Создать общую Евразию, кроме ее жителей, не сможет никто. Ректор МГУ им. М.В. Ломоносова Виктор Садовничий точно заметил, что наш народ талантлив, но чтобы все это сделать, необходимо гений ученого, мыслителя и государственная поддержка его идей, то есть синтез воли, таланта, самодисциплины и жажды работать во благо общества.

Реализации практического евразийства способствует не только географическая близость стран евразийского пространства. Согласно ежегодным исследованиям «евразийского монитора», эмоциональной основой евразийской интеграции остается высокий уровень взаимного интереса и доверия народов Евразии, среди которых желающих посетить хотя бы одну из стран СНГ больше $\frac{2}{3}$ населения. Спустя два десятилетия размежевания до половины граждан независимых государств имеют близких родственников за пределами своих стран и столько же поддерживают постоянные контакты с зарубежными друзьями. Основные центры притяжения — это Россия, Казахстан и Украина. Другой прочно связывающей основой является генетическое сходство образовательных систем. В этой плоскости перед странами Евразии стоит проблема сохранения и наращивания интеллектуального потенциала, причем это проблема не только Евразийского пространства, она не решена и в других регионах. Утечка мозгов — феномен либерализации внешнеэкономических связей, и в благополучных европейских странах также продолжается отток ученых за океан или в коммерческие структуры.

В двустороннем порядке решать проблему утечки мозгов непросто, ведь страны СНГ, согласно своим законодательствам, фактически не могут финансировать

научные проекты с участием зарубежных коллег. Эту проблему нужно решать в рамках интеграционных институтов для обеспечения совместных исследований и разработок. Данные меры способствовали бы более эффективному внедрению совместных достижений в общих интегрированных производственных структурах международного характера. Тем самым можно избежать не всегда оправданных революционных изменений в собственных национальных научных структурах, но при этом создавать новые — на интеграционной основе. Эта мера — действенный стимул к внутренней конкуренции между наднациональными, новыми научными структурами, которые будут стремиться к самоутверждению и результативности, работая на свой авторитет, и национальными структурами, которые получили бы толчок к естественному процессу изменений. Можно создать систему, при которой будет больше источников финансирования, и в то же время у государства будет возможность оценить предложения широкого круга разработчиков с целью оптимизации бюджетных расходов. Более высокая конкуренция при получении финансирования будет отсеивать заурядные проекты. Интересен опыт американских научных центров, где в грантовой политике больше гибкости и меньше организационной бюрократии. Не менее важно проводить работу с общественностью, чтобы разъяснить ей позитивные аспекты исследований. Евразийская общественность должна знать, что бизнес, власть и ученые работают на общее благо.

Практичность — один из ценностных стержней евразийства. Концентрация усилий на развитии естественных, точных и технических наук есть условие преодоления отставания в этих областях, наметившееся в последние годы во всех странах СНГ. Научно-технологическая состоятельность — основа самостоятельности политической, но чревато последствиями и отставание в гуманитарных

дисциплинах, поскольку гуманитарное знание стоит в первых рядах борьбы за умы и ценности людей. Духовная несамостоятельность ведет к жалкому марионеточному существованию.

Зарубежным интеллектуалам удалось распространить расистскую концепцию о разделении интеллектуального труда на естественнонаучный, который якобы свойственен западному типу мышления, и гуманитарный, к которому будто бы тяготеет восток. Это грамотно навязываемый миф, который потакает лениости ума, предпочитающего предаваться туманным размышлениям вместо напряженной работы на практический результат. Такой ум находит здоровой ложную мысль о превосходстве созерцательного типа сознания над практическим разумом. А сам миф о географических типах мышления выгоден тому, кто внедряет его в целях интеллектуального диктата. Снижение интереса к науке и технике в стране ведет к ослаблению ее потенциала, превращая «гуманитарные» страны и регионы в отсталую периферию, потребляющую неизвестно откуда берущиеся блага цивилизации, да и то по остаточному принципу.

Характерно, что такой уклон в развитии знаний, мягко говоря, поощряется нашими западными партнерами, откуда идут настоятельные рекомендации уделить больше внимания гуманитарному образованию и игнорировать технические знания. Часто это преподносится под видом развития экологического сознания, которое необходимо формировать у детей, внушая им идею вреда, наносимого человечеству научно-техническим прогрессом. Используется и другой мотив отказа от фундаментальной науки — противостояние разрушительного для природы техногенного мировоззрения Запада и благостно-созерцательного гуманитарного мировоззрения Востока.

Сомнительна и такая духовная ценность восточного мышления, как отрешенность. Неважно, кто внушает

идею о том, что Восток, Азия в частности, — это место, где мышление созерцательно, и от благ цивилизации следует уходить к благам природы. Эта идея глубоко лжива, и долг интеллектуальной общественности Евразии изменить идейную направленность информации о самих себе, чтобы избавиться от третьесортной провинциальной философии. Было бы непростительно и глупо мыслить себя заповедником «глубокой созерцательности» ради туристических преимуществ. Много ли можно получить от этнотуризма, в угоду которому народ должен законсервировать свою культуру на доиндустриальном уровне? Доходы от этой маркетинговой идеи сомнительны, а статус витрины «старины глубокой» для досужных туристов — незавидная доля.

Народы евразийского пространства могут построить Евразию как общий дом, как многопрофильное и самодостаточное хозяйство, как общее будущее. Народы, проживающие в этом доме, всегда гостеприимны и испытывают неподдельный интерес к другим культурам. Их восхищают технические достижения западной культуры, и они с большим желанием приобретают новые знания. Главная задача просвещения на сегодняшний день состоит в том, чтобы настойчиво избавляться от провинциализма и периферийного мировоззрения, не заклинать просвещенный мир своей экзотикой, а заявлять о себе на практике как о центре научно-технических инноваций, центре силы и уверенности. В глобальном позиционировании евразийские интеллектуалы найдут свою нишу в качестве выразителей идеи нового евразийского регионального центра, последовательно вытесняя из общественного сознания идею транзитного положения региона. Создавать интеллектуальный образ центра, собирая его из разрозненных частей, непросто. Каждая из частей полна противоречий. Существующие центры силы — европейский и азиатский — не будут безучастно

наблюдать возникновение нового конкурента на мировой арене. Поэтому мало позиционировать идею центра на словах. Чтобы стать точкой роста нового центра, необходимо организационно создать сильное притяжение, которое пересилит центробежные тенденции как внутри стран Евразии, так и между ними.

Другой стороной практичности является бережливость. Синтез инновационных научно-технических стремлений и повседневной практики бережливости — это тренд, имеющий глобальное значение¹⁹. Ситуация в мире с расходом невозобновимых ресурсов весьма плачевна. Высокий жизненный уровень населения развитых стран обеспечивается большим расходом ресурсов, и то качество жизни, стандарты которого сегодня пропагандируются культурными средствами Запада, напрямую зависит от чрезмерного потребления ресурсов.

Тот, кто способен мыслить в категориях будущего, осознает расточительный характер потребительских стандартов Запада и способен изменить отношение к потребительской форме жизни. Евразийский мир обладает выработанной веками великолепной способностью обеспечивать приемлемые условия своего быта минимальным расходом ресурсов. Та изобретательность, с которой люди научились сберегать дары природы и продукты человеческого труда, и есть идейно-практический фундамент экономики энергосберегающих технологий. Поощрение рациональных методов хозяйствования не только может дать экономию природных ресурсов, но и будет стимулировать развитие человеческого потенциала.

¹⁹ Технологии бережливого производства (lean production), культура бережливости (lean culture) — одно из наиболее прогрессивных направлений менеджмента. См.: Вумек Джеймс П., Джонс Даниел Т. Бережливое производство. Как избавиться от потерь и добиться процветания вашей компании. — М.: Альпина Паблишер, 2011.

Важно выстроить технологическую цепочку, начиная от условий, необходимых для развития этих способностей, основой которых является научно-техническое образование, до внедрения инноваций в производство.

Жизнеспособность евразийской интеграционной модели в том, что ее принципиальная основа позволяет избегать постановки болезненного для независимых государств СНГ вопроса о форме политического устройства. Принципы могут решить дело в пользу объединения, но само объединение возможно только на основе разделяемых ценностей.

Какие же ценности легли в основу евразийской идеологии?

Во-первых, это свобода. Свобода самоопределения устраняет необходимость выискивать особые основания для принятия геостратегических решений, заниматься манипулированием историческими фактами. Нужно понять главное: насколько тесными должны быть отношения народов Евразии на данном историческом этапе? Поскольку государства вступают в союзы не из желания отдать дань общему прошлому, а для обеспечения лучшего будущего, постольку главный предмет оценки — возможности обеспечения благополучия и лучшего будущего совместными усилиями. Большой Евразийский проект может быть основан только на доброй воле входящих в него народов.

Одна из граней свободы — это разнообразие. Для интеграционного евразийства характерно снятие противопоставления евразийского мира экспансивной Европе и трансцендентной Азии. Над евразийской общностью не нависает проблема выбора между возможностью быть сильной вместе с Европой или вместе с Азией. Поэтому открыты любые доступные пути сотрудничества, по которым Евразия, безусловно, должна продвигаться. Разумно усиливать свои позиции как Европой,

так и Азией, утверждая свое влияние везде, где только это возможно.

Идеалу евразийской свободы чужды и христианизация, и исламизация инакомыслящих; в ней нет просветительского рвения проводить ни советизацию, ни либерализацию. Интеграционное евразийство категорически отвергает идею поглощения культур, и если экспансия национальных экономических структур в рамках интеграции эффективна, то взаимопроникновение политики и культуры неуместно и опасно. Задача евразийства — не переделывать традиционные культуры, а создавать новую духовность, источником которой будет разнообразие культур. Именно источником вдохновения, но не материалом.

Во-вторых, евразийской ценностью является творчество. Эксплуатация классических форм культуры, как цивилизованной, так и народной, была бы препятствием на пути формирования евразийской идентичности. Евразийская культура — это не сумма популярности русского балета и казахского фольклора, а создание современных форм культуры с элементами национальной специфики. Ресурс эксплуатации «старых песен о главном» явно истощен. Переход к индустрии культуры становится производственной задачей евразийского духовного творчества.

Общий рынок культуры — составная часть целей ЕЭП. Социологические исследования «евразийского монитора» отметили на рубеже первого и второго десятилетий XXI века такой факт, как падение уровня взаимного интереса среди жителей стран ЕЭП, в том числе молодежи, в частности по вопросам культуры, образования. Это можно объяснить отсутствием адекватного предложения на рынке культуры, занятом предложениями стран, которые не обладают природными ресурсами и свою стратегию строят на завоевании других рынков, в первую очередь культуры. Через рынок,

созданный культурой, они потом и продвигают свою продукцию. Предприниматели в России избалованы и жестко стратифицированы: либо это крупный бизнес, который вращается в сферах финансов, энергетических ресурсов, то есть повышенного спроса, либо это производственники, закабаленные финансистами и не имеющие денег для глубокой и многолетней программы вложения средств в культурную среду, формирующую привычки потребления. Факт можно зафиксировать определенно: рынок продуктов культуры занят, и его нужно отвоевывать в жесткой конкурентной борьбе у таких поставщиков, как США, Евросоюз, Китай, Турция.

В-третьих, высока ценностная значимость патриотизма. Наивный пафос этого ценностного компонента испытывает удары сурового цинизма глобализации. Тем не менее слухи о преодолении патриотизма современным глобальным кочевничеством явно преувеличены. Понимание того, в чью сторону играют эти слухи, приходит не сразу, но отзывается болезненно, и в виде так называемого процесса утечки мозгов, и в виде обнищания душ. Экранизация легендарных событий, подвигов, драм, выраженные на художественном языке человеческие отношения эмоционально соединяют человека с его почвой. Ярким примером продуктивного сотрудничества является совместная российско-белорусская кинолента «Брестская крепость», удостоенная множества призов, в том числе Гран-при VII Международного телекинофестиваля «Победили вместе», прошедшего в мае 2011 г. в Севастополе. Эта кинолента вызвала широкий зрительский интерес и мощный резонанс патриотических душевных настроений.

Не секрет, что упомянутые выше ценности с особой гордостью приписывает себе каждый из народов, именно поэтому они часто называются общечеловеческими, что, естественно, не означает, что они таким образом

приватизируются некой общечеловеческой общностью. Нет, в каждой общности они имеют свой неповторимый оттенок.

Ценности требуют осторожного обращения. Сам термин «ценность» часто выпускается в эфир без всякого содержания и девальвируется в этических спорах, которые отражают только борьбу за власть, за право вести пропаганду своего этического кодекса. В этой связи пропаганда евразийских этических ценностей тоже является своего рода идейной борьбой.

Человеческие ценности являются общепринятыми, но различные культурно-исторические условия их развития формируют их специфику. Величайшей ценностью евразийской культуры, как и культуры европейской, является свобода. Именно своей самой настоящей свободой гордятся наши друзья с Запада, но при этом подлинной свободы — свободы повседневности — ни Европа, ни Азия не знают.

Повседневные отношения в этих противоположных друг другу цивилизациях крайне формализованы. В Японии, например, взаимоотношения людей осложнены тем, что там действует около сотни специфических регламентов общения. Необходимо следовать исключительно формату при общении с начальством, с подчиненными, с женщиной, с пожилым или молодым человеком, людьми различного статуса и тому подобное. Нельзя общаться, не следуя ритуалу, иначе становишься изгоем. Японская культура в этическом плане — одна из самых жестких систем. Похожие нормы находим в Индии. Вообще, чем дальше от центра Азии, тем отношения более и более регламентированы.

Не сильно в этом отношении отличается от Японии и Англия, являющаяся самым «западным» Западом. Регламентов общения там вдвое меньше, чем в Японии, но дифференцированное отношение к людям, в зависимости

от их социального положения, известно больше как знаменитая английская чопорность, — весьма очевидный признак их самобытности.

На Евразийском пространстве регламенты повседневного общения не имеют принципиального характера. Помимо естественных правил: почтение к пожилым, уважительное отношение к заслуженным людям, внимание к женщине и забота о детях — каких-то особых регламентов в повседневном общении нет. Даже служебные отношения различных рангов не отличаются вычурным чинопочтением. А если мы и встречаем его образцы, то отдаем себе отчет в том, что оно не является добровольным. Примером для сравнения может служить обычай отношений людей разных рангов в вооруженных силах. В английских войсках, например, офицер обращается к солдатам только через сержанта. В Индии военные должности вообще доступны лишь по праву принадлежности к касте. Ни того ни другого ограничения в свободе общения солдат и офицеров в вооруженных силах России или Казахстана, да и других стран евразийского пространства не встречается.

Зарубежные эксперты и просто наши гости часто путают формальную свободу требовать чего-то от властей с личной повседневной свободой, при которой человек выражает свое отношение к другому человеку именно как к человеку, а не как к социальной маске.

Великий русский поэт, певец свободолюбия Александр Сергеевич Пушкин в своем стихотворении «Из Пиндемонти» гениально отразил различие между формальной и действительной свободой, подчеркнув ее ценность. Это произведение заслуживает того, чтобы его вспомнить.

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги

Или мешать царям друг с другом воевать;
 И мало горя мне, свободно ли печать
 Морочит олухов, иль чуткая цензура
 В журнальных замыслах стесняет балагура.
 Все это, видите ль, слова, слова, слова.
 Иные, лучшие, мне дороги права;
 Иная, лучшая, потребна мне свобода:
 Зависеть от царя, зависеть от народа —
 Не все ли нам равно? Бог с ними.

Никому

Отчета не давать, себе лишь самому
 Служить и угождать; для власти, для ливреи
 Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
 По прихоти своей скитаться здесь и там,
 Дивясь божественным природы красотам,
 И пред созданными искусствами и вдохновенья
 Трепеща радостно в восторгах умиленья.
 Вот счастье! вот права...

Евразийская свобода от социальной предопределенности проявляется еще и в том, что никто не требует от человека в точности соответствовать всем регламентам его социального статуса. Человека оценивают по другим, а именно — по человеческим качествам. К примеру, на Западе в норме стремление к личному обогащению; человек, который не стремится к успеху, не направляет свои усилия на прирост своего благосостояния, будет считаться ненормальным и в приличном обществе неприкрытым.

Если, живя на Западе, вы не стремитесь поменять свой автомобиль на лучший, переехать в более престижный район, приобрести дом шикарнее предыдущего и т.п., то заслуживаете не больше чем снисхождения. Но приобретите шикарный автомобиль — и люди, имеющие машины и собственность сопоставимого класса, будут общаться с вами как с равным. Вот что является нормой.

В ценностной системе евразийской культуры стремление к наживе не входит в число главных человеческих ка-

честв, а скорее наоборот — тот, кто щедр, кто бескорыстен по отношению к людям, тот оставляет о себе добрую славу.

Часто это качество выставляют как презрение к материальным заботам, но это грубое передергивание смысла, потому что материальные заботы в обществе, которое покоится на семейной структуре, не могут быть презренными. В двух различных случаях, когда от материальных забот зависит личное благополучие и когда от них же зависит благополучие семьи, презрение к ним если и может возникнуть, то лишь в первом случае. Для тех, кто не знаком с условиями хозяйствования на евразийских просторах, нужно добавить, что беззаботная жизнь в этом суровом регионе более скоротечна, чем в других.

Какого же рода гуманизм способны продуцировать ценности евразийской культуры и есть ли необходимость преумножать идеи без особой причины? Такие причины есть. Суть в том, что и в сфере гуманизма традиционные представления как Запада, так и Востока крайне абсолютизированы.

Восточный фатализм поставил человека вне истории и вне времени, обрекая его на примирение с вечным кругом страданий. Если из него черпать гуманистические идеи, то в современном мире они будут вызывать только уныние и апатию. Европейский же гуманизм, напротив, поставил человека во главе истории и времени, сделав его победителем обоих. Так появилось «здесь-и-сейчас» существование человека, которое диктует ему необходимость исчерпания всех его страстей и желаний, ведь жизнь дается единожды. Такой вот «сжигатель» своей души бросает в топку и свою, и чужие души ради все большего накала самореализации. Так что и прогрессистский гуманизм не соответствует духу современности, поскольку порождает расточительность, граничащую с безумием.

Пассивность и активность — крайности человеческого образца двух цивилизаций. Адекватной современным

условиям представляется философия умеренности, ответственности, то есть гуманизм, состоящий в бережливости по отношению ко всему сущему. Этой философии вполне соответствуют ценности евразийской культуры, среди которых такая важнейшая ценность, как самоограничение — умение довольствоваться малым. Но и это малое в условиях Евразии достигалось тяжелым освоением не самых благоприятных естественных ресурсов, поэтому веками вырабатывались ироничное отношение к превратностям судьбы и чувство юмора, помогающее справляться с жизненными трудностями, что свидетельствует об открытости евразийского мировосприятия, которому не была свойственна фанатичная консервативность. Да и странно было бы народам, живущим в сложных природных условиях, делать из своего нехитрого быта объект культа. Тем более странно относить евразийские культуры к ревнителям культурного консерватизма в большей мере, чем другие традиционные общности.

На открытость культуры можно смотреть с двух сторон: открытость для входа и открытость для выхода. Выражая свое отношение к вкладу первых евразийцев в идеологию Евразии, трудно подобрать однозначное определение. С точки зрения развития евразийских идей в современных условиях раннее евразийство — тупиковая ветвь. Но их вклад как первооткрывателей евразийского дискурса сомнению не подлежит, равно как и их авторство в отношении целого ряда стереотипов, которые не носят позитивного характера для прогресса евразийского мира. Самой меткой оценки евразийцы удостоились со стороны их соратника, впоследствии отошедшего от теоретического евразийства, Григория Флоровского. Он писал: «Судьба евразийства — история духовной неудачи. Нельзя замалчивать евразийскую правду. Но нужно сразу и прямо сказать, это — правда вопросов, не правда ответов, правда проблем, а не решений... Евразийцам первым удалось...

расслышать живые и острые вопросы творимого дня. Справиться с ними, четко на них ответить они не сумели и не смогли. Ответили призрачным кружевом соблазняющих грез... В евразийских грезах малая правда сочетается с великим самообманом... Евразийство не удалось. Вместо пути проложен тупик».

В свое время именно теоретики евразийства поспособствовали созданию мифа о некоей «природной» закрытости, замкнутости культур Евразии. Мотивом к этому было отвержение европейского пути развития, против которого евразийцы видели только одно средство — культурное обособление ради сохранения самобытности. Решительно нельзя согласиться с такой запрограммированной самобытностью, которая ведет к культурной стагнации.

Да, открытость культуры к восприятию другой, более продуктивной, грозит опасностью получить нескончаемый, несдерживаемый поток культурного влияния, от которого инстинкт самосохранения велит закрыться. Для культуры, не порвавшей с традицией, не пережившей модернизации, трудно соперничать по объему и разнообразию культурного продукта с западной индустрией культуры, равно как и ремеслу с промышленным производством. Ремесленная деятельность либо отмирает, либо занимает малозаметную узко специфическую нишу, не обещающую никакого развития. Но и антиевропейская риторика бесперспективна как протест против культуры. Любая культура — достойный и интересный предмет для знакомства.

Антизападный мотив уходит в прошлое вместе со своими апологетами. Более выигрышный путь — развитие технологий и процесс производственно-творческой кооперации на Евразийском пространстве, который может осуществлять индустриализацию культуры. Общий рынок сможет стать площадкой для рыночной адаптации культурного продукта и технологий, чтобы впоследствии

можно было бы выходить с ними на внешние рынки. Тогда открытость культуры будет необходимым элементом процесса обмена культурным продуктом. А залогом того, что обмен будет интересен, является то, что ценностно евразийские народы близки, а условия генезиса культурного продукта разнообразны.

Европейские ценности XXI века представляются их носителями как универсальные, причем форма их распространения настолько прямолинейна, что редкий человек не заметит их сходство с товаром. Но ценности культуры народа или более крупной общности имеют органическую связь с их носителем и неотчуждаемую сущность. Европейские ценности отторжения не вызывают, наоборот, знакомство с ними всегда интересно, а история, культура и нормы жизни европейских народов — подлинная сокровищница вдохновения и душевных переживаний. Но для того чтобы инкорпорировать европейский оттенок человеческих ценностей в свою культуру, необходимо повторить путь культуры, которая их создала.

А есть ли общеевропейские ценности? При ближайшем рассмотрении они внутренне противоречивы: ценности христианской веры и атеизма; ценности общности и ценности частной жизни; ценности социального государства и ценности предпринимательской свободы. Это не просто различия, а трудно уравниваемые, порой взаимоисключающие векторы культуры.

Как писала пресса, французы были особенно напуганы последствиями глобализации. Они неожиданно увидели, что оказались в Европе, которую не понимают. В связи с отношением к евроконституции у них возник внутрикультурный конфликт, в котором обнаружили глубокие различия между восприятием новой реальности разными народами. Это говорит о том, что Европа перешла в активную стадию этногенеза. Функциональный

конфликт по поводу евроконституции создает единое для всего европейского социума ментальное поле, превращая различные его части в суперэтнос. Но и процесс создания суперэтноса вовсе не означает гомогенизацию ценностей, национальных культур или мнений. Именно разнообразие поддерживает в европейском обществе «напряжение общности», то есть постоянно ее воссоздает, заявляя о коллективной личности. Подобно человеческому телу: когда какая-то часть его не в порядке, это сказывается на всем организме, но именно организм позволяет этот беспорядок исправить.

2. Евразийская интеграция как проект

Иммануил Кант первым обратил внимание на то обстоятельство, что сознание человека не только отражает мир, но в известном смысле творит его, поскольку имеет дело не с миром вещей самих по себе, а с миром явлений. В этом, утверждал он, проявляется «деятельная природа сознания». Именно эта способность природы сознания — прогнозируя, создавать будущее, — открывает перед нами возможность услышать голос «разума истории», дать единственно правильный ответ на его вызов. Как справедливо замечал Арнольд Тойнби, «движение истории определяется полнотой и интенсивностью ответа на вызов, мощью прорыва, направленного на встречу Божественного призыва».

Под общим названием «футурология» сосуществуют отдельные теории научного и паранаучного характера, выдающие сценарии будущего. Некоторые футурологи определяют будущее в концепциях (например трендах,

как Джон Нейсбит), некоторые в образах — это фантасты, а некоторые — в конкретных планах, то есть буквально определяют будущее. Так работают экспертные сообщества, тесно сотрудничающие с правительствами (например, RAND в США).

Общим для футурологического подхода к анализу общества является убежденность в том, что общество стало на путь самоуничтожающейся современности, и в соответствии с афоризмом Блаженного Августина стоит думать и работать только над будущим. При этом для футурологов-концептуалистов характерно мистическое, или индетерминистское представление об инаковости будущего. Якобы оно не продолжает настоящее как свою причину, а имеет какую-то иную, непостижимую природу.

Все они в комплексе дают целостную картину того, как человечество в разрозненных попытках предвосхитить свое будущее фактически создает его; так происходит филиация — переход одних идей в другие, умозрительных и мечтательных образов в практические бытовые вещи. Так в свое время происходило с летательными аппаратами, робототехникой, беспроводными средствами связи, искусственным разумом, омоложением, справедливым общественным строем и другими ранее казавшимися невероятными идеями. Обозревая все это, начинаешь верить в то, что человеку мечты даны вместе с возможностью их осуществления.

Активная прорисовка будущего — модное сегодня явление «футурдизайн», которое объединяет в себе несколько определений на русском языке: прогнозирование, планирование и проектирование. Как видим, это далеко не синонимы, но та последовательность, в которой они здесь приведены, отражает устоявшееся представление о структуре сознательной деятельности человека. Из наследия классиков марксизма мы помним, что «самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска,

он уже построил ее в своей голове». То есть труд дает результат, который уже имелся в представлении человека — в идеальном виде.

По существу, футурдизайн — это движение мысли «из будущего к настоящему», от описания желаемых результатов к пошаговой системе необходимых мер, что на профессиональном языке называется нормативным прогнозированием. И здесь важно упомянуть, что зарождение футурологии связано с возникновением идеи государственного экономического и политического планирования, то есть нормативного прогнозирования в Советском Союзе в 1920-е годы.

Современная футурология нередко опирается на разработанные принципы технологического прогнозирования. Их автор — советский экономист Владимир Базаров-Руднев, занимавшийся научными основами планов первой советской пятилетки 1928–1932 годов. Тогда же он установил невозможность предсказания будущего, которое можно изменить решением, так как оно либо сбудется, поскольку поднимется паника и все начнут вести себя в соответствии с предсказанием, либо нет, так как люди примут меры для предотвращения. К аналогичным выводам американские ученые пришли только в середине 50-х годов.

Советская школа прогнозирования была внушительна по своему научному потенциалу и практической отдаче. По этому параметру отставания от Запада в СССР не просматривалось. Вот пример. Американский системный аналитик Джей Форрестер, представляя доклад Римскому клубу в 1971 году, предложил прогностическую модель, в соответствии с которой при сохранении существующих тенденций в 2050 году человечество ожидает коллапс. С одной стороны, исчерпываются жизненно необходимые ресурсы, а с другой — среду обитания человека заполняют отходы его жизнедеятельности. За ру-

бежом этот прогноз вызвал к жизни экологическое движение и другие идеи, выразившие негативное отношение к научно-техническому прогрессу.

Иначе была интерпретирована эта проблема в Институте прикладной математики Академии наук СССР. Советские ученые задались вопросом: что можно сделать, чтобы совместить и возможность осуществления будущего, и научно-технический прогресс? Исследование вопроса показало, что проблема решается путем создания двух масштабных отраслей промышленности. Во-первых, это переработка отходов (созданных и создаваемых) с вложениями порядка триллиона долларов США в год, а во-вторых — это отрасль по рекультивации земель, выведенных из хозяйственного оборота. Поскольку человечество продолжает инерционное движение, не приняв ни первую стратегию — ограничение технологического развития, ни вторую — упреждение наступления его последствий технологическими же средствами, то «проблема 2050» остается открытой, и можно сказать о том, что будущее все еще под вопросом.

Советская школа планирования имела высокий авторитет: практику советского экономического планирования, как известно, перенимали такие развитые капиталистические страны, как Япония, Франция, Южная Корея. Однако после распада Советского Союза произошло устранение науки от механизмов принятия решений, и научное прогнозирование в экономике было отброшено утвердившейся доктриной рыночного саморегулирования.

В это же время за рубежом статус научного прогнозирования вырос. Футурологическое образование госслужащих в США осуществляется планомерно. В частности, госслужащие США нередко стажировались в специализированных военных ведомствах, среди которых и агентство по передовым технологиям министерства обороны США. Это агентство курирует разработку основных ин-

новационных проектов в стране. Американское правительство пользуется услугами экспертных сообществ — так называемых «фабрик мысли» (англ. — think tank), которые активно инкорпорируются в университетские и академические структуры по всему миру.

Прогностическая эффективность «фабрик мысли» довольно высока. Например, представляющая прогностическую информацию для широкого круга клиентов американская корпорация RAND (порядка пяти тысяч ведущих специалистов в своих областях) предугадывает результаты выборов с точностью до 0,5%²². Таков современный уровень нормативного прогнозирования. В Японии, Китае и других странах также в постоянную практику принятия решений и разработки стратегий входит процесс взаимодействия ученых, экспертов с государственными и партийными инстанциями.

Вместе с тем современная футурология представляет собой нечто большее, чем нормативное прогнозирование. Это комплексное знание, которое за последние 30 лет в значительной мере обогатилось за счет инкорпорации в общественное знание методов и приемов физики, математики, биологии, нейрофизиологии. В результате такого симбиоза футурология сама оказалась инструментарием, воздействующим на будущее, направляющим исторические процессы. И если прогноз стал ремеслом, то футурология, согласно своему тезису о самоуничтожающейся современности, вынуждена преодолевать свою собственную сущность. Так что современные футурологи — это не те, кто пишет возможные сценарии и прогнозирует. Парадоксально, но предсказания как жанр устарели; не вполне современно уже и обозначать тренды. Тенденции, безусловно, важно понимать, но недостаточно улав-

²² Корпорация RAND (Research and Development — «Исследования и разработка») <http://www.rand.org/>

ливать ветер перемен, надо сделать все, чтобы этот ветер разгонял наши турбины, чтобы это был тот ветер, который дует в нужном нам направлении.

Конечный продукт экспертов-аналитиков поступает в виде двух видов прогноза. Это закрытый прогноз для заказчика (правительства и корпорации) и открытый, так называемый самосбывающийся прогноз. Последний носит характер неизбежно и уверенно наступающей обывателя действительности. В таких прогнозах просматривается старинная китайская стратагема: сначала победа, потом война. Прогноз просто убеждает в неизбежности наступления определенных событий, а уже их наступление (что не всегда может быть вызвано объективным ходом истории) воспринимается как естественное.

Хорошо передают этот эффект сценарии фильмов, сюжеты книг, тематические статьи и обзоры, которые рисуют нам все возможные и невозможные варианты кошмаров, которые еще не были претворены в нашу жизнь, — от виртуального нашествия террористов до ядерного Армагеддона, рожденного в мыслях маньяка. Одни сюжеты уже воплощены в жизнь, другие пока еще сняты или греются в страшных ночных и дневных кошмарах.

Это шизофреническое действие должно как бы примирить зрителя со «сравнительно несущественными» проблемами окружающей неустроенности и помочь сформировать лояльность антитеррористическим мероприятиям. Американцы понимают, что прогноз усиливает позиции государства в современном мире, а отсутствие прогноза, как нередко говорят, это худший прогноз, который может быть.

В деятельности правительств, крупных компаний, да и вообще на бытовом уровне — на уровне новостей — прогнозы стали не менее существенны, чем подлинная реальность. Незаметно для себя мы стали в гораздо большей мере, чем раньше, жить в будущем. Это означает, что общество стало чаще оглядываться по сторонам, как обраща-

ясь к глубинам прошлого, так и заглядывая наперед для того, чтобы лучше узнать себя. Но уже и ученые говорят, что в прогностике наступил определенный кризис, поскольку прозрение тех рубежей будущего, до которых было легко дотянуться, уже достигнуто. Чтобы продвигаться дальше, наука и шире — культура должны дать новые модусы понимания мира, новые паттерны (образцы) развития. На данный момент столь значительны, масштабны и разнообразны вызовы, что сейчас неизвестно, что может произойти даже в ближайшем будущем.

Другое испытание настоящего будущим — это испытание прагматизмом. В современном мире мы слишком озабочены непосредственной выгодой, чтобы увидеть безбрежные горизонты возможностей, мы намеренно убрали мечту в дальнюю ячейку памяти и не замечаем, сколь огромную роль мечта может сыграть в понимании выхода из противоречий все усложняющегося мира. Большая мечта дает ясное видение будущего — того, для чего мы и прилагаем усилия, на что готовы отдать самое драгоценное — годы своей единственной жизни. Именно она может стать мощнейшим двигателем развития, выталкивающим наше общество на самые передовые рельсы развития.

Построение Евразийского союза народов и есть светлая, правдивая, вполне осуществимая объединяющая сверхзадача, которая выводит нас из тени собственных каждодневных забот индивидуального выживания. В начале второго десятилетия XXI века мы проходим рубеж безвременья и должны ответить себе на вопрос: кем мы хотим видеть себя, своих детей через несколько десятков лет? Как всегда, выбор категоричен: или удовлетвориться имеющимся, или выйти на новую вершину развития. Таких будущих несколько, и каждая страна выбирает приемлемый для нее вариант будущего, с которым народ и отдельный человек связывают свои проекты и цели, надежды и ожидания.

Чтобы набрать скорость для прыжка в будущее, необходима коренная ментальная трансформация. У народов Евразии единственный шанс войти в будущее — это научиться в новых условиях брать ответственность за свою страну на свои плечи. Для этого каждый должен вновь научиться соотносить себя и свое дело с общей судьбой евразийского мира. Мощное слово «мы» должно вернуть себе высший смысл.

Опыт стран, вырвавшихся из векового отставания, показал, что мобилизация всего населения на прорыв сквозь пути сковывающей тягучей беспросветной действительности — это единственный путь в будущее. Предъявить себя миру в высоких научно-технологических достижениях — это должно быть, в общем-то, делом каждого. Отец синергетики Герман Хакен утверждал, что самоорганизующееся общество может устойчиво существовать и продолжительное время динамично развиваться, если каждый его член ведет себя так, как если бы он — в меру своих возможностей — был ответственен за целое.

Ключевым методологическим условием прорыва в будущее является дух взаимности. Общее развитие взаимовыгодно, потому что существенно экономит энергетические, вещественные и духовные затраты. Согласно принципу синергетики, единая структура в результате резонансного объединения в итоге развивается значительно быстрее, чем темп развития самой быстро развивающейся структуры до объединения. По существу, надо заново воссоздать целое, чтобы поднять его части на новый уровень развития, и создавая общее Евразийское пространство, необходимо мыслить в терминах динамического целого, а не отдельных частей.

Условие борьбы за евразийское будущее на равных с мировыми центрами — это стратегическое евразийское прогнозирование, выдающее прогнозы развития по широкому спектру явлений интеграции. Все разви-

тые государства сегодня реально соперничают в сфере прогнозов, в сфере ценностей, в сфере видения будущего. Вопрос о том, каким будет Евразийский союз в 2030 году, в 2050-м, 2070-м годах, поставленный на экспертном уровне, — это уже заявка на продвижение своего проекта, свидетельство имеющихся сил воплотить его в жизнь.

Пока мы недалеко продвинулись и прогнозируем довольно робко. Прорывные результаты экономического сотрудничества в сфере ЕЭП ожидаются через два-три года. Что касается технологической сферы, то это более далекий прицел, примерно на 7–10 лет (это, кстати, общепринятые горизонты прогноза, используемые в мировой практике). Такой прогноз существует только отдельно для России, для Казахстана, для Беларуси. Но реальность меняется быстро, и вслед за Таможенным союзом уже запущен механизм создания ЕЭП. Значит, и прогноз технологического развития в евразийской интеграции до 2030 года должен быть иным. Требуется образ нового геополитического объединения.

Разумеется, концепт сильного Евразийского союза мало кому понравится. Конкурентами он будет истолкован как возвращение тоталитаризма, поэтому важно строить четкую информационную политику о Евразийском союзе как для внутреннего, так и для внешнего контура общественности, а главное — говорить о ЕАС как о настоящем. Иммануилу Валлерстайну принадлежит одно меткое высказывание по этому поводу: возможное богаче реального.

Производство прогностического и шире — информационного контента в основном ложится на экспертное сообщество. Эксперты выдают как готовые мнения, воспринимаемые публикой некритично, так и полуфабрикаты — акценты событий, интерпретации происходящего, прогнозы на будущее. Эта продукция служит устрани-

нию информационной неопределенности. Люди готовы солидаризироваться с тем или иным утверждением, они примыкают к разумным доводам, внимают убежденности, бывают не согласны с высказанной точкой зрения и резко критически относятся к оценкам экспертов. Но важно, чтобы у людей была эта информационная основа, пища для размышлений. Важно дать в избытке проевразийскую информацию по всем поводам, сферам, отраслям, предоставить евразийскую событийную насыщенность для включения ее в аппарат размышлений.

У экспертного сообщества околоевразийской интеграционной специализации сформировалась интересная позиция, которая характеризуется рядом моментов.

1. *Обозначение проблем.* Мало кто ищет решения и вносит предложения. Наверное, сказывается академическое образование, а особенно внушенный высшей школой ложный тезис гуманитарных наук о том, что важнее открыть проблему, а не решить ее.

2. *Высокая геополитика* (как вариант — высокая политика). Рассуждения о том, как надо дружить, как защищать суверенитет, как отгородиться от наступления империи или от «понаехавших». В итоге остаются поставленные неопределенно кому неопределенные задачи: «надо повышать конкурентоспособность, повышать привлекательность», создавать какие-то «площадки», на которых, как известно, будут красоваться одни и те же так называемые медийные лица, чаще всего оказывающиеся лидерами общественной суеты.

3. *Недообеспеченность.* Отмечается продуктивная работа агентов влияния с противоположной стороны, эдакий плотный огонь противников, который не позволяет вылезти из засады сторонникам, а потому голос проевразийских экспертов не слышен так, как голос их оппонентов. Аргументируется это, конечно, низкой финансовой обеспеченностью по сравнению с противником, недо-

статком эфирного времени, отсутствием интереса со стороны властей и инертностью населения.

4. *Сказочность.* Эта особенность относится к наиболее воодушевленным проевразийским экспертам, которые странным образом все надежды на будущее связывают со сказочным прошлым.

5. *Профессиональная рефлексия.* Необходимость сохранить реноме независимого ни от кого эксперта заставляет всякий проевразийский комментарий завершить каким-нибудь «но», всякое позитивное продвижение опутать ворохом сомнений в дальнейшей его успешности. Ну и самое любимое занятие эксперта — любой конкретный вопрос утопить в неопределенности.

Экспертами предпринимаются попытки осмысления интеграции по этапам, как в ретроспективе, так и в перспективе. В Евразийском проекте находят аналогию с органическим развитием социума, выделяя ступени интеграции от «дикой», «примитивной», через «цивилизованную» к «культурной». Современная стадия развития — где-то на пути от третьей ступени к четвертой²³. Возможна и такая трактовка, но столь шаблонный подход задвигает культуру «на потом», подобно тому, как в новостных выпусках принято оставлять немного эфирного времени в конце для одной новости о культуре. Меж тем культура — это не стадия интеграции, а ее условие и, по большому счету, сама суть, ведь это именно евразийская культура эволюционирует от стадии дикости, примитивизма, к цивилизации и гуманизму.

Если говорить о какой-то исторически соразмерной периодизации, надо учитывать, что проверку своей внутренней прочности евразийская интеграция пройдет лишь

²³ Яценко Е.Б. Системное осмысление интеграции: за, против или мимо (по результатам исследований Фонда «Наследие Евразии») апрель-июнь 2012. <http://www.gosbook.ru/node/63917>

после смены политической элиты всех стран-участников. Только тогда можно говорить о том, закончился ли период становления. В настоящее время даже лидеры евразийской интеграции отмечают, что народным проектом интеграция еще не стала — идея евразийской интеграции расценивается пока как идея глав государств. В Москве и Астане уже прошел ряд конференций по инициативе общественных организаций и движений, многие из них были посвящены вопросам идейного наполнения проекта Евразийского союза и реализации народных чаяний, связанных с этим проектом. Эксперты констатируют, что «ЕАС пока только представлен как экономический проект и мало интересует граждан всех стран, и эту ситуацию нужно менять», «необходимо креативное мышление», нужно «предлагать интересные решения для многочисленных обывателей, например, создание зон трансграничного сотрудничества с соответствующими льготами для предпринимателей или особые экономические зоны с соседними государствами, не входящими в Таможенный союз, чтобы показать идеи экономической привлекательности». Опять же, «нужна широкая кампания в СМИ, а так как большинство из них, как ТВ, так и печатных, принадлежит частным лицам, нужны финансовые вливания».

Причина пробуксовывания евразийской экспертной поддержки в том, что предлагаемые сценарии развития интеграции преисполнены прагматизмом и чрезмерной экономией за счет информации и культуры. Альтернатива между *по-европейски основательно, долго и по-евразийски технологично, стремительно* в обоих случаях оставляет за кадром как бы само собой разумеющийся процесс произрастания нового качества бытия. Главенствует производственный подход, согласно которому есть стойкая уверенность в том, что здание по-новому отстроенного союза евразийских наций неизбежно

заполнится людьми, охотно покидающими свои национальные квартиры. Остается без должного объяснения мотив, по которому новый общий евразийский дом должен стать уютным и желанным для людей, с таким трудом добившихся государственной и этно-национальной самостоятельности.

Пока что деятельность проевразийских экспертов выглядит неярко, а их интеллектуальная продукция самопротиворечива. Таким методом, как сомнение в собственном пафосе относительно Евразийского союза, интерес к евразийской тематике пробудить нелегко. Экспертное сообщество уделяет явно недостаточное внимание образному раскрытию перед обществом картины будущего, не проектирует евразийскую повседневность, сужая кругозор потребностей и мечтаний, способных вести за собой в интересное своим разнообразием будущее, до сугубого практицизма нужд сегодняшнего дня.

Но и заинтересованная в интеграции часть элиты, видимо, полагает, что на такое хорошее дело, как евразийская интеграция, должны сбегаться в избытке добровольные эксперты, своим профессионализмом и самоотверженностью продвигающие интеграционные идеи в массы. К сожалению, сегодня в информационном поле побеждает не столько правдивость и благость идей, сколько охват аудитории. Он опирается на профессионализм, методичность, разноплановость, креатив, и, безусловно, все это рыночный товар, на который распространяется правило соотношения цены и качества.

Глобальная экономика видится экспертам уже в значительной мере не продолжением тенденций текущего момента, а кардинальной сменой экономической модели. Производство будет концентрироваться в границах глобальных экономических зон, показатели ВВП уйдут

в прошлое. Самодостаточные экономические зоны, как ожидается, образуют саморганизованную мировую экономику. Изменившийся базис подвергнет изменению и надстройку, поэтому функционирование экономических зон потребует совершенно новых экономических моделей и откроет иные политические перспективы.

Первым делом эта перспектива открывает дорогу новым валютно-финансовым проектам. Как предсказывал Алан Гринспен, в XXI веке мы станем свидетелями возвращения частных валют²⁴. Первые шаги в этом направлении уже просматриваются: Североамериканские штаты Юта, Вайоминг, Южная Каролина, Вирджиния, Джорджия и Миссури в 2012 году поднимали тему введения у себя местной валюты в качестве меры защиты от возможного падения системы Федерального резерва. В Европе в этом же году собственную валюту — бристольский фунт — ввел английский город Бристоль. В 2008 году аналогичную попытку предпринимал город Льюис. Подобные инициативы все чаще звучат в Греции и Испании.

Очевидно также, что в экономических зонах с новой силой развернется конкуренция за таланты. Мировой рынок талантов уже складывается. Это ставит перед государственной образовательной политикой и политикой занятости серьезные вопросы. Если очевидно, что востребованность талантов будет только расти, и успешные экономические зоны по всему миру будут привлекать кадры, то следует ли из этого, что образование будет оставаться национальным приоритетом? Ведь вкладывая средства в образование своих граждан, свободное государство не гарантировано от того, что наиболее талантливые граждане пожелают остаться работать в стране-

²⁴ Lietaer B. The Future of Money: Creating New Wealth, Work, and a Wiser World. 2001 // <http://www.futuremoney.de>

доноре. И вообще, каково будет статусное отношение страны и экономической зоны, неясно. Будет ли экономическая зона универсальной матрицей развития, или эти зоны будут нести на себе отпечаток экономического уклада материнской модели? Ведь европейская, американская, евразийская модель — это мировоззрение, образ жизни, заключающий в себе собственный уклад, динамику, нормативный каркас.

В это соцветие вариантов вполне вписывается евразийский проект как принципиально адаптивный к вызовам будущего, как не скомпрометировавший себя негативным опытом, как свежая социально-экономическая концепция цивилизационной теории.

Евразийских проектов в каком-то разнообразии и даже в альтернативе, по существу, нет, есть всего один проект евразийской интеграции, который и осуществляется в настоящее время Беларусью, Казахстаном и Россией. Он продвигается, время от времени получая новый заряд, закрепляясь в соглашениях, обретая организационные формы. Но это один и тот же проект, принципы стратегии и тактики которого были введены в общественный дискурс Нурсултаном Назарбаевым в 1994 году. Концепция создания Евразийского союза Н. Назарбаева оказалась жизнеспособной.

Вместе с тем как идейное течение евразийство было развито в различных целях. Родившееся в русской эмигрантской среде одновременно с подобными ему идейными течениями — европейством, еврейством, пантюркизмом — в динамично изменявшемся в конце XIX — начале XX века мире, евразийство стало малозаметным явлением уже в конце 20-х годов прошлого столетия. Успешность советского проекта, восстановившего в новой конфигурации общность территории бывшей Российской империи, погасила необходимость идейных исканий в этом направлении. Хотя левое крыло евразий-

ства рассматривало СССР как воплощение евразийской идеи, советский проект превзошел самые смелые евразийские замыслы.

После крушения советского проекта евразийство было предложено Нурсултаном Назарбаевым, но не как собственная идейная программа, а как общая альтернатива для новой конфигурации постсоветского пространства.

В 90-е годы XX века евразийство применили в качестве оригинальной политической подоплеки, некоей идеи, вокруг которой можно создать партию и претендовать на вождистские лавры. К этому близко имперское евразийство Александра Дугина и его сторонников. Наряду с этими проявлениями набрали популярность историко-географические сочинения Льва Гумилева, в которых ученый обосновывал Евразию как особую историческую основу, сформировавшую целостную цивилизационную модель.

Если построить классификацию ответвлений идейного евразийства, то можно обозначить такие его ветви, как имперское — Александра Дугина, практическое — Нурсултана Назарбаева и историческое — Льва Гумилева. Различие их в том, что в первом случае это попытка создать партийную идеологию на реваншистских мотивах, во втором — это идеология построения региональной экономической зоны на прагматических мотивах, в третьем — это обоснование евразийской общественной целостности, несмотря на ее внутреннее (государственное, религиозное, этническое) деление, объективируемое природно-географическими условиями.

У каждого из этих течений есть частный интерес, заключающийся в пропаганде своей партии и обретении власти на волне имперских настроений общественности (Александр Дугин). Есть интерес повышения международного значения своей нации и своего государства при сохранении реального суверенитета страны (Нур-

султан Назарбаев). Определенный интерес есть и у сторонников концепции Льва Гумилева — в продвижении его идей в благоприятных условиях политической конъюнктуры.

Евразийский проект молод, и результативность его еще выглядит неопределенно. Но вот неолиберальный капитализм, став глобальным, в достаточной мере проявил себя как детонатор социальных конфликтов, как катализатор социально-экономического расслоения, как девальватор ценностей морали, нравственности, свободы, как манипулятор общественного сознания.

Мир постепенно открывает для себя реальность, в которой он может обойтись без Америки, хотя именно на этом «открытии» начинают возникать проблемы. В Единой Европе уже проявились политические противоречия. Отсутствие в Евросоюзе политического компонента, то есть общеевропейской политики, объяснялось передачей его на аутсорсинг США. Но попытки амбициозных европейских лидеров (Сильвио Берлускони, Никола Саркози, Ангелы Меркель) выразить общеевропейские интересы создали ощущение того, что в «сонной» Европе просыпается политическое мышление.

2 июля 2003 года выступление итальянского премьера Сильвио Берлускони перед европарламентариями по поводу Евроконституции переросло в шумную разборку. Могло показаться, что это событие происходит не в цивилизованной Европе, а в какой-то стране «переходного» состояния. Дело до обсуждения вопроса даже не дошло, перейдя в перепалку и взаимные оскорбления. Но можно ли сказать, что это событие поставило крест на достижении европейского единства? Нет, скорее даже вывело этот вопрос на новый уровень: оно притянуло внимание простых обывателей к вопросу о Евроконституции и сделало ее фактом общественно-политической жизни Европы.

И если Европа заново учится политической самостоятельности, то США, напротив, осознают необходимость сотрудничества. В докладе о стратегии национальной безопасности от 2010 года Президент США Барак Обама заявил, что США не могут действовать на мировой арене в одиночку и должны применять многосторонний подход при осуществлении своей внешней политики²⁵. Это буквально противоположная стратегия по отношению к той, которую выдвигал прежний президент США.

В целом, по мнению политологов, старые демократии, в частности, Соединенные Штаты, Великобритания, Франция, продолжают эволюционировать, но все указывает на то, что они постепенно трансформируются в олигархические системы. Демократия прогрессирует там, где она была слабой, но там, где она была сильной, она регрессирует. Таков парадокс современности.

И если в сложившихся условиях не заниматься построением будущего, то, несомненно, как пишет политолог Карен Брутенц, нас ждет беспокойное время со многими неизвестными — время испытаний. Мы еще не знаем всех последствий произошедшего, происходящего и предстоящего, и что особенно важно, мир, несомненно, плохо подготовлен к наступившей эпохе крутых перемен. Ясно то, что развитые страны порядком растеряли кредит доверия молодых демократических стран и уже не воспринимаются как безусловные гаранты стабильности и умиротворения.

Что безусловно будет влиять на трансформацию глобального мира в среднесрочной перспективе, можно перечислить списочно:

- ❖ невнимание к экологическому состоянию в мире, которое может породить такой же эффект, как эко-

²⁵ Обама представил стратегию нацбезопасности: нельзя воевать в одиночку// <http://www.newsru.com/world/23may2010/obama.html>

номический кризис: многие его предсказывали, но никто не ожидал;

- ❖ истощение традиционных энергоресурсов наряду с нерациональным использованием нефти и отсутствием прорывов в освоении новых энергетических технологий;
- ❖ неравномерное распределение ресурсов, усугубляющее технологический разрыв между донорами и реципиентами;
- ❖ ухудшение доступности продовольствия;
- ❖ несправедливость мировой торговли, не получающая удовлетворительных способов устранения;
- ❖ перманентное состояние финансового кризиса из-за дефектности мировых валют;
- ❖ дестабилизация государственных режимов, потеря управляемости социальными процессами.

Все семь перечисленных факторов станут мощными мотивами для регионализации и образования обособленных экономических зон.

В этих условиях населенная и предприимчивая Евразия может стать двигателем альтернативной истории. Евразия — это кладовая неиспользованных возможностей. А в перспективе объединение всего Старого Света в рамках Большой Евразии сулит колоссальные геополитические преимущества. По крайней мере подобный сценарий рассматривается американскими аналитиками, а наиболее авторитетный из них — Збигнев Бжезинский — всячески рекомендует Соединенным Штатам препятствовать этому процессу, поскольку такой союз будет переигрывать Соединенные Штаты и по человеческому, и по промышленному потенциалу. Пока такой альянс трудно представить в реальности, но трансформации в умах служат основой движения политической истории.

Евразийский регион рубежа XX–XXI веков по некоторым показателям отстает в развитии от Европы и Китая.

Самосознание Евразийского пространства еще не сформировалось, и мысль о едином пространстве жизнедеятельности ретроспективна: это память об успехах великого прошлого, пережитого в СССР. Сознание жителей Евразии остро нуждается в источниках силы и новых ментальных ориентирах. Представления о Евразии как исключительно транзитной территории безнадежно устарели. Оставаясь в рамках геополитической концепции «евразийского транзита», не стоит удивляться тому, что Евразия будет и в дальнейшем восприниматься как периферия двух центров силы — Европы и Азии, где народам «транзита» уготована служебная роль обеспечения перевалки товаров и сырья.

Понятие «евразийский транзит» имеет два значения. Транспортный транзит, безусловно, важное экономико-географическое преимущество стран Таможенного союза. Основные доходы от грузового транзита Европа — Азия приходятся сейчас на морские пути, но сухопутные выигрывают в скорости. К примеру, доставка грузов по дороге Европа — Таможенный союз — Китай составляет 10–14 дней, а по морю занимает до 45 суток. Очевидно, что транзитный потенциал евразийского пространства поистине огромен. Кроме того, это институциональный политический транзит. Историческая миссия политического транзита — перехода к институциональной демократии — позитивна. Страны бывшего СССР по-разному осуществили этот транзит, но в целом завершили его.

Из синтеза этих двух значений логически возникает третье: геополитический транзит. С этим понятием мы связываем качественный переход — от статуса евразийского пространства к евразийскому центру. Джордж Сорос писал о том, что глобальные финансовые рынки приносят выгоду странам, находящимся в центре международной рыночной системы. Взаимоотношения между центром и окраинами общеизвестны: финансовые рынки «выкачи-

вают» значительную часть создаваемых во всем мире сбережений и прибыли, которые затем переливаются в центр. Следующей стадией является их пересылка вновь на периферию, только уже через различные финансовые инструменты, например акции или облигации. Возможно и опосредованное возвращение — через деятельность транснациональных корпораций. Центр является поставщиком финансовых и всех прочих услуг, начиная от информации и высшего образования и заканчивая развлечениями, и одновременно «базой» для большинства транснациональных корпораций. Поэтому он получает львиную долю всех доходов и, сохраняя завидную стабильность, продолжает процветать. Регулирование и контроль на глобальном рынке также осуществляют власти, находящиеся в центре. Благодаря этому чаша весов склоняется в пользу центральных стран. Что же в это время происходит на периферии? Финансовые системы периферийных стран разорены, ширится и без того громадное неравенство в экономических и финансовых показателях центра и периферии, один кризис сменяется другим.

Евразийское пространство должно позиционировать себя как новый самостоятельный центр развития. Повышение статуса транзитной территории, периферии миров, промежуточной области, через которую и политически и культурно сообщаются центры — интеллектуально важная миссия.

Интеллектуальная — потому что и статус транзита, и статус центра — части целостной концепции Евразии, и эту целостность в сознании разрывать нельзя. Необходимо использовать образы Великого шелкового пути, «пути из варяг в греки» в качестве символов исторической преемственности, подчеркивая общемировое значение Евразии в истории цивилизации. Презентовать их в качестве туристических брендов — нормальный подход в современной индустрии услуг. Но строить современ-

ную экономическую Евразию на транзитных услугах — недальновидно. Общество, сознательно остающееся транзитным на пути мирных и военных соприкосновений центров силы, обречено на зависимость от этих центров.

Многие годы популярна была идея о том, что развитые страны просто эксплуатируют сырьевую периферию. Сегодня вопрос стоит иначе: целые регионы оказались в «зоне забвения» и переживают маргинализацию. Ключевым словом становится конкурентоспособность на мировых рынках. Редко какая из стран региона сможет в одиночку преодолеть последствия колоссального экономического кризиса и достойно представлять себя на международной арене. И этому есть несколько причин, среди которых технологическая отсталость, накопленная за десятилетия и коллапс прежней государственности. Маргинализацию евразийских стран можно преодолеть только в том случае, если страны станут действовать как единое целое, сознательно выстраивая себя в качестве одного из центров современной цивилизации.

Таким образом, геополитический транзит Евразии от периферии к центру — это рациональная стратегия развития. Источник притяжения к центру создан в виде Таможенного союза, он уже изменяет орбиты стран Евразии, подчиняя их своей гравитации. И еще больше усиливает ее Единое экономическое пространство.

В статусе центра иное значение приобретают для Евразии связи с соразмерными геополитическими единицами. В частности, Казахстан рассматривает «Путь в Европу» как важное стратегическое направление внешней политики, но надежда на вхождение Казахстана в «Общий европейский дом» была бы иллюзорной. «Путь в Европу» — это вообще устаревшая и негодная идеология, ее дефектность заключается в однонаправленном характере движения.

Настоящим «Путем в Европу» для Казахстана, как завещал великий казахский поэт и просветитель Абай Ку-

нанбаев, является тесное сближение с Россией. В правильно построенной диспозиции Евразия — Европа обоюдное соразмерное двустороннее сближение со стратегическим партнером получают и Россия, и Казахстан.

В этом смысле евразийская интеграция — это надстройка нового этажа отношений, обеспечивающего равный — горизонтальный уровень коммуникации с соразмерными геополитическими строениями.

3. Идентичность и культура в зеркале интеграции

Социальная психология — довольно молодая отрасль знаний. Термины *идентификация*, *идентичность* стали широко применяться лишь во второй половине XX века. Выход этой терминологии за пределы научного языка в обыденный подтверждает действительный, а не теоретический характер роста самосознания человека, его свободы от предопределения и групповой ограниченности. Добровольная коллективность в современном мире стала ценностью высокого порядка и породила феномен гражданского общества, для которого приемлема только та идентичность, что сильна для человека и принимается им добровольно.

Социальная идентичность многопланова и многомерна:

- ❖ это территориальное измерение, обозначающее связь человека с местом, с почвой;
- ❖ это этническое измерение, связывающее человека с его расширенной семьей;

- ❖ это этическое измерение, указывающее на нормативные рамки человека;
- ❖ это корпоративное измерение, формирующее профессиональное самосознание, сознание общественной полезности;
- ❖ это историческое измерение, связывающее человека с вечностью, героическим наследием предков;
- ❖ это личностное измерение — поле индивидуальных привязанностей человека.

В общем, идентичность задает те образы человека и человечности, которые считаются приемлемыми и желательными в рамках данного сообщества и с которыми человек сверяет всю свою деятельность.

Формирование евразийской идентичности состоит в усвоении ценностей, норм, установок, стереотипов, с которыми отождествляет себя человек, окруженный реальностью евразийского мира.

Из совокупности населения, объединенного только общим местом проживания, региональная общность не возникает. Культурная общность — плод, который приносит возделанная почва. Формирование идентичности, скрепляющей «я» индивида не с привычной социальной общностью, а с общностью культурно-исторического типа, — это предмет осознанного выбора. Идентичность поддерживается в рефлексивной активности повседневной жизни, а рефлексия — не только акт культуры, но и акт воли.

Волевое устремление человека относиться к окружающим его людям, при всем их своеобразии, как к «своим», а не как к «чужим» — это как раз то, что хотелось бы видеть в содержании евразийской идентичности.

Целенаправленно сформировать такую идентичность непросто. Хотя технологии социального конструирования субъектов разработаны и успешно применяются, их продуктивность направлена в обратную сторону —

к разделению. Опыты XX и XXI века показали, что конструирование общности на основе негативной идентичности (в Югославии, Ливане, Центральной, Северной Африке и т.п.) производит на свет факты чудовищной жестокости и умаляет любые попытки созидания.

В социальной психологии установлено, что социальная общность формируется в противопоставлении по отношению к другой общности. Эта оппозиция иной социальной группе обеспечивает сплоченность и положительную мотивацию групповой деятельности. Такова суть общественной дифференциации, и по этой дороге мировое сообщество прошло долгий эволюционный путь.

В теории общества процесс усложнения общественной организации представлен двояко. В одной версии первоначальное общество было монолитным, его расселение по континентам сформировало внешние отличительные признаки в ареалах обитания, а разделение труда — внутренние. В другой версии первоначальным состоянием людей была война «всех против всех», которая была остановлена общественным договором, закрепившим социальное разделение. Так возникли племена, касты, классы, сословия. И в том и в другом случае теория утверждает, что именно разделение служит предпосылкой формирования общности.

Западная Европа, испив чашу взаимной ненависти сполна, смогла после Второй мировой войны преодолеть вражду народов. Европейские интеллектуалы начала XX века выдвинули идею единства Европы, а чуть позже Адольф Гитлер, наполнив эту идею расистским содержанием, стал строить единую арийскую Европу. Между тем Европа нашла в себе силы отделить антигуманное содержание от самой идеи единства и наполнить ее новым гуманистическим содержанием. С упорством и целеустремленностью, достойными уважения, послевоенная Европа буквально «изваяла»

европейскую идентичность, хотя и не в полной мере. И что любопытно, противопоставления европейца коренным этносам Европы не возникает. В этом проявляется специфика интеграции, для которой и целое, и его составляющие имеют равный статус. Интеграция, открывающая свободу перемещения людей, расширяет возможности индивидуальной траектории развития, но не требует отказа от каких-то уникальных особенностей жизненного уклада, если они не противоречат законодательству и нормам общежития. Опыт Европейского союза показывает, что интеграция, даже унифицируя национальное законодательство, не имеет принудительной силы над этническими нормами общежития, хотя некоторые народы до сих пор испытывают рецидивы национализма, отстаивая идею о том, что политические и национальные границы должны совпадать.

Одной из главных задач, стоявших перед европейским интеграционным проектом, было преодоление национально-государственной нетерпимости, что мешало общим экономически эффективным проектам. На то, чтобы примирить немцев и французов, пробудить межнациональное доверие, были затрачены колоссальные ресурсы. Для подобной работы в рамках евразийской интеграции оснований нет. Перед Таможенным союзом нет преграды национального недоверия, которое надо преодолевать. У стран и народов ЕЭП нет фактических (а не мифических) рубцов от нанесенных друг другу ран, напротив, имеет место опыт совместной работы и борьбы против угроз, в равной мере подвергавших испытаниям братские народы.

Естественно, что процессы изменений внешней среды, динамики жизни народов вызывают функциональный внутренний конфликт, сутью которого является установление идентичности. Нет ничего катастрофического в том, что формирование identity вызывает споры, — это нормальный процесс, в котором принимаются и отвер-

гаются черты зарождающей идентичности. Этот процесс объективен и исторически оправдан, так как этнос нельзя «назначить», «утвердить» волевым решением, но его формирование происходит в материальном мире и в мире идей, в мире атрибутов материального бытия, которые обеспечивают гражданская власть и гражданское общество.

Независимо от географии цивилизаций тенденция индивидуализации жизни в современном обществе очевидна, частные потребности сегодня определяют развитие экономики индивидуального потребления. Под индивидуальные запросы подстроилась не только сфера услуг, но и производство: рыночное предложение отвечает самым изысканным запросам, а кредит делает их осуществимыми.

Технологический прогресс дал человеку механических помощников, освободив от необходимости ведения совместного хозяйства. Вступая во временные отношения по контракту, индивид самостоятельно обеспечивает условия жизни. Там, где раньше для обустройства жизни требовалось приложение совместных усилий «всего мира», сегодня лучше справляется оснащенный специалист. В современном обществе практической необходимости жить коллективом нет, а для улучшения бытовых условий есть специальные службы и профессиональные исполнители.

Можно констатировать, что удовлетворение базовых потребностей пресало быть прочной основой коллективного бытия в развитых странах. Однако помимо базовых персональных потребностей, человек испытывает потребности и в коллективной духовности. Причастность к семейному, трудовому коллективу, сообществу единомышленников — существенная потребность человека. Рыночные отношения всемогущи, но душевный комфорт не является товаром рынка, это состояние возникает от сопричастности к чему-то более значимому, чем отдельная судьба. Чтобы удовлетворить коллективные потребности

частным порядком, индивиды объединяются, добровольно в чем-то себя ограничивая. Об этом говорит тот факт, что число формальных и неформальных организаций, обществ, групп, различных форм гражданского общества только растет, и среди западных ученых на рубеже XX и XXI века стало заметно стремление к поиску дополнительных стимулов коллективности (Френсис Фукуяма).

Путь возвращения коллективных оснований жизни, который ищут западные обществоведы, в Евразии еще не утерян. Атомизация индивидов еще не достигла, и есть надежда, что не достигнет такой степени, когда, чтобы выразить свои чувства, разобраться в отношении к окружающим и к миру, человек приобретает эту услугу у профессионального психоаналитика.

Для человека жизненно необходимо ощущать себя среди «своих». Каковы же предпосылки выхода на новый, евразийский уровень идентичности? Наилучшим образом «свои» определяются именно в кризисной ситуации.

Глобальные сдвиги в социальном пространстве меняют привычную для восприятия картину мира с такой скоростью, что это дезориентирует человека. Поддерживать традиционную идентичность в этих условиях можно только в общинах со строгим нормативным порядком. Таким образом, в современных динамичных мегаполисах появляются секты, общины, религиозные и проторелигиозные, этнические и племенные организации, которые поддерживают традиционную идентичность, но создают для этого жесткие условия беспрекословного подчинения руководителю, свои законы и порядки. Такие формы поддержки идентичности противопоставляют ее окружающему миру и являются архаичными институтами, подавляющими личность. Такой формат отношений не несет социального прогресса. Каждая организация закрытого племенного или сектантского типа вносит свой вклад в разобщение социума и тормозит его эволюцию.

Евразийский вариант идентичности — приемлемый вариант адаптации в глобальных тенденциях без разрыва с национальными корнями, поскольку вся совокупность национальностей — это и есть Евразия. В евразийской идентичности над социальным и национальным доминируют культурные приоритеты. Это и добровольное соотнесение с коллективом, в отличие от генетически привязывающего, и приоритет эмоционального комфорта над негативной солидарностью.

Тема новой евразийской идентичности стимулирует самопознание и познание окружающего мира. Человек, чтобы осознать себя в окружающем мире, свое место и роль в нем, должен иметь реальное представление об обществе, которое его окружает, существующих в этом обществе правилах поведения и общения. Эта стимуляция к познанию расширяет кругозор и выводит человека на просторы коммуникации и личностного роста. Быть евразийцем есть непосредственный акт сознания. Позитивное содержание общего «мы» — это более высокий уровень понимания друг друга. Чтобы осознать сходство, требуется развитая способность обобщения, в значительно большей степени, нежели для осознания различия. Это уровень познания, который говорит о степени развития интеллекта. А различия устанавливаются на чувственном уровне познания. Таким образом, формирование евразийской идентичности есть отражение не только эволюции интегрирующихся социальных систем, но и сознания.

Есть мнение, что культура следует за политическими возможностями и экономическими успехами, а есть мнение противоположное, что культура придает им движение. Однако в действительности успех обеспечивается системой, в которой каждый из элементов выражается посредством другого. При этом взаимопроникновение культур, религий не является интеграционной максимой и условием гражданского согласия, напротив, националь-

ные культуры и религиозные системы должны оставаться консервативными, в чем их несомненное достоинство как институтов «консервации», то есть сохранения фундаментальных ценностей народа. Поэтому евразийская культура может быть понята как макрорегиональная форма сохранения идентичности в глобальном контексте.

Интеграция как объективный исторический процесс разворачивается последовательно, но не может осуществляться выборочно. Можно поставить вопрос: зачем нам интеграция в духовном, культурном смысле, почему из прагматических соображений не ограничиться экономической сферой? Искусственно оградить некоторые сферы жизни от интегрирования, наверное, можно, хотя и противоестественно. Экономическая интеграция объективно запускает цепную реакцию интеграции в других сферах жизни, но и связующие нити культуры, как основа доверия между народами, делает возможной их экономическую интеграцию.

Национальные культуры каждая по-своему воспроизводят духовность, а поскольку современный человек живет не в изолированном обществе, постольку продукты современной культуры преимущественно интегративны. Культурная интеграция означает доступность различных источников духовного наследия для производства новой актуальной культуры, то есть культурное и духовное разнообразие — не только память, но и ресурс духовного производства.

Евразийский союз — это, безусловно, новое культурно-политическое поле для творчества, которое подлежит интенсивному освоению. Конечно, избежать конфликтных вопросов и опасений, основанных на смутных чувствах растраты национальных ценностей, вряд ли удастся, ведь культурная среда эмоционально богата. Но и прагматичные расчеты и эмоциональные ожидания, несомненно, связаны с новым обликом Евразии, ее культурой, притяга-

тельной своими творческими просторами, и ее жизнью, которую можно выстраивать в самом современном стиле, буквально создавая его в реальном времени.

История культуры свидетельствует, что выразить евразийский дух возможно только через произведенный в Евразии культурный продукт, как и наоборот: только произведенный в Евразии культурный продукт способен выразить евразийский дух.

Современная глобализация создает единую ментальную среду. Международные кинофестивали, на которых представленные кинофильмы со всего мира одинаково понятны людям, говорящим на разных языках. Однако это единство человеческого менталитета не стирает границ самобытности, а наоборот поощряет разнообразие, ведь современный потребитель разборчив, привередлив и жаждет до эксклюзива, уникальности и новшеств. Если один и тот же продукт, например, мобильный телефон можно собрать в любой точке планеты, а его специфику будут определять только функциональные характеристики, то культурные продукты одного типа, произведенные в различных лабораториях культуры, будут сильно отличаться. Казалось бы, нет ничего банальнее популярного жанра боевика, тем не менее резкие отличия в стилистике боевиков угадываются по региону их производства. Голливудский, индийский, корейский, российский, европейский боевики имеют специфику, легко различаемую зрителем.

Производство товаров универсально по всем параметрам, но производство культурных продуктов имеет ограниченную универсализацию — это универсализация исполнительской техники, некоторая универсализация смыслов, но не универсализация способа их раскрытия, трансляции, стиля их духовной огранки. Это вопрос одновременно и культурной идентичности, и различия в экономической и культурной составляющих выстраиваемого Евразийского пространства.

Невозможно избежать воздействия глобальных трендов. В той или иной форме они охватывают самые удаленные участки планеты. Обособившиеся культуры в этих условиях теряют шанс на развитие. Они не умеют применять опыт соседей, не пользуются приобретенным опытом и накопленными знаниями, чтобы не повторять своих ошибок, не желают включать глобализацию в свой словарный запас. Лишь на время обособленная закрытая культура сможет приостановить свое разложение, а потому имеет лишь относительный смысл.

Является ли самооценностью стремление в Евразийский союз? Если оно является источником силы, то да. В свое время был очень хороший лозунг, порядком истрепавшийся от частого использования: «В дружбе народов наша сила». Но дружба народов СССР пала перед искушением независимостью. Возникли горячие точки этнической вражды, которые истощают силы народов.

Эти негативные примеры кого-то толкнули на движение защитных стен, а кого-то заставили задуматься о наведении мостов между культурами. Экономического прагматизма для этого недостаточно. Как писал казахский народный поэт Шакерим Кудайбердиев, ум, сердце и воля — ничто без друг друга. Об этом у него сказано в замечательных строках:

Наш холоден Ум наподобие льда,
Горячее сердце согреет всегда.
Разумность и такт, прозорливость терпенья
В нас Воли рождает тугая узда.
Держа в триединстве Ум, Сердце и Волю,
Ты к цельности редкой придешь без труда.
Но взяты поврозь, они будут ущербны, —
Не славят явлений, где много вреда.
Живу, неспособный смеяться и плакать,
Лишь с сердцем мятущимся, с коим — беда.
Ум, Сердце и Воля — ничто без друг друга,
А Знанье их суть пронесет сквозь года.

Говоря об этике третьего тысячелетия, Далай-лама XIV назвал основой поведенческого кодекса внутреннюю готовность встретить неожиданное и найти непредсказуемый ответ, опираясь на постоянный контакт с вечными началами: любовью, миролюбием и терпимостью.

Далай-лама благословляет разность: разные религии, считает он, делают возможным видеть индивидуальные особенности жизни. Эти особенности и различия так же важны, как общая цель всех религий. Одна религия для всего мира немислима и нежелательна, так как ни одна из них не способна стать единственной — религии нуждаются друг в друге.

Чтобы научиться понимать верования друг друга, нужно иметь мужество признать различия, увидеть различия и даже противоречия между религиями, осознать и принять особый характер каждой из них. Однако если мы посмотрим на цели и на то общее, что у всех религий, мы скоро поймем, что эти общие черты гораздо важнее, чем различия, и что эти общие характеристики существуют на более высоком уровне. Терпимость, мир, любовь — вот общие черты всех религий²⁶.

Знаменитый американский психолог Джордж Герберт Мид писал: «Окольный путь через „других“ является необходимой предпосылкой возникновения идентичности», — то есть люди могут осознать свою идентичность только при помощи отношений, в которые они вступают с другими людьми. Таким образом, для формирования идентичности исключительную важность приобретает получение оценки «другого». Быть цивилизованным в понятиях XXI века — значит допускать возможность существования «другого», иного образа жизни, иной религии, идеологии, другой культуры. И главное — не навязывать всему миру собственный образ жизни как эталон.

²⁶ Публичная лекция Далай-ламы XIV в Будапеште, Венгрия. 19 сентября 2010 года. http://savetibet.ru/2010/10/17/dalai_lama.html

Евразийская идентичность сегодня — это все еще ноумен, нечто такое, сущность и смысл чего известны только тому, кто считает себя евразийцем. Пока евразиец есть лишь умопостижимое явление, он еще не существует на уровне феномена — явления, воспринимаемого непосредственно. Но евразийская культура будет постепенно формировать зримый и узнаваемый портрет евразийца в его движении от ноумена к феномену.

Можно с уверенностью сказать, что быть евразийцем не означает быть принадлежащим какой-то специфической общине. Евразийство — это не нация, не политическая общность в гражданском, государственном понимании (россияне, казахстанцы), и это не этническая общность (русские, белорусы, казахи), не классовая и не корпоративная общность (рабочие, крестьяне, собственники). Это другой тип общности, в названии которого слышится континентальная, пространственная доминанта. Однако такой географический подход был бы упрощением, поэтому вслед за русскими учеными Николаем Данилевским и Львом Гумилевым можно говорить, что евразиец — это культурно-исторический тип.

Евразиец, носитель евразийского духа — это самопрезентация Евразии в безбрежной мировой культуре. Образ евразийца пока еще не стал однозначно опознаваем во всем мире. В истории континента первые евразийцы служат образцами, первыми ростками интегративной культуры, выросшей в условиях доминирования других культурно-исторических типов. Они идейно опережали свое время, поэтому их дела и труды нередко оказывались в тени актуального творчества. Но сегодня они ярко освещают самый ранний период возникновения евразийской идеи и служат символами духовной смелости и стойкости.

Первопроходцы нового понимания геополитического значения континента еще в XIX веке заложили фунда-

мент евразийского будущего. Среди первых евразийцев нужно упомянуть ученого-востоковеда, первого казахского этнографа, художника Чокана Валиханова, великого казахского поэта и просветителя Абая Кунанбаева, востоковедов Петра Семенова-Тян-Шанского, Григория Грумм-Гржимайло, Андрея Снесарева — тех немногих, верящих в Евразию как в «благую весть» и затерянных в шуме войн XX века.

В начале XX столетия сформировалось целое направление геополитической мысли, получившее название *евразийство*. У его истоков стояли Николай Трубецкой, Петр Савицкий и Георгий Вернадский. В последние годы нас захлестнул вал теорий и дискуссий об идентичности народов Евразии и различного прожектерства. Единство Евразии является не политическим проектом, а исполнением исторической миссии. Можно без иронии подчеркнуть, что первые евразийцы — это евразийские мечтатели, евразийские футурологи. Не футуристы, а прагматики, разными путями — через науки или искусство — достигшие понимания естественности геополитического единства Евразии. «Великое никогда не рождается вяло, в полутьме, без яркой вспышки, которая и освещает, и ослепляет».²⁷ И возрождение евразийской идеи озарено яркими личностями Льва Гумилева, Нурсултана Назарбаева, Владимира Путина, Григория Лукашенко. Эта идея прошла испытание критикой, забвением, историей и оказалась вновь востребованной в конце XX века. Но и тогда многие считали такую идею не слишком реалистичной. В конце концов, оказались реалистами мечтатели, а не те, кто, не понимая реальной Евразии, называли себя реалистами.

²⁷ www.philosophy.ru/library/foucault/03/fuko_disciplina.zip

4. Продвижение евразийской культуры

Непрекращающийся поток насилия, войн, отчуждения поставил вопрос о природе человека. Если все эти ужасы представляют собой норму человеческого существования, то есть ли шанс преодолеть эту природу? Ведь вышел же человек из состояния дикости, создал цивилизацию, следовательно, ускорив эволюцию, можно выйти на предполагаемый — более человеческий уровень существования.

Если так, то необходим новый уровень материального производства и новый уровень культуры. Новое воспитание, новое образование, новые нормы, может быть, и традиционные, но очищенные от ненависти. Этим питается потребность в новых людях, новой элите, заинтересованной в переменах. Народы жаждут изменений к лучшему, они с радостью примут достижения технического прогресса, новейшие лекарства, новую энергетику, новую солидарность. Евразийская идея среди прочих претендентов обладает наибольшей приближенностью к реальным общественным процессам, поэтому она вполне может быть базой для социальных новаций.

Эта идея — осмысленный ответ на вызовы истории. Сегодня идея интеграции набирает потенциал реальной альтернативы глобализму, в том числе в культуре. Традиционная культура размывается глобальными тенденциями, силы сопротивления изначально неравны. Унификация глобальной нравственности атакует уже последний оплот традиционной культуры — семью. В развитых странах институт семьи переживает такие новации, как однополые браки, право выбора ребенком своей половой идентичности. Многие еще не осовремененные общества смотрят на эти тенденции с опаской.

Подобный универсализм дает силы больше заботиться о своей культурной идентичности. Чем больше мы знакомимся с представителями других культур, тем яснее понимаем, что по-настоящему важно и ценно именно для нас. Для оседлого земледельца непреходящей ценностью были дом и община, родная земля, пропитанная потом и кровью многих поколений земледельцев — защитников отчего дома. Для кочевника ключевой ценностью было движение, возможность перемещаться, передвигаться, искать лучшие пастбища. Наследникам обоих жизненных укладов и устойчивость, и мобильность нужны в равной мере, так что дополнительность культур более выигрышна, чем универсализация. Интеллектуальное приращение богатств евразийской ментальности за счет европейского и азиатского багажа, как и передача своего, не уменьшает ни один из них.

Увеличению интеллектуальных ресурсов способствует просвещение. Великое обретение человечества — просвещение — представляет собой важнейший элемент культуры и воспринимается всем прогрессивным человечеством как благо.

Стоит заметить, что так называемые неоевразийцы ошибочно заняли позицию враждебности по отношению к просвещению. Они противопоставляли западному просвещению и универсализму — восточный мистицизм и «цветущую сложность». Благодаря неоевразийцам это противопоставление стало штампом, поощряющим браваду собственной культурной отсталостью и гордость за провинциальный мистицизм. Ложные угрозы просвещения — это упорство в своем пасторальном счастье быть непросвещенным, весьма отсталый прием самозащиты.

Косвенные претензии к идеям просвещения, конечно, есть. То, что достижения человеческого разума используются современными политическими технологами для

антигуманных целей, неприемлемо ни с каких позиций. Изошренные методы воздействия на сознание и подсознательные структуры человека для достижения политических целей и отсутствие возможности защититься от них вселяют недоверие к силам разума, направленным против человека. Защитная реакция — обращение в иную ментальную сферу. Это благоприятная почва для прорастания мракобесия, оккультизма, первобытных инстинктов. Нельзя не понимать губительности этих тенденций, ведущих к культурной, социальной деградации и создающих такую психологическую атмосферу, в которой тонут планы развития страны. Когда сознание замусорено и закрыто для восприятия новых идей, никакие материальные предпосылки не могут способствовать прогрессу. Все усилия будут напрасны.

Поэтому ментальное оздоровление людей, снятие недоверия к рационализму, к великим завоеваниям просвещения — одно из условий успеха евразийской идеи. Эта задача под силу интеллигенции, экспертному сообществу, педагогам при непосредственном участии средств массовой информации. Они могли бы вспомнить о своей роли — роли средств массового просвещения — и осуществлять интеллектуализацию ментального пространства Евразии. Вспомнить, что существуют не только «черные» технологии работы с сознанием, но и «белые» — позитивные. Глухая оборона загадочной восточной ментальности — это тупик; напротив, взаимное просвещение, познавательный интерес — это созидательные примеры. Их цель — расчистка ментальной площадки для развития политической сферы, ведь мистифицированное сознание легко запугивать, с просвещенным сознанием это сделать сложнее. Ошибочно думать, что власти всегда заинтересованы в оглушении масс. Власть неоднородна, и в ней много течений, а ее состояние зеркально отражает духовное состояние народа.

Если имеет место тенденция к росту интеллектуального и морального уровня народа, то вместе с ним повышается моральный уровень и тех, кто по долгу службы призван стоять выше народа.

Нет никакого противоречия в том, что инициатором этого процесса, его двигателем является государственная власть. Других двигателей сегодня нет, поскольку основные силы государственного механизма направлены на обеспечение успеха в области экономики. Очевидно, что от этого фактора зависит сохранение целостности общества. Государственная власть традиционно воздействует прежде всего на естественные, первичные аспекты существования людей. В этом ее успехи неоспоримы.

Оппоненты не преминут указать на то, что государственная власть также преуспела и в создании смыслов, оправдывающих ее деятельность. И это действительно так. В кругах либеральной интеллигенции, будь то русская, советская, российская или украинская, принято относиться к власти с нескрываемым пренебрежением. Не будем углубляться в причины этого устойчивого психологического комплекса, сотканного из смеси безразличия с неудовлетворенностью, но зададимся вопросом: что же двигает общественный прогресс? Интеллигентский дух противоречия, или то «насилие» и «зло», которое именуется властью?

И без апологетики власти легко показать, что есть и другой взгляд на роль власти, отличающийся взвешенностью и реалистичностью, который представляется более приемлемым и прагматичным для консолидации идейной платформы совместных усилий народа и власти. Известный французский интеллектуал Мишель Фуко отмечал: «Надо раз и навсегда перестать описывать проявления власти в отрицательных терминах: она, мол, „исключает“, „подавляет“, „цензурует“, „извлекает“,

„маскирует“, „скрывает“. Существующая власть является производителем реальности. Она производит регионы и сферы объектов, а также культивируемые и насаждаемые ею ритуалы истины. Каждый индивид и знание о нем, скрытое и явное, есть продукт ее деятельности».

Утверждение о том, что государство производит индивидов, нужно понимать так, что именно государство создает (или не создает) возможности и рамки для частной инициативы, условия для становления и развития индивидуальности, реализации индивидуальной воли. В идейно-философском наследии проблема равновесия воли (власти) и культуры человека дискутировалась довольно широко, но не нашла приемлемого решения. А в XXI веке эта проблема обрела особую остроту. Развитие личности является необходимым условием общественного прогресса, но это возможно лишь в таких социально-политических формах, в которых эта личность самостоятельно принимает решения, — в отношениях субъектов.

Оптимальная формула такого устройства пока не найдена, так как снятие рамок индивидуальной свободы приводит к росту разлагающих общество явлений — таких как социальный эгоизм и различные отклонения от принятых норм общественного поведения. А чтобы не возникало неподконтрольных государству сообществ, в том числе тайных или криминального толка, государство не должно препятствовать процессам, в основе которых стремление свободной самореализации личности. Не самым лучшим образом оборачивается и нерешительность власти в деле развития индивидуальной инициативы.

Наибольшее значение для людей имеет частная жизнь, обеспечивающая реализацию насущных потребностей, таких как семейный уют, безопасность, признание и т.п., которые люди получают в своем микрокосме. Ежеднев-

ная будничная жизнь людей — это, по всей видимости, далеко не малозначимая часть истории. Но рост значения этого уровня бытия, уход масс в область частной жизни — то, что наблюдается сегодня в демократических странах, как молодых, так и зрелых, — напоминает добровольный отказ от исторического творчества. Возможно, это следствие чрезмерности политической манипуляции, которая порождает разочарование, вызванное осознанием несоизмеримости своих сил с глобальными масштабами разворачивающейся истории. Для развития евразийской идеи нужно обратное: чтобы люди в массе своей становились сознательными участниками исторического процесса, а не замыкались на проблемах своего околотка.

На тех, кто стоит во главе интеграционных процессов, — на пассионариях XXI века — лежит обязанность разъяснить выгоды от перемен. Долг лидеров — открыть глаза тем, ради кого перемены осуществляются.

Президенты России, Казахстана, Беларуси оказались на уровне понимания своих исторических задач в создании Евразийского союза. Евразия не будет ни Евросоюзом, ни США, ни СССР, она будет другой, но это не причина опасаться ее восхождения, прячась в скорлупе суверенных стран, устроившись в национальных квартирах.

Реальные перемены любого рода требуют рекрутирования активных людей и создание специальных институтов т.е. определенной бюрократизации. Роль элит в успешности интеграционных процессов трудно переоценить. Они способны как обеспечить им яркую реализацию, так и похоронить все надежды на общее будущее.

Интегративные структуры — это новые социальные лифты и возможность совмещения политики и общественной сферы. Вряд ли можно оспорить полезность рекрутирования в государственные и межгосударственные институты людей из разных сфер общественной

деятельности. Общественная деятельность уровня евразийской интеграции может привлечь активных людей и стать благодатным полем для раскрытия своих способностей в большей степени, чем местные проблемы.

Нужны политики с широким интеграционным мировоззрением, которые умеют повести за собой и показать, как общая политика отражает интересы граждан, их стремление к свободе, к процветанию. Задача элиты — помочь людям создать то будущее, которого они желают. Методов такого воздействия не так уж много. Самый надежный — это убеждение в том, что евразийский выбор не состоит во вступлении в чью-то готовую организацию, а представляет собой открытый общественный проект, в котором каждый может реализовать свой индивидуальный план лучшей жизни. На этой стезе требуются особые способности политика: улавливать и воплощать желания множества людей, умение настроить их на достижение идеалов, умение объединять усилия многих в едином порыве.

В арсенале манипулятивных методов есть «непотопляемый» довод о пользе для простого человека. Какая же польза простому человеку от евразийской интеграции? Отвечая на этот сакраментальный, но, по сути, провокационный вопрос, эксперты начинают перечислять заготовленные данные о росте ВВП, объемах торговли, снятии препятствий и т.д. Но любой выдающийся показатель может быть побит живым свидетельством, типа «а вот мне от интеграции никакой пользы нет». Более того, найдутся всегда и те, кто ощутил потери от объединения, а значит, выгода не абсолютна. Это «верное» заключение объясняется двумя обстоятельствами.

Первое: персональная выгода всегда имеет частный и относительный характер, поэтому как критерий неприемлема для оценки масштабных социально-экономических и политических проектов. Приобретения и потери

в межгосударственных отношениях оцениваются в более широких координатах, чуть более сложных, чем прямое взаимодействие. Вот пример: в одном из французских парков решили избавиться от комаров, чтобы те не досаждали отдыхающим, и установили емкости с химикатами. Комары исчезли. Но расплодились гусеницы, уничтожающие растения. Выяснилось, что птицы, для которых комары были привлекательным кормом, покинули парк, отчего расплодились вредители. Оценив приобретения и потери, борьбу с комарами решено было прекратить. Птицы вернулись, и парк был спасен.

Второе: для частного сознания польза от крупных и сложных проектов неочевидна, она просто несоизмерима с частностью. Большинство людей способны понять, что стратегическая задача создания условий лучшей жизни выше по значимости, чем какое-то частное улучшение. Благодаря этому пониманию люди вкладывают труд и строят водопровод, а не ждут дождя, экономя силы. Это понимание можно продвигать, объясняя сложность мироустройства, доказывая необходимость, неизбежность и благодать интеграционных процессов. Но ни абстрактные статданные, ни размышления о тенденциях, ни доводы экономической целесообразности не будут столь же эффективны, как художественное слово, как образное воздействие.

Есть проблема в том, что в современном информационном мире остается непреодолимой пропасть непонимания между теми, кто «создает» информацию и теми, кто ею пользуется. Элиты и общество в силу размежевания по отношению к информации мыслят типологически различно. Полагается за норму, что народ не понимает того, что понятно элите. Это не считается нужным преодолевать, восстанавливая понимание. Но если не подтягивать низший уровень понимания к высшему и не приземлять оторвавшееся от почвы сознание,

эта пропасть будет только расширяться, духовно обедняя обе социальные страты.

Сегодня прямое формирование сознания, в том числе интеграция менталитетов, — это задача, решаемая технологически. Когнитивные технологии освоены и политикой, и бизнесом. Во главе их — экранная культура кино и телевидения, которая убедительно демонстрирует силу вымышленного и его превосходство над действительным, причем в самой практике, а не на экране. По существу, необязательно пытаться менять мир — достаточно настроить сознание на иное восприятие мира, и нужный информационный результат будет достигнут. Но когда этот результат подкрепляется реальностью, то трансформации подвергается все мировоззрение, и сознание, и бытие, которое само становится фактором коренных изменений общественной практики.

Часть IV. От общих интересов к Евразийскому экономическому союзу

1. Интеграционные интересы Украины

Украина, без всяких преувеличений, — важнейшая, неотъемлемая часть нового евразийского пространства. При заинтересованной политике Украины евразийская интеграция развивалась бы более динамично. Промышленный восток страны и вне интеграционных процессов тесно связан с российской промышленностью кооперативными связями, а люди по обе стороны российско-украинской границы лишь при «правильной» постановке вопроса могут указать на какие-то различия между собой.

Очевидно, что ситуация взаимного недоверия должна и будет меняться в сторону улучшения. Период презентации миру своей независимости прошел у многих стран бывшего СССР, и теперь они самоопределяются геополитически, стараясь подороже выставить на геополитическом рынке свою лояльность авторитетным мировым державам. Для Украины этот вопрос болезненный, поскольку она, будучи в плену своего независимого имиджа, не желает попасть под подозрение прогрессивной Европы в тяготении к России. Россия также, будучи в плену навязанного ей имиджа империи, не всегда идет навстречу. Ситуация непростая, но условия развития

интеграционных процессов никогда не бывают лишь благоприятными.

Председатель коллегии Евразийской экономической комиссии Виктор Христенко считает, что для Таможенного союза Украина — один из ключевых партнеров. «Мы в любом случае будем продолжать выстраивать с ней экономическое взаимодействие, — отметил он в интервью «Советской Белоруссии», — и уже это делаем. А какой выбор сделает Украина — время покажет»²⁸. В этой фразе помимо основного ее смысла есть еще один верный акцент: диспозиция Таможенный союз — Украина позволяет удачным образом перевести разговор в плоскость неких новых отношений Украины с новым субъектом евразийской политики, свободным от тяжести предшествующего опыта.

Это своего рода субъективная предпосылка интеграции. Объективная — понятная всем важность экономического развития. Наверняка где-то в недрах украинской элиты зреет убеждение в том, что Украина не сможет развиваться индустриально из-за узости внутреннего рынка, что очевидно уже сегодня. Ближайший к Украине рынок — это Таможенный союз. Понятно, что для ЕС сама Украина интересна исключительно как рынок сбыта, не более, однако это не единственная причина, по которой важно как можно дольше поддерживать идею «правильного европейского пути» Украины.

Европейцы в политике не новички, им должно быть очевидно, что Украина будет в Таможенном союзе рано или поздно. Данная ситуация интересна тем, что в условиях неопределенности (или, правильнее будет сказать, неприсоединения) основным ресурсом является политика, а не экономика, в результате чего в вышеупомянутом коридоре неопределенности извле-

²⁸ <http://www.sb.by/post/139846/>

кают выгоду и украинские элиты, хотя их страна от этого не выигрывает. Объективная экономическая необходимость и естественность промышленно-торговых связей эту неопределенность снимут. Вопрос лишь в условиях и в диспозиции. И надо отметить, что Украина успешно повышает свои котировки на интеграционном рынке.

Если говорить о том, что на евразийской территории образуется рынок интеграционного участия, то странам ЕЭП стоит побороться за Украину, чтобы уже сообща наравне с лидерами мировой интеграции ЕАС мог стать полноценным региональным игроком. Украина нуждается в особом подходе, и это не просто скидка на газ — это образ будущего для Украины. Раскрытие данного подхода дало бы большие преимущества, прежде всего миноритариям ЕЭП. Заинтересует ли Украину роль одного из лидеров ЕЭП, который бы отвечал за контакты с Евросоюзом, будет ли привлекательным для нее собственный вес в Евразийском союзе, или то, что ее включение в интеграцию каким-то образом уменьшит безоговорочное доминирование России в Евразийском союзе? Сравним оба варианта.

На **диаграмме 7** отражены номинальный ВВП Украины и стран ЕС (если бы Украина входила в ЕС). Значение ее вклада — в районе 1% ВВП.

Если же условно включить Украину в ЕЭП, ситуация будет выглядеть так, как отражено на **диаграмме 8**.

В ЕЭП Украина играла бы куда более весомую роль, нежели в Евросоюзе, но тут возникает проблема сравниваемых величин.

Так или иначе, рынок геополитических предложений для Украины со стороны ЕЭП не только остается открытым, но и готов выдвигать новые заманчивые перспективы. Торг заинтересованных в этом вопросе сторон будет продолжен.

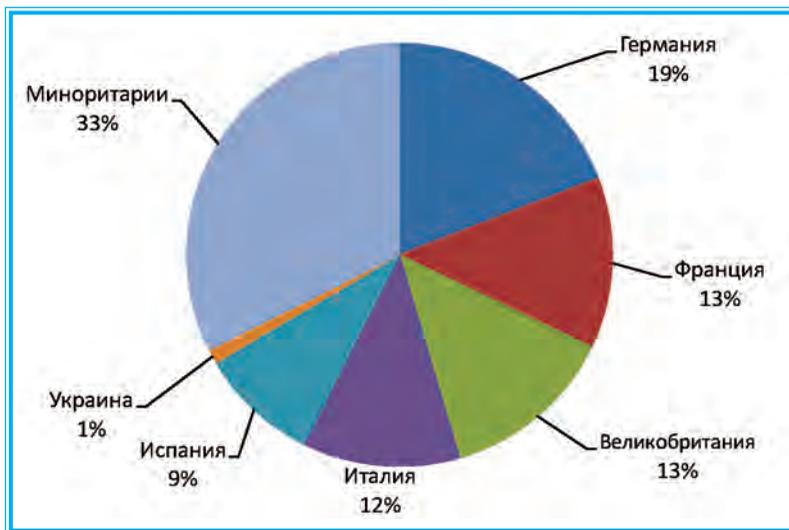

Диаграмма 7. Номинальный ВВП Украины и стран ЕС (если бы Украина входила в ЕС)

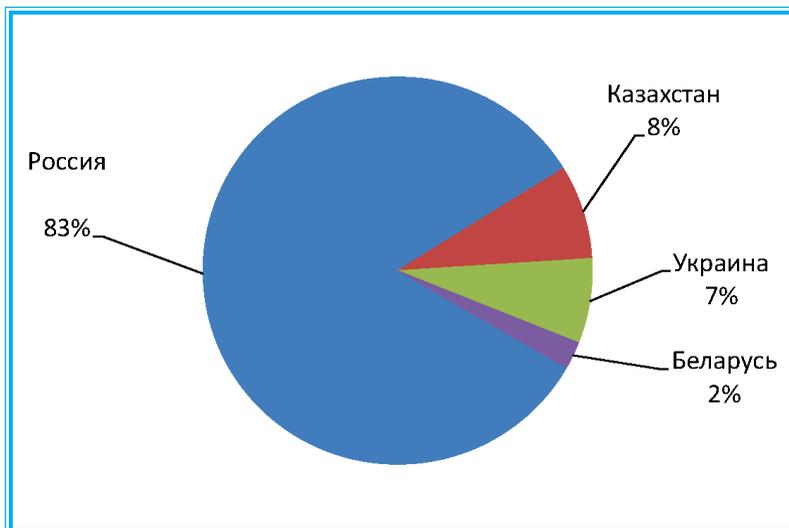

Диаграмма 8. Номинальный ВВП Украины и стран ЕЭП (если бы Украина была в составе ЕЭП)

5 декабря 2012 года	Президент Украины Виктор Янукович заявил в Ашхабаде, что Украине необходимо присоединиться к некоторым положениям Таможенного союза, иначе она много чего потеряет в экономическом плане.
	В Брюсселе утвержден проект решения Совета ЕС по вопросу ассоциации с Украиной, смягчены некоторые предварительные требования.
	В Ашхабаде президент Украины Виктор Янукович отказался подписать соглашение об организации интегрированного валютного рынка, в котором будут участвовать страны — участницы Таможенного союза.
9 декабря 2012 года	Сергей Глазьев: «Мы ведем большую работу с Украиной, пытаюсь убедить украинское руководство войти в Таможенный союз».
11 декабря 2012 года	Представитель ЕС по международным вопросам и политике безопасности Кэтрин Эштон в телефонном разговоре с премьер-министром Украины Николаем Азаровым заявила о готовности Брюсселя провести саммит Украина — ЕС в Люксембурге летом 2013 года.
18 декабря 2012 года	Уполномоченный правительства Украины по вопросам сотрудничества с РФ, СНГ, ЕврАзЭС и региональными объединениями Валерий Мунтян: «Украина согласовала с экспертами Таможенного союза цену газа на уровне 165 долл. за 1 тыс. куб. м в случае присоединения к союзу» ²⁹ .
	Президент Украины Виктор Янукович отложил свой визит в Москву, где планировалось договориться о формах сотрудничества Украины с ТС.
20 декабря 2012 года	Глава комитета иностранных дел Европарламента Элмар Брок на пресс-конференции 20 декабря в Киеве одобрил отказ Президента Украины Виктора Януковича от визита в Москву.

²⁹ <http://www.rbc.ua/rus/newline/show/ukraina-soglasovala-s-ekspertami-ts-tsenu-gaza-na-urovne-18122012090400>

По расчетам экономистов, Единое экономическое пространство с Таможенным союзом может давать Украине до 9 миллиардов долларов ежегодно, в то время как альтернативный путь интеграции с ЕС, напротив, может стоить Украине от 3 до 7 миллиардов долларов потерь в год. Но дело не в объективной стороне выгоды, ведь мы видим, что убедительность результатов экономического анализа не действует на украинских соседей.

Украинские политики умело маневрировали между двумя интеграционными проектами, извлекая политическую выгоду из своего положения, однако в конце 2012 года маневры зашли в тупик. От премьер-министра Украины Николая Азарова можно было услышать, что для экономики Украины жизненно важно договориться и взаимодействовать со странами Таможенного союза, одновременно вступив в ассоциацию с Европейским союзом. Между тем со стороны соперничающих за Украину интеграционных центров было озвучено вполне определенное неприятие такой двойственности.

Небольшая хронологическая таблица декабрьских интеграционных исканий Украины показывает сложную внутреннюю борьбу двух тенденций в украинской политике.

Довольно характерные колебания на рынке интеграционных предложений для Украины — это нормальное рыночное поведение. В отношениях Украины и России оно дополняется некоторыми шагами в сторону обеспечения взаимной независимости. Например, Россия развернула производство вертолетных и ракетных двигателей, ранее закупаемых в Запорожье. В Украине прорабатываются возможные пути ухода от зависимости поставок газа и нефти со стороны России. Идут изыскательские работы, поиск партнеров (Chevron, Shell). Россия создает газопроводы в обход территории Украины. Если не удастся договориться, стороны ищут иные пути реализации своих

экономических интересов в соответствии со своим представлением о выгоде. Получать природный газ от другого поставщика или использовать территорию другой страны для транзита газа, несмотря на повышенные издержки, вполне выгодно, если эти издержки компенсируются.

В чем стратегически для Украины выразится эта компенсация, не вполне ясно, но европолитики умело держат Украину на дистанции, манипулируя евроинтеграцией. Немецкий европеец Райнер Стиннер (депутат Бундестага, официальный представитель по вопросам внешней политики правящей в Германии партии FDP) посоветовал Украине думать не о конкретной дате подписания Соглашения об ассоциации, а об общей дороге к ЕС³⁰. Португальский европеец Жозе Мануэль Тейшейра (экс-посол ЕС в Украине) в августе 2012 года заявил о возможности отмены саммита Украина — ЕС, планируемого на 2013 год³¹. Польский европеец Ян Томбинский (посол ЕС в Украине) в октябре сообщил, что решения об отмене саммита нет, но дата встречи в верхах остается неопределенной, поскольку нет для этого соответствующих условий³². Французский европеец Штефан Фюле сообщил, что польские и литовские европейцы за соглашение с Украиной, в то время как британские, французские, голландские, шведские, датские, испанские и итальянские европейцы настаивают на выполнении политических условий³³.

В качестве условий для соглашения с ЕС Украине выдвигаются требования изменить законодательство, чтобы

³⁰ <http://korrespondent.net/ukraine/politics/1434518-nemeckij-politik-my-ne-sorevnuemysya-s-rossiej-kuda-vesti-ukrainu>

³¹ http://fbc.net.ua/news/politic/es_ne_khochet_provodit_sammit_ukrainaes.html

³² <http://focus.ua/politics/246792/>

³³ <http://korrespondent.net/ukraine/politics/1434032-evropolitiki-soobshchili-kto-ne-daet-podpisat-soglashenie-ob-associacii-mezhdu-ukrainoj-i-es>

новый избирательный кодекс, на котором годами настаивает Совет Европы, был проработан с участием оппозиции, также припоминают жалобы от активистов по защите прав человека в Европе и в Германии об обращении с заключенными в Украине — стандартный набор претензий. Райнер Стиннер при этом уточняет, что Евросоюз не соревнуется с Россией, куда вести Украину³⁴, однако для характеристики активности Евросоюза в отношении Украины подходящим является именно это слово — соревнование. Еще в октябре 2012 года европолитики ставили под сомнение проведение саммита с Украиной. Но как только стала заметной активизация интереса Украины к ТС, что явно просматривалось в предвыборной программе Президента Украины Виктора Януковича, европейцы развили соревновательную активность: смягчили условия, назначили дату встречи в верхах, организовали переговоры, пресс-конференции. Надо отметить, что информационную политику в Украине ЕС ведет грамотно. Преимущества сотрудничества с Евросоюзом активно обсуждаются в прессе, в то время как плюсы и минусы соглашения с Таможенным союзом не освещаются. По крайней мере, после президентских выборов эта тема из информационного поля Украины выпала.

По результату соревнования заявки на вступление Украины в ТС нет. Европейцы смогли побить даже такой сильный козырь, как более чем двукратное снижение цены на газ. Официальная версия в евразийских кругах, которую озвучил Президент России Владимир Путин, — экономические проблемы в связи с передачей ряда функций наднациональному органу Таможенного союза, в том числе полномочий по выдаче квот на поставки труб. Как объяснение это правдоподобно, но как причина —

³⁴ <http://korrespondent.net/ukraine/politics/1434518-nemeckij-politik-my-ne-sorevnuemsya-s-rossiej-kuda-vesti-ukrainu>

не годится. Решение по квотам в рамках исполнительного органа с украинским представительством — вопрос обсуждений, а не принципов.

Вариант выборочного соглашения Украины с ТС с ходу отверг Президент Беларуси: «Никаких выборочных присоединений к отдельным документам Таможенного союза (ТС) быть не может — вы либо принимаете их целиком, либо нет!» — заявил после заседания Высшего евразийского экономического совета (высший орган ТС Беларуси, Казахстана и России) в Москве Александр Лукашенко.

Мотивация украинской элиты к соглашению Украины с ЕС, как видно из динамики событий последних месяцев 2012 года, намного сильнее мотивации к соглашению с ТС, несмотря на то, что в ТС Украину приглашают в качестве соучредителя без каких-либо предварительных условий в виде изменения избирательного, судебного законодательства. Возможно, что ситуация в украинской экономике дает возможность стране маневрировать между ЕС и ТС. Вот здесь и могла бы быть использована умная политика Таможенного союза — предложить Украине роль Евроинтегратора от лица ТС. В этом случае Украина могла бы занять выигрышную для себя позицию — разговаривать с Европой от лица всего ТС по программам развития внешнего контура интеграции с Евросоюзом. А Таможенный союз с интегрированной в него Украиной обрел бы свою естественную континентальную форму, в которой Украина стала бы полноценным участником системы регионального разделения труда.

2. Дорожная карта азиатской интеграции

Особое внимание югу Евразии следует уделить по той причине, что областью расширения евразийской интеграции в ближайшей перспективе могут стать именно центральноазиатские страны.

Безусловным лидером, локомотивом евразийской интеграции в Центральной Азии является Казахстан. Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев — основоположник новой евразийской интеграционной идеи и родоначальник интеграционного процесса на постсоветском пространстве. Интеграционную дипломатию он развернул в те сложные времена, когда набирали силу дезинтеграционные процессы и когда никто из соседей по постсоветскому пространству не мыслил категориями общего будущего — так притягательны были горизонты индивидуального в национальном плане благополучия. Едва ли не единственный из лидеров постсоветского пространства Нурсултан Абишевич пророчески указывал на то, что объединение усилий на пути к достижению национального благополучия — это наше общее будущее. Казахстан всецело поддерживал своего лидера, и сегодня это наиболее динамично развивающаяся страна в Центральной Азии с передовой экономической стратегией, с открытой культурой, умным управлением и миролюбивой политикой.

Казахстан не просто участник всех интеграционных проектов в Евразии, он занимает ведущие позиции в региональных и межрегиональных международных структурах, является инициатором и соучредителем многих из них. В Послании 2012 года глава Казахстана подчеркнул: «Мы отвечаем на глобальные вызовы XXI века углублением евразийской интеграции. Мы вместе с Россией и Беларусью сформировали Единое экономическое пространство, идем к созданию Евразийского экономического союза. Это важный фактор общерегиональной

стабильности, повышения конкурентоспособности наших экономик».

Другие страны Центральной Азии несколько отстают от Казахстана в интеграционной активности, но пример Казахстана важен как яркое свидетельство, опровергающее заезженные стереотипы о неповоротливости, косности, закрытости азиатской политики, неспособности азиатских стран к самостоятельной международной активности. Это пример для соседей, показывающий, что в интегративных структурах страны Центральной Азии могут занять достойное место в региональной системе разделения труда на равных условиях с соседями, постепенно поднимаясь на качественно новый уровень развития своих социально-экономических систем.

Де-факто Кыргызстан и Таджикистан экономически интегрированы и с Казахстаном и с Россией. Говоря о Кыргызстане, нужно вспомнить, что по разным оценкам до $\frac{2}{3}$ трудоспособного населения добывает себе средства к существованию за пределами республики. Граждане Кыргызстана (при 5,5 млн населения) путем трудовой миграции связаны с российским рынком настолько плотно, что трудно дать этому однозначную оценку, так как, с одной стороны, трудовая миграция киргизов приносит в бюджет страны до 29% ВВП, а с другой — отток трудовых ресурсов создает острый дефицит квалифицированных кадров внутри страны.

Заинтересованной стороной в интеграции Кыргызстана в ТС является и его сосед — Таджикистан, не имеющий на сегодня общей границы со странами ТС. Население Таджикистана — 7 миллионов 800 тыс. чел. Трудовая миграция ежегодно — около миллиона человек, 97% которых приходится на Россию. ВВП страны обеспечивается заработками таджикских трудовымигрантов на 47%, и это самый высокий показатель среди стран мира. По данным за 2011 год, из этого источника в страну

поступило свыше 3 млрд долл., и год от года этот показатель растет. Таджикистан своими трудовыми ресурсами неформально интегрировался в экономику России, в результате чего образовалась реальная взаимозависимость экономик двух стран, разрыв которой болезненно сказался бы на их экономическом благополучии.

В 2012 году Таджикистан всерьез задумался о том, чтобы присоединиться к Таможенному союзу Беларуси, Казахстана и России. Плюсы для Таджикистана те же, что и для Беларуси: только на импорте ГСМ при отмене пошлин можно экономить до 350 млн долларов в год. Обоюдная выгода ТС и Таджикистана состоит также в нормализации рынка трудовых ресурсов. Вопрос регулирования рынка труда в настоящее время — один из приоритетов работы евразийских интеграционных институтов. Конструкция этого рынка еще не завершена, но есть уже соглашение по признанию социальных прав трудящихся мигрантов, которые не должны дискриминироваться на территории государств ТС. Соглашение касается вопроса обеспечения социальными гарантиями трудовых мигрантов в том же объеме, что и граждан принимающей стороны.

Контурсы евразийской интеграции имеют явное экономическое очертание: торговая политика, таможенное регулирование, техрегулирование, санитарный, ветеринарный и фитосанитарный контроль, антимонопольная политика, формирование единых требований для трудящихся мигрантов, выход на единый финансовый рынок. Большая часть этих вопросов касается урегулирования отношений, которыми Россия и другие страны Центральной Азии связаны неразрывно.

Россия, в последние годы признавшая важность региона Центральной Азии для усиления своих международных позиций, уже не может рассчитывать только на сохраняющиеся со времен СССР межгосударственные и межкультурные связи. Это объясняется тем, что преж-

ние связи за прошедшие два десятилетия ушли в историю. Общая история приобрела вариативность и имеет на сегодня число интерпретаций, равное числу стран центральноазиатского региона. Выросло новое поколение, лишенное ностальгии по старым временам, и поэтому успех за новыми моделями сотрудничества.

Что обещает общий рынок центральноазиатским странам? Сергей Глазьев говорит о бурном росте взаимной торговли, который будет продолжаться, о развитии кооперации, о формировании совместных предприятий. За время функционирования Таможенного союза товарооборот между тремя странами увеличился на 10%, а их товарооборот с внешним миром за это время увеличился только на 4,7%. Изменения становятся еще более рельефными, когда мы обращаем внимание на структуру этого товарооборота. В нем доля машин и оборудования достигает 20%, а в структуре торговли с внешним миром доля машин и оборудования в экспорте стран ТС в среднем только 2%. Эти данные свидетельствуют о том, что активизация взаимной торговли развивает производственный потенциал стран — участников ТС, их транспортную инфраструктуру, кооперацию крупнейших предприятий.

Дальнейшее углубление интеграции для усиления совокупного экономического эффекта предполагает решение всех вопросов, связанных с торговлей товарами, а именно:

- 1) унификация промышленных и сельскохозяйственных субсидий для выравнивания условий конкуренции;
- 2) обеспечение свободного доступа всех участников к государственным закупкам друг у друга;
- 3) создание единого энергетического рынка, единого рынка транспортных услуг;
- 4) гармонизация систем макроэкономического регулирования, в частности, было принято решение о выравнивании уровней акцизов, поскольку водка

и табак где-то стоят очень дешево, отчего возникает переток товаров.

Будучи неконкурентоспособными на внешнем рынке, банки стран СНГ проникают на финансовые рынки сопредельных государств, поддаваясь глобальному тренду расширения своей сети. Основные потоки инвестиций идут из России в Беларусь, Украину, а из Казахстана — в Россию, Кыргызстан, Таджикистан. Взаимопроникновение кредитных организаций показывает уверенный рост, торговые инвестиционные операции набирают обороты. Показательно, что в банковской экспансии на пространстве СНГ Россия не является безусловным лидером, а это убедительно свидетельствует о реальности паритета экономических возможностей на общем евразийском рынке.

В сфере развития свободного движения услуг намечены следующие мероприятия:

- 1) до 2015 года в основном будет сформирован единый рынок финансовых услуг (при этом услуги, которые привязаны к территориям, будут предоставляться на условиях национального режима, без дискриминации);
- 2) к 2017 году будут выровнены механизмы банковского регулирования и механизмы валютного регулирования;
- 3) планируется переход к взаимному признанию дипломов, формирование общих стандартов образования;
- 4) будут разработаны общие квалификационные стандарты, чтобы при движении квалифицированных ресурсов не требовалось дополнительного подтверждения профессиональной квалификации;
- 5) идет создание единой системы технического регулирования (приняты десятки технических регламентов, обеспечено признание документов о подтверждении соответствия товаров техническим требованиям).

Таким образом, происходит создание общего рынка, в котором все факторы и результаты производства — труд, капитал, товары — будут свободно перемещаться.

Материальные результаты и новые планируемые интеграционные решения, которые общеизвестны и проверяемы, не во всех случаях являются убедительными доводами в пользу интеграции. Многообразие ракурсов, с которых люди наблюдают интеграционные процессы, различие мировоззренческих позиций, политические привязанности и попросту нелегкая интеллектуальная работа по выработке определенного общественного мнения порождают евразеооптимистов и евразоскептиков, как их определил Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. И тех и других можно встретить в любой стране евразийского пространства, независимо от степени ее интеграции.

При сопоставлении видимых результатов интеграции с позицией экспертов, пытающихся доказать, что все на самом деле не так, а хуже, конечно, именно евразоскептики становятся привлекающими внимание участниками антиинтеграционного пиара.

В частности, предметом скептицизма некоторых казахстанских политиков стала инициатива создания законодательного органа на базе Евразийского союза.

Одним из авторов этой идеи является Президент Казахстана. В своей статье «Евразийский союз: от идеи к истории будущего» в газете «Известия» от 25 октября 2011 года Нурсултан Назарбаев давал прогноз о том, что в недалеком будущем «...дебаты будут вестись с трибуны Евразийской ассамблеи — наднациональной структуры, объединяющей парламентариев наших стран». В газете «Казахстанская правда» от 24 мая 2012 года вице-спикер Сената Парламента РК Александр Судьин высказал предположение о том, что к завершению кодификации международных договоров, составляющих

нормативно-правовую базу Таможенного союза и Единого экономического пространства, а точнее, к 1 января 2015 года будут определены роль и место парламентской составляющей в процессах интеграции на территории Евразийского союза. Эту инициативу с означенными временными рамками и продвигал в межгосударственных контактах по парламентской линии Сергей Нарышкин.

Евразоскептики выступают со своим видением реализации этой инициативы. Они отмечают, что аналогичный парламент в Евросоюзе выполняет декоративную роль.

Конечно, к наиболее актуальным задачам интеграции создание общего парламента не относится, однако при демократическом разделении функций различных ветвей власти парламентский процесс не помеха работе евразийской экономической комиссии. Вряд ли межпарламентское сотрудничество загружает законодателей настолько, что тем самым тормозит ратификацию важных интеграционных соглашений.

Вполне возможно, что идея создания союзного парламента кажется непонятной по форме и преждевременной. Вероятно, что не сложилось еще представление о том, каков должен быть его формат, какова компетенция с учетом европейского опыта. Но уж точно маловероятным представляется необходимость останавливать развитие форм естественного интеграционного процесса, не пытаясь их рационализировать. Опыт создания новых институтов — это всегда эксперимент. Евразоскептики предлагают обойтись без него, провидчески утверждая, что он потерпит фиаско.

Общий институт парламентаризма — лишь один из множества предметов атаки евразоскептиков. Но основное их оружие неизменно, они выбрали априори выгодную позицию защитников национального суверенитета.

Но вот что интересно: именно главы государств-участников двигают интеграционные процессы и ведут

за собой свои страны. Они ставят задачу нормативной проработки, вносят на ратификацию парламентами соглашения, которые формируют Единое экономическое пространство, создают единое регулирование в области магистрального железнодорожного транспорта, финансовых рынков, антимонопольного регулирования, государственных закупок, гармонизируют налоговые системы, которые остаются в национальной юрисдикции.

Главы от имени своих народов учреждают наднациональный орган, который имеет полномочия по принятию решений, обязательных для прямого исполнения всеми тремя государствами в сферах таможенного регулирования, регулирования внешней торговли (тарифное и нетарифное, связанное с ограничениями), санитарно-ветеринарного и фитосанитарного контроля, техрегулирования. С точки зрения евразоскептиков, главы государств и правительства четко и целенаправленно работают над «подрывом» своего суверенитета.

Надо помнить, что на эти якобы подрывающие суверенитет меры идут высшие лица государства, во-первых, призванные конституционно его защищать, а во-вторых, именно их суверенное право принятия решений от лица народов и есть суверенитет. Они являются распорядителями государственного суверенитета, он образует их властную компетенцию. Так получается, что главы государств расстаются с суверенитетом, который наделяет их этими правами? Не похоже ли, что евразоскептики, «отстаивающие» национально-государственный суверенитет, стараются быть «святое Римского папы»?

Евразооптимисты, которых также нельзя обойти вниманием, нередко расширяют оптимизм интеграции далеко за ее пределы, описывая уже свои собственные мечты о создании Евразийского союза как единого большого государства, о чем, естественно не может быть и речи. Из имеющихся источников известно, что лидеры стран —

лидеров евразийской интеграции не говорят о создании совместного государства. Некоторым еврооптимистам кажется малозначительным достижение соглашения по ТС, ЕЭП, и они логически домысливают за лидеров стран интеграции какие-то сверхоптимистичные цели, и уже помимо экономического союза говорят о создании справедливого общественного устройства.

Оптимисты мыслят с размахом: общего рынка недостаточно, это ничтожная цель, а вот новая, другая справедливость... Рядом с этой гигантоманией скромно смотрится работа рядовых министерских специалистов, занятых формированием нормативно-правового фундамента евразийской интеграции, — тех общих правил, которые и образуют реальное единое экономическое пространство.

Экспертов-оптимистов тоже можно понять. Вслед за лидерами стран евразийской интеграции они развивают их тезисы как по букве, так и по духу, не всегда умея вовремя остановиться на пути достижения поставленных лидерами ориентиров. Лидеры говорят об осторожности, с которой надо подходить к интеграционному взаимодействию, оптимисты развивают эту осторожность едва ли не до остановки. Лидеры после очередного саммита говорят об ускорении интеграции — оптимисты, развивая этот посыл, уже описывают грядущее в тех формах, о которых еще и речь не идет. Отсюда поспешность, оговорки и сопровождающий их конфуз.

Таможенный союз снимает некоторые барьеры в торговых отношениях, но это только первые осторожные шаги интеграционного процесса. Ожидать от него сразу прорывных экономических изменений в странах-участниках не совсем правомерно. Общее экономическое пространство только формируется, и размеренность этого процесса есть условие нормальной адаптации национальных экономик, возможность готовиться

к изменениям условий, компенсируя потери и наращивая преимущества. То есть невысокие темпы развития единого экономического пространства играют благоприятную роль для всех стран-участниц.

Опережающая политизация интеграционных процессов ломает последовательность создания интеграционной общности, заменяя сложность выработки общего понимания интеграции кажущейся простотой установления единого формата. Такой еврооптимизм нимало не способствует продвижению евразийской интеграционной идеи, но способен породить в обществе настороженность, недоверие и к лидерам стран, и к большому числу скромных профессионалов, занятых ежедневным кропотливым трудом по сближению позиций в товарной номенклатуре, что, конечно, не так пафосно, как ставить задачи неопределенному кругу лиц по созданию «новой большой страны» и установлению «новой справедливости». По предмету воздействия — эмоциям — этот еврооптимизм мало чем отличается от евроскептицизма.

Эксперты из числа сдержанных еврооптимистов, как правило, выстраивают свою аргументацию с опорой на надежную эмпирическую базу, но иногда проигрывают в оборонительной тактике, отстаивая идею евразийской интеграции.

Национальная геополитическая стратегия представлена ими в довольно непростой альтернативе: либо пытаться максимально сохранить свой формальный суверенитет, рискуя оказаться на обочине мирового развития, либо активно участвовать в интеграционном процессе, осознанно поступаясь частью своих интересов в пользу защиты интересов более высокого порядка — регионального образования. Рациональное начало в этой альтернативе есть, но как оно представлено? Суверенитет и собственные интересы — на одной чаше весов, и мировое развитие, интеграция, интересы региональной структуры —

на другой. В сознании гражданина перевешивает первая чаша, ведь в ней свои ценности и свои интересы — то, что человек защищает в первую очередь, что ему близко и понятно; на второй — нечто далекое, умозрительное, во многом чужое. То есть предлагается выбор явно неравнозначный, и в какую сторону он склонится, ясно даже с учетом внимания к аргументам геополитического характера. Да, выгода в интеграции может быть, да, мировое развитие, но, извините, это не то, ради чего надо жертвовать собственными ценностями и интересами. Скорее наоборот, именно их — свои ценности и интересы — стоит защищать, поступаясь многим другим.

Выбор между национальной замкнутостью, консервацией и развитием в интеграции при определенном делегировании части суверенитета — это частный случай определенной линии защиты, которую сторонники интеграции нередко применяют в ответ на вполне резонный вопрос: а что будет с суверенитетом? К сожалению, эта альтернатива не предлагает даже нулевого результата, она явно убыточна, что обесценивает разумный и правильно ориентированный в других плоскостях интеллектуальный продукт.

Игра с нулевой суммой — этот термин обозначает любую «игру», в которой выигрыш одного «игрока» равен проигрышу другого³⁵. В нашем случае игра разворачивается в отдельно взятом сознании, которому нужно сопоставить обмен суверенитета на развитие и обмен своих интересов на общие. Надо помочь сознанию сделать правильный выбор без ущерба для него и с открытой перспективой в будущее.

Обмен или жертвы — не тот вариант, который готово принять современное сознание; инвестирование — вот

³⁵ Нейман Д., Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. — М.: Наука, 1970.

наилучшая схема рационализации интеграционных процессов. И ценности, и интересы — это человеческие ресурсы, которые обеспечивают жизнь общества, причем индивидуальные не меньше, чем коллективные, а скорее даже больше. Имеющиеся ценности и интересы уже интернализированы, то есть внутренне усвоены и оплачены понесенными тратами, поэтому их обмен на некие абстрактные идеалы сопряжен с такой степенью принуждения, которая вполне может свести все приобретения от интеграции к нулю. По-другому эта картина предстает, если рассматривать ценности и интересы как инвестиционные ресурсы, как то, что достигнуто вложенными ранее усилиями и теперь может приносить пользу. Национально-государственный суверенитет — это ресурс, инвестирование которого в «акционерное» интеграционное общество позволяет выступать в нем равноправным соучредителем, участвовать в принятии определяющих решений на паритетной основе, быть действующей единицей, субъектом интеграционного объединения. В этой системе отношений суверенитет не приносится в жертву и не обменивается. Он не теряет своей целостности и объема, а какой-то своей долей вливается в общий капитал, тем самым давая право распоряжения совокупным капиталом его инвесторам. Инвестируя часть своего суверенитета в общий капитал, Казахстан в лице своих представителей в интеграционном исполнительном органе получает возможность распоряжаться совокупным капиталом суверенитетов России, Казахстана, Беларуси. В этой концепции нет ни утраты, ни растраты, ни обмена на неэквивалентные выгоды, а есть инвестирование с приращением.

Такой же инвестицией является и собственный интерес. Нобелевский лауреат Джон Нэш показал, что классический подход к конкуренции по Адаму Смиту, когда каждый сам за себя, неоптимален. Рациональнее такие стратегии, когда каждый старается сделать лучше для

себя, делая лучше для других. Вложив свой интерес в расширение рынка, расширив пространство маневра, мы получаем более широкие возможности для реализации личной траектории развития (да и просто чем больше пирог тем больше его доля для каждого).

Между тем можно с уверенностью утверждать, что разумное понимание цели расширения евразийской интеграции странами Центральной Азии на данный момент сформировалось; в целом и конкретно по сферам приложения усилий определено, что необходимо делать; складывается представление о последовательности необходимых мероприятий, и, наконец, в 2012 году четко и недвусмысленно проявилась инициатива самих участников интеграции, что наилучшим образом говорит о реальной притягательной силе нового геополитического образования в современной миросистеме — Евразийского экономического союза.

3. Глобальный резонанс

Президенты стран Таможенного союза 19 декабря 2012 года поручили своим правительствам разработать план создания Евразийского экономического союза к 1 мая 2013 года, после чего к маю 2014 года планируется разработать проект соответствующего договора для подписания, с тем чтобы с 1 января 2015 года он начал действовать.

В этот же день учредителями ЕврАзЭС было принято решение о передаче его функции по дальнейшей интеграции созданной для этого Евразийской экономической комиссии. Комиссия самостоятельно принимает решения прямого действия, которые напрямую рабо-

тают в трех странах, а это уже новое качество интеграции — это ее собственное поле.

У ЕврАзЭС остается компетенция в таких областях, как социально-гуманитарное сотрудничество и пограничная проблематика, Суд ЕврАзЭС и Межпарламентская ассамблея. Президент России Владимир Путин отметил, что «сообщество выполнило все задачи, которые перед ним были поставлены: заработал Таможенный союз, запущено Единое экономическое пространство (Россия, Казахстан, Беларусь), создан их общий регулирующий орган — Евразийская экономическая комиссия».

ЕврАзЭС включал в себя *девять* стран постсоветского пространства, три из которых имели статус наблюдателя (Армения, Молдова, Украина). К *шести* странам, уже ратифицировавшим договоры о вхождении в *Зону свободной торговли СНГ* (Россия, Казахстан, Беларусь, Украина, Армения, Молдова), намерены присоединиться еще две страны — Кыргызстан и Таджикистан. Это те же участники ЕврАзЭС. Шесть из упомянутых стран (кроме Украины и Молдовы) состоят в ОДКБ.

Уже дает интеграционный эффект недавнее соглашение о *Таможенном союзе трех стран* — России, Казахстана и Беларуси. Интерес к нему проявляют Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Вьетнам и Новая Зеландия, а также непризнанные республики Южная Осетия, Абхазия и Приднестровская Молдавская Республика. Некоторые аналитики иронизируют по этому поводу, но неоспорим следующий факт: по итогам заседания Высшего евразийского экономического совета 19 декабря 2012 года принято решение о начале проведения переговоров с Социалистической Республикой Вьетнам по заключению Соглашения о зоне свободной торговли. По аналогичной схеме режима свободной торговли с Таможенным союзом работают Сербия и Черногория.

Как видим, это уже многоконтурная структура. Очевидно, что евразийская интеграция стала заметным геополитическим явлением. Сергей Глазьев заметил, что как только мы начали объединяться, интерес к нам со стороны наших западных партнеров резко возрос. Они поняли, что опаздывают.

Для современной России евразийская интеграция — это международная карьера. Президент России Владимир Путин сказал об этом прямо: «...углубление интеграции на постсоветском пространстве является ключевой задачей и экономики, и внешней политики России. Ключевой. Важнее у нас ничего нет. От этого зависит наше будущее». Статус локомотива региональной интеграции — это реальный ресурс международного авторитета, а с другой стороны, это создание внешнего мотиватора собственной активности. Поскольку постсоветское пространство воспринимается как некий геополитический резерв усиления России, то и характер отношений между Россией и этими странами — торг.

Для России в этих условиях экономия выйдет дороже щедрости. Да и остальные страны-союзники по интеграции наверняка осознают необходимость вложений в создание общего пространства возможностей — кто-то меньше, кто-то больше, но другой альтернативы нет. Необходимо понимать, что в краткосрочном плане это экономические затраты, но в долгосрочном — однозначный выигрыш для всех пропорционально затратам.

Но о каких объемах выигрыша идет речь, неужели о мировой гегемонии? Как бы это ни оценивать, но перед Евразийским союзом стоит поистине амбициозная задача... отвоения своего собственного внутреннего рынка. Поле действия ЕАС — это прежде всего внутренний рынок: именно здесь он будет конкурировать с мировым рынком, вписываться в него в своем новом статусе, претендуя на доминирование в регионе. Но уже

только этот шаг к самостоятельности в освоении собственного экономического пространства вызывает кожный зуд у заокеанских партнеров.

Ведущие эмиссионные центры мира, безусловно, озабочены перспективами региональных экономических союзов, потому что каждый из них рано или поздно приходит к вопросу о валютной самостоятельности.

Главы государств и эксперты Таможенного союза неоднократно заверяли общественность о том, что на новую валюту в нынешнем формате интеграции никто переходить не собирается. Президент России Владимир Путин отмечал, что при построении этого союза необходимо учитывать ошибки европейцев и, в частности, не нужно торопиться с введением единой валюты. Поясним, что имеется в виду под негативным опытом Европы в рамках работы зоны евро: введение единой валюты предполагает создание валютно-финансового союза — единой финансово-бюджетной системы с единой системой работы инструментов госдолга, чего в Европе не было сделано. Европейцы с опозданием начинают эту систему формировать, вопрос идет очень болезненно. В конце 2012 года слова о выходе из Евросоюза зазвучали из Великобритании; заговорил о возможном выходе Италии из еврозоны влиятельный политик Сильвио Берлускони: «Если Германия не согласится с тем, что ЕЦБ должен стать полноправным центральным банком и стоимость обслуживания долговых обязательств не снизится, то нам придется покинуть еврозону и вернуться к национальной валюте»³⁶.

Советник президента РФ Сергей Глазьев также заявлял, что в рамках Таможенного союза (ТС) не планируется переходить на единую валюту: «Этот вопрос не ставится. Он обсуждался несколько раз, но по нему нет

³⁶ <http://top.rbc.ru/economics/19/12/2012/837275.shtml>

положительного решения по многим причинам». Но и такие увещевания лишь добавляют беспокойства, поскольку очевидно, что вопрос о валюте интеграционного образования один из наиболее обсуждаемых. В чем же его актуальность?

Есть мнение, что нынешняя международная система организации денежных отношений и торговых расчетов помогает зафиксировать статус сырьевого придатка для одних стран и статус метрополии для других. Вопрос сводится к простому выбору: если страну устраивает ее роль поставщика ресурсов, тогда не стоит ничего менять в финансовой системе, прекрасно справляющейся с обслуживанием этой функции; если же стране или региональному союзу хочется чего-то большего, нежели роль сырьевых экспортеров, системе денежных отношений необходимо пересмотреть.

Эта система разработана несколько веков назад в Британской империи для управления колониями. Ресурсы экспортируются за имперскую резервную валюту, колония же выпускает собственную валюту под залог имперской и только в том объеме, в котором она обеспечила империю своими ценностями. Современный аналог — действующая система эмиссии под залог золотовалютных резервов: страна может иметь ровно столько собственной валюты, на сколько экспортировала товаров и сырья.

Собственная резервная валюта Евразийского союза способна заменить этот механизм колониального управления: как минимум наши ресурсы станут обеспечением нашей собственной резервной валюты и будут создавать на нее спрос. Импортёры нашей продукции вынуждены будут не только рассчитывать в нашей валюте, но и держать ее в резервах. При этом самостоятельная эмиссионная политика позволит освободить эмиссию от привязки к экспортной выручке и обеспечит необходимое количество денег для развития внутреннего спроса и производства. Эксперты говорят, что переход к общей

резервной валюте приведет к необходимости рассчитывать ею за экспортные товары и ресурсы, что создаст на нее спрос, а это реальный шаг к суверенитету и независимой денежной политике.

В этом направлении уже предпринимаются реальные шаги. На саммите в Ашхабаде (Туркменистан) подписано соглашение об организации интегрированного валютного рынка стран — участниц Таможенного союза. Соглашение 5 декабря 2012 года подписали Россия, Беларусь, Армения, Кыргызстан и Таджикистан. Согласно документу, на территории стран-участниц соглашения можно будет совершать обменные валютные операции напрямую, без промежуточного пересчета на доллары или евро.

Таким образом, определен курс на переход во взаимной торговле полностью на национальную валюту, чтобы вытеснить посредников — доллар и евро. Для этого, как пояснил Сергей Глазьев, «нам важно с помощью ММВБ обеспечить прямые котировки наших нацвалют, уйти от кросс-курсов, создать единую платежную систему в национальных валютах». «И даже после этого не обязательно переходить на единую валюту, потому что ее роль де-факто играет и будет играть рубль, по крайней мере в рамках трех государств»³⁷, — заметил он.

Заокеанским партнерам есть о чем беспокоиться: в перспективе создание Евразийского союза к 2015 году уже влечет за собой совместное решение вопросов квазиполитического, как их назвал Президент Владимир Путин, характера. В частности, это вопросы интеграции в сфере визового режима. Уже сейчас идут консультации по унификации паспортно-визового контроля, чтобы снять не только таможенный контроль на границе, но и паспортно-визовый контроль для граждан внутри интеграции. Это работа на перспективу не менее пяти лет.

³⁷ <http://www.banki.ua/news/lenta/?id=214313>

Также высока вероятность создания после 2015 года единого финансового регулятора для более эффективной работы единого финансового рынка. В этом ключе идет проработка решения о взаимном признании лицензий и прочих разрешительных документов на финансовом рынке.

Реакция международного лидера на проявление свободы и самоопределения, выбора стратегии совместного развития дружественных друг другу государств Евразии не заставила себя ждать. 7 декабря 2012 года тогдашний госсекретарь США Хиллари Клинтон в резкой форме заявила о намерении США всячески препятствовать процессам интеграции постсоветских государств, назвав их попытками «советизации». В странах бывшего СССР «пространство для гражданского общества и защиты прав человека и фундаментальных свобод сокращается, а власти становятся намного агрессивнее, пытаются подавить протест, предотвратить свободу выражения и обмена мнениями», — заявила бывший госсекретарь. По ее словам, США не намерены наблюдать объединение стран, сложа руки: «Мы пытаемся найти эффективный способ замедлить или предотвратить этот процесс»³⁸.

Выступление Хиллари Клинтон в этом смысле показательно: ее праведный гнев в сторону «советизации» очень хорошо ложится на подготовленный голливудскими фильмами модус сознания рядового потребителя продукции «фабрики грез», даже если это молодой потребитель, для которого и «холодная война», и «северная война» — одинаково мало что означающие термины, которые он мог услышать из школьного курса истории.

Однако для этого молодого потребителя (как американского, так и евразийского) определенно не прошли

³⁸ <http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1355207580>

незамеченными фильмами Дж. Лукаса «Звездные войны»³⁹, трилогия П. Джексона «Властелин колец» (2001–2003)⁴⁰ и другие голливудские фильмы о борьбе добра со злом. Просмотр этих эпических картин оставляет глубокое впечатление и расставляет в сознании определенные акценты. Так что уже сформированный ими менталитет легко откликается на родственные голливудским сюжетам эмоциональные призывы, а правильные лингвистические ассоциации легко возбуждает нужные ассоциации: «они восстанавливают СССР» = «они восстанавливают Звезду смерти»; «они объединяются» = «зло накапливает силы в Мордоре».

Разумеется, США, выступающие в светлом автомифе от лица мирового добра, обязаны воспрепятствовать любому «усилению зла». Уникальность положения США в том, что при помощи мощного голливудского форматирования сознания удастся несколько десятилетий подряд создавать прочную основу этого мифа, а затем для детонации нужного заряда эмоций в обществе достаточно произнести несколько простых и известных фраз, вызывающих из подсознания нужные ассоциации. Эти эмоции действуют вопреки рациональному мышлению, и потому любое действие со стороны «мирового добра» имеет самооправдание. В этих условиях разумные доводы дипломатов в стиле «нет, это абсолютная неправда, вот факты...» работать не будут, так как всем известно коварство зла, способного магически изменять любые факты в свою пользу.

³⁹ X/ф «Звездные войны. Эпизод 1: Скрытая угроза» (Star Wars: Episode I — The Phantom Menace), 1999; x/ф 2002 г. — «Звездные войны. Эпизод 11: Атака клонов» (Star Wars: Episode II — Attack of the Clones), 2002; x/ф «Звездные войны. Эпизод 111: Месть ситхов» (Star Wars: Episode III — Revenge of the Sith), 2005; а также ранее экранизированные части 4 — в 1977, 5 — в 1980 и 6 — в 1983.

⁴⁰ X/ф «Властелин колец» (The Lord of the Rings: Part I–III), 2001–2003.

Правы эксперты, которые интерпретируют слова экс-госсекретаря как сигнал, который Вашингтон устами Хиллари Клинтон подал всем лидерам постсоветских государств, хотя этот сигнал непосредственно адресован и не им. Это сигнал о том, что «империя добра» имеет в своих руках нити, управляющие сознанием довольно крупных общественных сил, и может задействовать свои спецсредства для обеспечения лояльности именно американскому взгляду на вопросы международных связей.

Вообще такие сигналы звучат и прямолинейно. Так, председатель Хельсинкской комиссии конгрессмен США Кристофер Смит заявил, что режим Президента Беларуси Александра Лукашенко закончится благодаря усилиям Европы⁴¹.

Можно себе представить, что значит для американской администрации воссоздание политического и экономического союза бывших стран СССР. В рядах американских политиков еще достаточно ветеранов, которым это покажется кошмарным сном. Средства противодействия усилению тех или иных региональных объединений сегодня развиваются в русле концепции так называемого «управляемого хаоса», или 4GW (войн 4-го поколения). То есть для достижения внешнеполитических целей создаются соответствующие внутривнутриполитические деструктивные условия: проводится полная изоляция страны, «демонизация» ее руководства, раскол гражданского общества. Мы все это наблюдали в 2012 году. В СМИ неоднократно появлялась информация о поставках Беларуси вооружений в Иран и Сирию.

Министр иностранных дел Швеции Карл Бильдт (в Швеции много писали в свое время о том, как он сделал себе состояние на акциях Газпрома) назвал заявление представителя МИД России относительно взаимоотношений

⁴¹ http://world.lb.ua/news/2012/12/27/184015_kongress_ssha_postavil_lukashenko.html

Киева с Таможенным союзом серьезным экономическим шантажом. «Очевидно, что Россия использует ощутимый экономический шантаж, чтобы вынудить Украину изменить политический курс», — написал он в Twitter⁴².

Западные политики очень чувствительны к отношениям стран евразийского пространства. Референт Президента США Барака Обамы Бен Родс в интервью ИТАР-ТАСС заявил: «Мы понимаем, что Россия будет сама все за себя решать, и относимся к этому с уважением. Мы сознаем, что у России имеются исторические связи, тесные связи с целым рядом стран в ее ближнем зарубежье. Вместе с тем, когда мы смотрим на такие государства, как Грузия или Украина, наш фундаментальный интерес заключается не в том, чтобы США могли диктовать ход развития событий в этих странах, а просто в том, чтобы их суверенитет, их территориальная целостность и их способность самостоятельно принимать решения в сфере внешней политики и безопасности оставались в их руках».

Участие Украины и Беларуси в Едином экономическом пространстве официальные представители Европейского союза, Всемирной торговой организации и госдепартамента США оценивают по-разному. Если в отношении Украины они отмечают, что ЕЭП выгодно Украине, но оно не должно противоречить экономическому партнерству Украины с регионом Евросоюза, то в отношении Российско-Белорусского союза госдеп США заявляет: «Мы не возражаем против такой интеграции, которая осуществляется на добровольной основе, носит взаимовыгодный характер и не препятствует вовлечению государств или их экономических систем в мировое сообщество наций».

Прямо и косвенно, в мягкой и в жесткой форме заокеанские друзья не только выражают свое отношение

⁴² <https://twitter.com/carlbildt>

к евразийской интеграции, но и действуют сообразно ему. Что же предлагает в ответ интегрирующаяся Евразия?

Евразия идет вперед. В свое время Президент Беларуси Александр Лукашенко озвучил предложение «тройки» о взаимодействии с Евросоюзом, которое привело бы к созданию общего экономического пространства от Лиссабона до Владивостока. Идею общего европейского дома развивает экономист Руслан Гринберг, отмечая наибольшие перспективы интеграции с Европой в макрорегиональную структуру наравне с такими же крупнейшими — панамериканским, китайско-дальневосточным и индоостанским — макрорегионами. Ученый основывает свои выводы на том, что ЕС, и Россия — объективно уменьшающиеся величины в современном мире, где экономическая мощь стремительно перемещается на Восток. Конвергенция того и другого — императив времени. Владимир Путин выразил уверенность, что у проекта по созданию Евразийского союза больше предпосылок для успеха, чем у Евросоюза, поскольку у потенциальных участников есть единая языковая среда, инфраструктура и похожий экономический уклад. Успехом можно и поделиться.

Любопытно, что чудеса интеграции проявляются там, где их никто не ожидает. Вот, например, Финляндия входит в рублевую зону. С декабря 2012 года во всех универмагах «Стокманн» в Финляндии принимают рубли в качестве платежного средства. Ранее помимо евро в этой сети можно было расплатиться только шведскими кронами, английскими фунтами и долларами США⁴³. При этом никто никого не пугает советизацией, десувениризацией. Чистый пример конкуренции: россияне тратят на шопинг в Финляндии около 150 млн евро в год — за эти деньги финны готовы не только принимать наличные рубли, но и говорить по-русски.

⁴³ <http://e-finland.ru/news/finlandnews/v-univermagah-stokmann-teper-mozhno-rasschitatsya-rublyami.html>

Отношение лидеров международного сообщества к евразийской интеграции можно оценивать двояко: ведь нельзя не заметить, что нагнетание негатива вокруг этого регионального объединения еще больше усиливает стремление к интеграции. Как отметил политолог Модест Колеров, нас объединяет то обстоятельство, что мы все в равной степени — корм для новых арабских революций, и это, по его мнению, достаточно много для брака по расчету⁴⁴.

В политическом плане на евразийском пространстве складывается динамичная картина становления региональной самостоятельности, заявляющей о своем особом месте в мировой экономике. Евразийский союз на глазах становится движущей силой экономической, технологической и гуманитарной интеграции стран, с тем чтобы обеспечить благополучие населяющих его народов и выдвинуться в ряд сильнейших геополитических игроков глобального масштаба.

Таким образом, можно выделить несколько смыслов, которые генерирует внешняя и внутренняя среда евразийской интеграции.

Во-первых, это геополитический смысл, генерируемый внешним окружением. В нем четко определились источники угроз и возможностей. Источники угроз продемонстрировали факт значимости евразийской интеграции, делающей лишь первые свои шаги в геополитическом смысле. В этой связи сравнение экс-госсекретарем США Таможенного союза с Союзом ССР хоть и комично, но почетно, учитывая то, какую огромную роль это объединение играло на международной арене в течение более полувека. Это сравнение означает признание потенциала евразийского объединения. Сильные центры мировой геополитики восприняли его адекватно, и такая реакция придает значимость, осмысленность интегра-

⁴⁴ <http://www.regnum.ru/news/polit/1520915.html#ixzz1s06L8iTL>

ционными процессам, уточняет их контур, проясняет расстановку сил на геополитической шахматной доске.

Во-вторых, это экономический смысл, генерируемый как внешним, так и внутренним окружением, это проявившаяся притягательность очень молодого образования в виде Таможенного союза трех. Стало очевидным, что ближайшие соседи по региону стремятся не отстать в развитии и начинают адаптацию своих социально-экономических систем с целью присоединения к нему. Даже те, кто по каким-то причинам сторонился участия в Таможенном союзе, все больше и больше присматриваются к его динамике, что создает благоприятный фон контактов, встреч, обсуждений, дискуссий. Возникает ментальный образ Таможенного союза как экономически успешного и перспективного объединения. Мы видим интерес со стороны Вьетнама — динамично развивающейся страны с 90-миллионным населением, Новой Зеландии — страны с самым прогрессивным сельскохозяйственным комплексом. Изначально мыслимая как региональная, евразийская интеграция экономик обретает континентальные аспекты.

Особое внимание следует обратить на то, что во внутреннем контуре интеграции образуются генераторы оптимизма и пессимизма в отношении интеграционных процессов. И те и другие играют одинаково важную роль в генерации ее смысла: первые продуцируют широкий спектр идей, проектов и стратегий, иногда на грани разумного, вторые, внося здравую долю скептицизма, возвращают раскрепостившийся разум на землю. Проявляющиеся группы поддержки показывают, где образуется выигрыш, кто и как аккумулирует плюсы интеграции. В то же время группы противников помогают определить, кто и каким образом еще может выиграть, понять, какие нужны условия для расширения состава выгодополучателей, какие вопросы необходимо пропагандировать, чтобы охватить интеграционным участием наибольшую аудиторию.

В-третьих, это смысл повышения собственной значимости посредством общего дела. Интеграция — не догма, а интеграционный союз — не секта. Евразийская интеграция — это процесс, основной закон которого — независимость деталей в едином целом. Это постоянно действующий диалог, подбор вариантов развития, самоанализ, самосовершенствование и апробация новых форм взаимодействия. Стоит еще раз обратить внимание на то, каким образом организован процесс принятия решений в Евразийской экономической комиссии, которая действует на постоянной основе и является наднациональным регулирующим органом Таможенного союза и Единого экономического пространства. Общее руководство деятельностью комиссии осуществляет Совет комиссии, в который входят по одному заместителю глав правительства от каждой стороны.

Каждая сторона поочередно, в алфавитном порядке, в течение года является председателем. Совет комиссии принимает решения консенсусом.

Исполнительным органом комиссии, которая вырабатывает предложения по интеграции Таможенного союза и Единого экономического пространства, является Коллегия комиссии. В Коллегию комиссии от каждой стороны назначают по 3 представителя. Председателем Коллегии комиссии является один из девяти членов коллегии.

Высший Евразийский экономический совет, в котором участвуют главы государств, назначает сроком на 4 года членов коллегии и председателя Коллегии комиссии, с возможным продлением полномочий. Для члена коллегии работа в комиссии является основной. Решения Коллегия комиссии принимает с помощью голосования. Каждый член коллегии обладает одним голосом. В этих условиях ни одна страна не имеет доминирования в принятии решений, а это практически способом исключило само понятие миноритариев в Евразийском союзе.

Собственный смысл в евразийской интеграции генерируется значением каждого из ее учредителей. Это своя индивидуальная траектория развития каждой страны, специализация которой весьма значима для других. Эффективность региональной интеграции — в региональном разделении труда, маневрировать которым страны-участницы могут, создавая общие регулирующие институты взаимопомощи, аккумулируя и распределяя финансовые, технологические, трудовые ресурсы. Это стратегия индивидуального развития каждой из стран на основе общей инфраструктуры, союз, под защитой которого каждый имеет свой голос, но в общих интересах многоголосие приобретает свойства хора.

Оправдательная тактика в реакции на различные выпады должна уступить свое место тактике наступательной. Стратегия развития интеграционного узла евразийских связей может быть успешной только в цельном виде, но не в виде приспособленчества к мнениям внешних игроков. Да, любая страна имеет право на собственное мнение относительно интеграционной динамики в Евразии. Некоторые из них, такие как Вьетнам и Новая Зеландия, желают войти в расширенный евразийский рынок на его условиях. Претенденты на включение в один или несколько контуров интеграции есть и появятся еще, это несомненно, но некоторым странам этот тренд мешает. Кого-то не устраивает переориентация интересов на Евразийский союз, есть различные интеллектуалы, институты, лоббисты, продвигающие интересы, идущие вразрез с интересами евразийской интеграции. Эти проявления симпатии и антипатии устранить невозможно. Как на них реагировать? Идти вперед, следуя стратегическому плану построения общего евразийского будущего.

Послесловие

Книга евразийской интеграции — произведение с открытым финалом: едва дописанная страница уже становится историей, а сами события интеграции опережают их осмысление. Основные двигатели евразийской интеграции — интересы двух типов (объективные и субъективные) — где-то очень схожи между собой. Это экономические интересы стран-соседей, во многом различные, но удачно дополняющие друг друга и поэтому сочетающиеся в системе регионального разделения труда. И это волевые устремления руководителей интеграции, определяющих свое видение ведомых ими стран в общем процессе. В этом исторически предопределенном союзе с объективными мировыми тенденциями лидеры стран евразийской интеграции преодолевают и инерционность обществ, и сопротивление элит, и глухую оборону бюрократических машин, настроенных на движение в своих интересах;

События текущего момента сопряжены с перераспределением полномочий от национальных структур к наднациональным. Становление архитектуры интеграционных институтов — это перекраивание живых, годами создаваемых сложных связей, прокладка магистралей поверх протоптанных бюрократических тропинок. Это новые частоты звучания Евразийского союза, на которые, по непреклонному требованию интеграционных процессов, необходимо перенастраивать прием.

Понимание того, что наднациональные полномочия и компетенции имеют свой собственный уровень, будет утверждаться в тяжелых раундах позиционной борьбы. Усложнение процедур, согласований, многосторонний характер договоренностей необходимы, потому что новая архитектура интеграционного здания есть только

средство для реального упрощения всей совокупности отношений между жителями нового евразийского дома. Несмотря на все сложности, интеграция уже вступила в силу, стало гораздо проще закупать и перемещать товары, пошел процесс технологической кооперации на уровне крупных предприятий и так далее.

Все базовые принципы интеграции оправдывают себя. Где-то совместные процессы необходимо форсировать, где-то объективно нужна пауза. Все скорости и уровни интеграции взаимосвязаны: Таможенный союз, Единое экономическое пространство Беларуси, Казахстана и России уже работают эффективно, как отметил Президент РФ Владимир Путин: «Мы приступили к созданию Евразийского экономического союза и, конечно, будем идти по этому пути и решим эту задачу»⁴⁵. Незыблемость этого курса подтвердил и основоположник евразийской интеграции — Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев: «Мы вместе с Россией и Беларусью сформировали Единое экономическое пространство, идем к созданию Евразийского экономического союза. Это, — как подчеркнул президент, — важный фактор общерегиональной стабильности, повышения конкурентоспособности наших экономик»⁴⁶. Совпадение объективных экономических условий и траекторий развития стран, лидеры которых оказались на высоте понимания мировых трендов, не оставляет сомнений в том, что евразийская интеграция отвечает вызовам XXI века, в который Евразийский союз входит как соучредитель нового многополярного мироустройства.

⁴⁵ Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию: Москва, 12 декабря 2012 года <http://президент.рф/news/17118>.

⁴⁶ Назарбаев Н.А. Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана: Астана. 27 января 2012 г. http://www.akorda.kz/ru/page/poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-n-a-nazarbaeva-narodu-kazakhstana_1339760819.

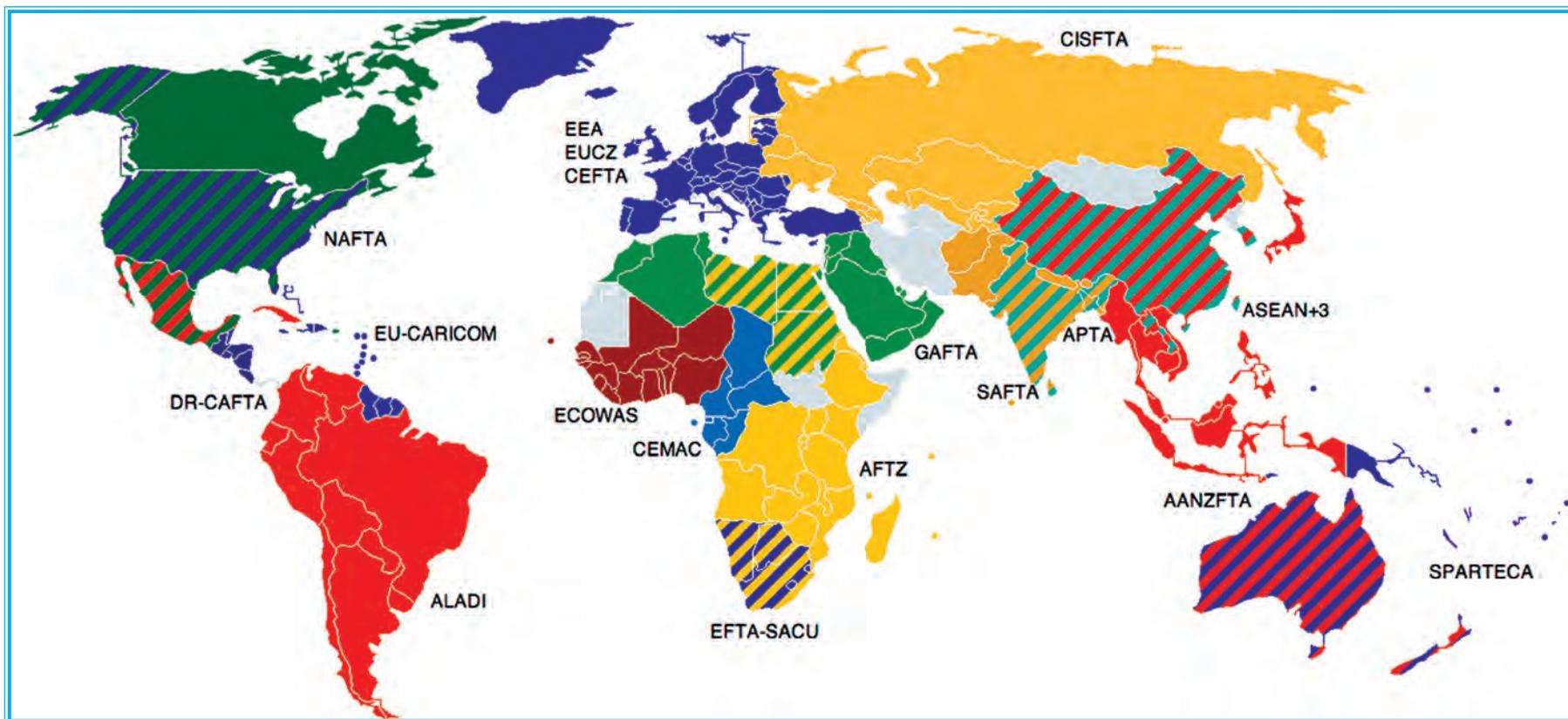

Молодежь Евразии

Страны СНГ⁴⁷

⁴⁷ http://tsouz.info/news/events/V_Moskve_podpisali_memorandum_o_vzaimodeystvii_EEK_i_ispolkoma_SNG

География зон свободной торговли
в начале второй декады XXI века⁴⁸

SPARTECA — Южнотихоокеанское соглашение о региональной торговле и экономическом сотрудничестве.

ASEAN+3 — ЗСТ (зона свободной торговли) стран АСЕАН и тройки: Китай, Япония, Южная Корея.

AANZFTA — ЗСТ стран АСЕАН, Австралии и Новой Зеландии.

CISFTA — ЗСТ Содружества Независимых Государств.

APTA — Азиатско-Тихоокеанское торговое соглашение.

SAFTA — Южноазиатская ЗСТ.

GAFTA — Международная ассоциация торговли зерном и кормами.

AFTZ — Африканская ЗСТ.

EFTA-SACU — Объединение Европейской ассоциации свободной торговли и Исландии, Лихтенштейна, Норвегии и Швейцарии.

CEMAC — Центральноафриканское валютно-экономическое сообщество.

ECOWAS — Экономическое сообщество стран Западной Африки.

EEA — Европейская экономическая зона.

EUCZ — ЗСТ стран ЕС и Андорры, Сан-Марино, Монако, Турции.

CEFTA — Центральноевропейская ЗСТ.

ALADI — Латиноамериканская ассоциация интеграции.

EU-CARICOM — ЗСТ Евросоюза и Карибского сообщества.

NAFTA — Североамериканская ЗСТ.

DR-CAFTA — ЗСТ Доминиканской республики, Центральной Америки и США.

⁴⁸ http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Free_Trade_Areas.PNG?uselang=ru

Страны ШОС⁴⁹

Флаг СНГ⁵⁰

⁴⁹ http://pioss.net/blog/the_institutions_of_government_and_organizations/719.html

⁵⁰ http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Flag_of_the_CIS.svg?uselang=ru

Флаг Организации договора о коллективной безопасности⁵¹

Флаг ЕврАзЭС⁵²

⁵¹ http://commons.wikimedia.org/wiki/File:CSTO_Flag.png?uselang=ru

⁵² <http://www.vexillographia.ru/inter.htm>

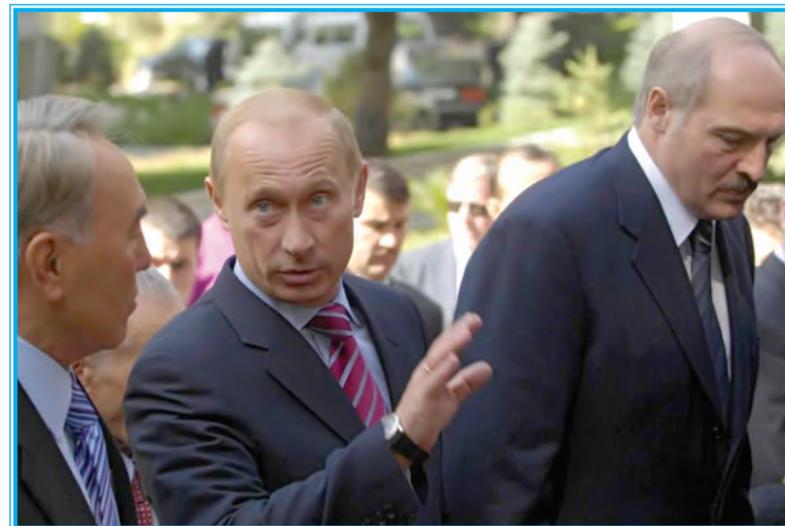
Эмблема Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)⁵³

Главы государств — членов ШОС⁵⁵

Главы государств — участников СНГ⁵⁴

Главы государств — членов ЕЭП⁵⁶

⁵³ <http://www.vexillographia.ru/inter.htm>

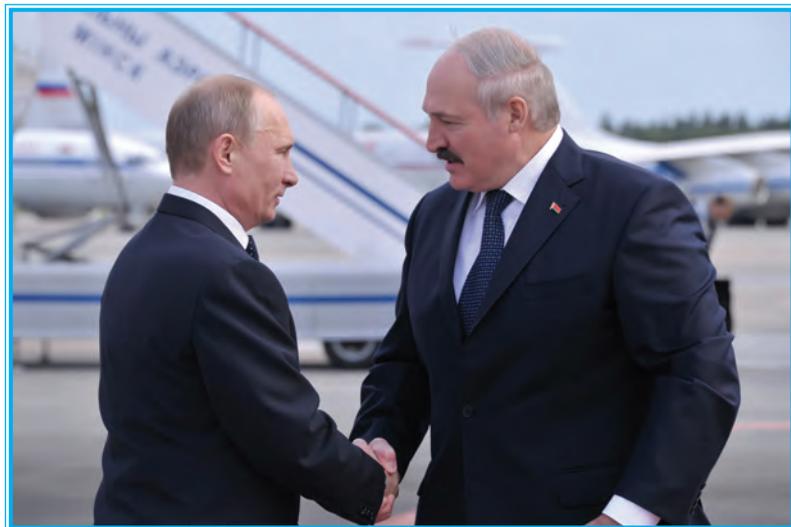
⁵⁴ <http://www.cis.minsk.by/news.php?id=1087>

⁵⁵ http://www.president.kg/ru/news/812_prezident_almazbek_atambaev_prinyal_uchastie_v_zasedanii_soveta_glav_gosudarstv-chlenov_shos_v_uzkom_sostave/

⁵⁶ <http://www.azattyq.org/content/article/24358755.html>

Россия, Казахстан и Беларусь создали Евразийскую экономическую комиссию. Москва, 19 декабря 2011 г.⁵⁷

Президент России Владимир Путин и Президент Беларуси Григорий Лукашенко⁵⁸

⁵⁷ <http://www.customsunion.kz/info/5168.html>

⁵⁸ <http://telegrafist.org/2013/02/17/40981/>

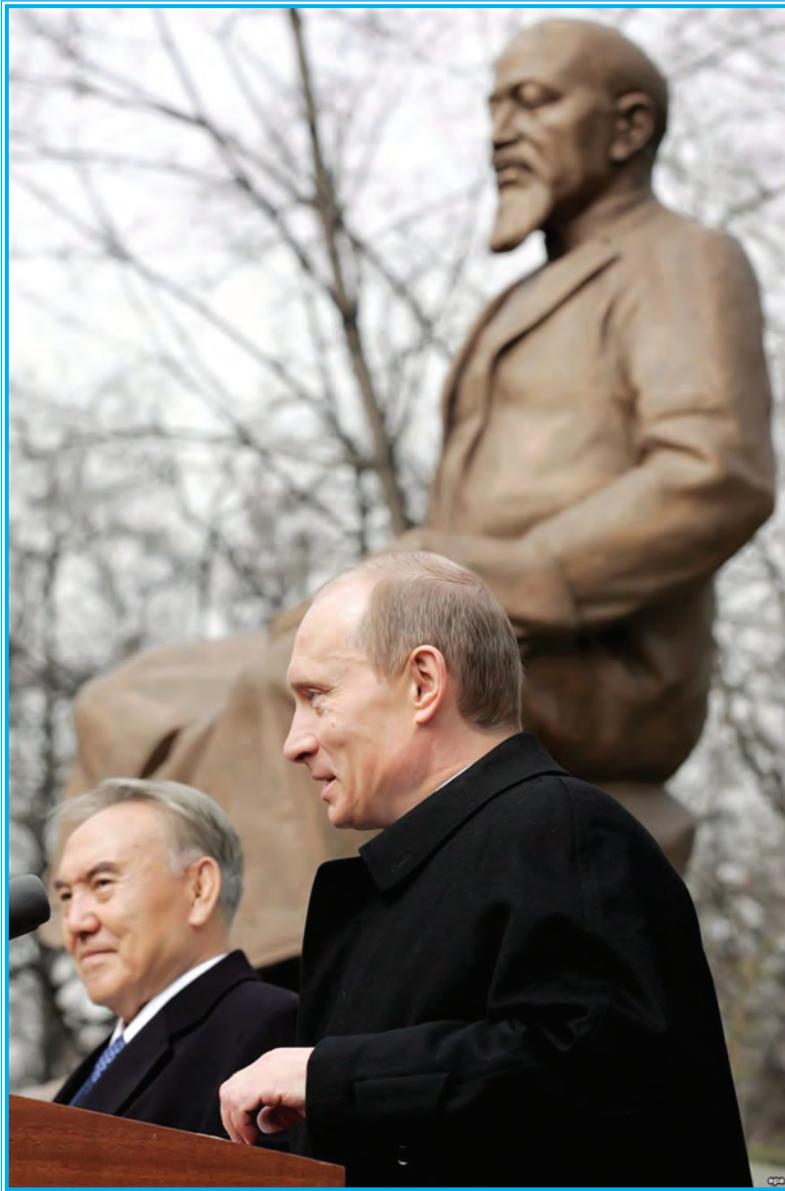
Неформальная встреча глав государств — членов ОДКБ. Астана, 12 августа 2011 г.⁵⁹

На космодроме «Байконур»⁶⁰

⁵⁹ <http://news.nur.kz/192534.html>

⁶⁰ <http://архив.президент.рф/events/chron/2005/06/88876.shtml>

На открытии памятника Абаю в Москве⁶¹

⁶¹ <http://yk.kzwww.yk.kz/news/show/4145>

Академик РАН, советник Президента России
Сергей Глазьев⁶²

Евразийский экономический форум «Экономическая
безопасность Евразии в системе глобальных рисков»,
Астана, 2009 г.⁶³

⁶² <http://focus.kg/news/polytics/9959.html>

⁶³ <http://tauelsizdik.kz/rus/photogallery?page=4&>

Межпарламентская ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств (СНГ).
27 октября 2010 г.⁶⁶

Коллективные силы оперативного реагирования ОДКБ⁶⁸

Таможенный пост «Жаназол» на севере Казахстана прекратил свою работу 1 июля 2011 г.⁶⁷

Учения сил КСОР ОДКБ «Нерушимое братство — 2012». Первое совместное миротворческое учение ОДКБ, Республика Казахстан, 8–17 октября 2012 г.⁶⁹

⁶⁶ <http://old.iacis.ru/html/index.php?id=17&mid=1184&str=photo>

⁶⁷ <http://zhastarsko.org/index.php/kz/probapera/item/393%D1%82%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D0%B6%D0%BD%D1%8F-%D1%83%D1%85%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D1%82>

⁶⁸ <http://www.arms-expo.ru/049051124050055051052051.html>

⁶⁹ http://www.odkb-csto.org/photogallery/?PAGE_NAME=detail&SECTION_ID=157&ELEMENT_ID=1351

Участники X Евразийского медиафорума: директор Центрально-Азиатского направления ЦАТУ Тохтар Тулешов (справа) и президент телерадиокомпании «Айгак» Дулат Абишев (в центре). Астана, 2012 г.

Участники Международной конференции «Евразийская интеграция: новые угрозы, новые решения»: Глава Представительства в Республике Казахстан ЦАТУ Тохтар Тулешов (слева) и заведующий кафедрой международных отношений Академии управления при Президенте Республики Беларусь Сергей Кизима (справа). Москва, 2013 г.

Доклад Главы Представительства в Республике Казахстан ЦАТУ Тохтара Тулешова на Международной конференции «Евразийская интеграция: новые угрозы, новые решения». Москва, 2013 г.

Участники Международной конференции «Евразийская интеграция: новые угрозы, новые решения»: Генерал армии, Президент Академии военных наук Махмут Гареев (справа) и Глава Представительства в РК ЦАТУ Тохтар Тулешов (слева). Москва, 2013 г.

Сборка автомобилей VAZ-21213 «Нива»
в Усть-Каменогорске на заводе «Азия-Авто»

Выпуск тракторов «Беларус-82.1» на совместном
казахстанско-белорусском предприятии

Избранная библиография

1. *Абай Кунанбаев*. Избранное (серия «Мудрость веков»). — М.: Русский раритет, 2006.
2. *Базаров-Руднев В. А.* Путь к социализму. — Харьков, 1919.
3. *Бек У.* Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. — М.: Прогресс-Традиция, 2001.
4. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. — М.: Academia, 1999.
5. *Бердяев Н.* Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. — М.: Мысль, 1990.
6. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. — М.: Междунар. отношения, 1998.
7. *Богданов А.А.* Тектология: Всеобщая организационная наука. В 2 кн. — М.: «Экономика», 1989.
8. *Брутенц К.* После однополярного мира // Свободная мысль, 2009, №6 (1601).
9. *Валиханов Ч.Ч.* Собр. соч. в пяти томах. Алма-Ата, 1984—1985.
10. *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира. Социология XXI века. — М.: Логос, 2003.
11. *Валлерстайн И.* Мир-системный анализ. — М.: Знание, 2004.
12. *Вернадский Г.В.* Опыт истории Евразии. Звенья русской культуры. — М.: Товарищество науч. изданий КМ К, 2005.
13. *Вумек Джеймс П., Джонс Даниел Т.* Бережливое производство. Как избавиться от потерь и добиться процветания вашей компании. — М.: Альпина Паблишер, 2011.

14. Гумилев Л. Этногенез и биосфера Земли. — М.: Айрис-Пресс, 2003.
15. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. — М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011.
16. Кант И. Критика практического разума // Кант И. Соч. на нем. и рус. языках в 4 тт. Т. 3. — М.: Московский философский фонд, 1997.
17. Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века. — М.: Ладомир, 2002.
18. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры история предвидения — избранные труды. — М.: «Экономика», 2002.
19. Кудайбердиев Ш. Три истины. — Алматы: Казахстан, 1991.
20. Маслоу А.Г. Мотивация и личность. — М.-СПб.: Евразия, 1999.
21. Медведев Д. Россия, вперед! // Официальный сайт администрации Президента РФ: <http://президент.рф/news/5413>, 10.09.2009
22. Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рандерс Й. Пределы роста. 30 лет спустя. — М.: ИКЦ «Академкнига», 2007.
23. Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рэндерс Й., Беренс В.В. Пределы Роста. Сложное положение человечества. — М.: МГУ, 1991.
24. Мид Дж. Г. Интернализированные другие и самость // Американская социологическая мысль: Тексты. — М.: МГУ, 1994.
25. Моисеев Н.Н. Быть или не быть... человечеству. — М.: Ульяновский Дом печати, 1999.
26. Мун П. — Г. Глобальные вызовы человечеству: доклад Генеральной Ассамблее ООН // Спасение, 2008, № 11.
27. Назарбаев Н.А. Евразийский союз: идеи, практика, перспективы. 1994–1997. — М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997.

28. Нейман Д., Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. — М.: Наука, 1970.
29. Нейсбит Дж. Мегатренды. — М.: АСТ, 2003
30. Ницше Ф. *Esse homo*. Сочинения. В 2 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1990.
31. Омае К. Упадок национального государства: становление региональных экономик. — М.: Европа, 2009.
32. Парсонс Т. Система современных обществ. — М.: Аспект Пресс, 1998.
33. Печчеи А. Человеческие качества. — М.: Прогресс, 1985.
34. Путин В. Послание Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации 25 апреля 2005 года // Российская газета — Федеральный выпуск № 3755 от 26 апреля 2005.
35. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения // Рикардо Д. Соч. Т. 1. — М., 1955.
36. Савицкий П.Н. Континент Евразия. — М.: Аграф, 1997.
37. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. — М.: Эксмо, 2007.
38. Снесарев А.Е. Русский Восток как задача краеведного изучения // Восток, 1993, № 3.
39. Сорос Дж. Мыльный пузырь американского превосходства. На что следует направить американскую мощь. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2004.
40. Сорос Дж. Тезисы о глобализации // Вестник Европы, 2001, № 2.
41. Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. — Мн.: Совр. литератор, 1998.
42. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. — М.: Мысль, 2003.
43. Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. — М.: Грифон, 2005.

44. Тойнби А. Постигание истории. — М.: Прогресс, 1991.
45. Тоффлер Э. Третья волна (The Third Wave). — М.: АСТ, 2010.
46. Тоффлер Э. Футурошок. — М.: АСТ, 2004.
47. Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 1999.
48. Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. — М.: Аграф, 1998.
49. Форрестер Д. Мировая динамика. — М.: АСТ, 2003.
50. Фромм Э. Иметь или быть? — М.: АСТ, 2007.
51. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избр. политические статьи, выступления и интервью. — М.: АСТ, 2004.
52. Хакен Г. Принципы работы головного мозга: Синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности. — М.: Per Se, 2001.
53. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — М.: АСТ, 2003.
54. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. — СПб.: Алетейя, 1998.
55. Шпенглер О. Закат Европы. В 2-х т. — М.: Мысль, 1993.
56. Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. — М.: Ладомир, 2004.
57. Эшби У. Введение в кибернетику. — М.: Иностранная литература, 1959.

Научное издание

Т.Д. Тулешов

Евразийская интеграция. Построение будущего

Издание осуществляется
Вольным экономическим обществом России
125009, Москва, ул. Тверская, 22А

Научные рецензенты:
В.В. Каширин — профессор Московского
государственного университета
им. М.В. Ломоносова, д.э.н.;
А.К. Шуркалин — профессор Российского
государственного университета
нефти и газа им. И.М. Губкина, д.э.н.

Тираж 1000 экз.

Подписано в печать 13., заказ № .
Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФКП «НИИ «Геодезия» 141292, Московская обл.,
г. Красноармейск, просп. Испытателей, 14

ISBN 978-5-94160-165-3
ISSN 2072-2060

© Т.Д. Тулешов, 2013
© Вольное экономическое общество России, 2013